

МАША ТРАУБ

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Ласточ...ка

Annotation

«Ласточ...ка» – семейный роман. История любви, ненависти и – надежды. Отчаянной надежды на то, что еще не поздно все изменить, что близкие люди рано или поздно поймут друг друга.

- [Маша Трауб](#)
 -
-

Маша Трауб

Ласточ...ка

Ольга и Наташа ничем не отличались от других девочек-сестер. Разве что тем, что были совершенно не похожи. Их мать не только верила в теорию, что второй ребенок в семье получается более красивым, умным, талантливым, но и пропагандировала ее. Мать не скрывала, бравировала такой женской позицией.

Ольга и Наташа были погодки. Все детство старшая Ольга лупила младшую сестру. Старалась попасть по голове. Когда была совсем маленькой – била куклами, ведерками, лопатками. За это мать ставила ее в угол. Ольга потихоньку, пока не видела мать, сгребала в угол игрушки и оттуда метала в сестру. Стараясь попасть в голову.

Ольга ненавидела Наташу. До рвоты. До скручивания и сосущей боли в животе. Позже врачи поставили диагноз – дискинезия. Но Ольга знала, что это не дискинезия. Это ненависть, выплескивающаяся наружу желчной рвотой, зеленым жидким стулом.

Приступы у Ольги случались по вечерам. Никто не знал, почему ей становилось плохо именно вечером. Ольга знала. По вечерам мать говорила Ольге «спокойной ночи» и садилась на кровать к Наташе. Наташе мать пела на ночь песенку. Это был их вечерний ритуал. Мать пела: «Моя рыбонь...» – делала паузу, и Наташа подпевала окончание: «ка». «Моя детонь...» – продолжала мать. «Ка», – уже сонным голосом заканчивала Наташа. «Моя лапонь...» – «Ка».

Кровать Ольги стояла напротив Наташиной. Ольга тоже пела эту песенку. Себе самой. Про себя. И старалась придумать больше ласковых слов, оканчивающихся на «ка», чем мать Наташе.

Утром, когда девочек отводили в детский сад, Ольга начинала мстить матери. Это было лучшее время для мести – мать опаздывала на работу. Ольга медленно, очень медленно натягивала колготки, так же медленно надевала платье – задом наперед. Или наизнанку. Специально. Мать злилась, сдергивала с нее платье, вытряхивала из колготок. Переодевала. Цедила сквозь зубы: «тупица», «бестолочь», Ольга не обижалась. Пусть так – с болью от царапавшей шею застежки платья, синяками от материнских пальцев на ноге, но эти минуты с матерью были ее – Ольгины, оторванные от Наташи.

Кстати, Ольгой – не Олей, не Оленькой, не Лелей, не Ольгуней или Олюней – она была с детства: мать, как старшую, называла ее полным именем. Наташа в детстве была Тусей, Натусей, Натой, а иногда по вечерам, под колыбельную, даже Ванькой или Пусей.

Ольгу периодически сдавали в детский сад на пятидневку – в качестве наказания. На пятидневку Ольга ходить не хотела. Не потому что скучала по матери или по сестре. Потому что боялась – вдруг ее не заберут в пятницу? У них в группе был такой мальчик – Женя Малков, его по пятницам не забирали. Так думала Ольга. Потому что, когда за ней, последней, приходила мать, Женя еще сидел в раздевалке около своего шкафчика. А когда она, первая, приходила в понедельник – Женя уже сидел в раздевалке. В тех же шортах поверх колготок и рубашке, что и в пятницу. С Женей в группе не дружили. Потому что его не забирали, как всех. И потому что в их группе была еще девочка Женя. И мальчишки считали, что у Жени-мальчика девчачье имя. Ольга тоже всю неделю с ним не дружила, а дружила только утром в понедельник и вечером в пятницу – все равно больше было не с кем. С Женей была связана и тайна, которую никак не удавалось раскрыть Ольге. На физкультуре она, по росту, стояла за Женей. И воспитательница, марширующая в середине круга, всегда ей говорила: «Ольга, смотри в затылок Жене». Ольга честно смотрела на Женину голову с ночным, нерасчесанным колтуном в волосах, но никак, не могла понять, где же у него затылок. И у всех ли есть затылок или только у Жени?

Ольгу везла в сад мать. Они долго ехали на метро, потом на троллейбусе. Ольга плакала от недосыпа. Особенно страшно было поздней осенью и зимой. На улице холодно, темно и страшно. Мать больно тянула ее за руку и требовала, чтобы Ольга поднимала ноги. Ольга прошагивала несколько метров, вскидывая колени, как в саду на физкультуре, а потом уставала и начинала шаркать. Мать дергала ее за руку и цедила: «Поднимай ноги, кому сказала». Ольга сначала хотела объяснить, что не может не шаркать, потому что сапоги тяжелые. А потом специально шаркала. Мстила. Сапоги мать «достала» для Наташи. Но оказалось, что сапоги не те и Наташе большие. Ольге они тоже были велики, но мать сказала, что эти будет носить Ольга, а Наташе «достанут» другие, «нормальные».

Когда они выходили на нужной остановке, начиналось самое страшное – дорога от остановки до здания детского сада. Через пустырь. На пустыре от земли шел пар. Ольга начинала упрямиться – страшно заходить в дым и идти на звук материнского окрика. И тогда мать придумала историю про Старуху-болотницу, которая живет на пустыре, хватает детей за ноги и утаскивает в туман, если идти медленно. Ольга неслась по дорожке так, что в ушах свистело. В один из дней Ольге показалось, что Старуха-болотница ее все-таки схватила. Ольга зацепилась за что-то ногой и упала. Она лежала на мокрой траве, кричала и отползала назад, на безопасную дорожку. Подошла мать, сняла с ее сапога

комков травы и влепила подзатыльник.

Ольга возвращалась на выходные домой и принималась за старое. Наташа, когда видела сестру, складывала на темечке ладошки и приседала. Мать долго не могла понять почему. Пока случайно не увидела, как Ольга одной рукой отрывает руки Наташи от головы, а другой методично долбит сестру старым деревянным кубиком или молоточком от ксилофона по освободившемуся пространству.

Однажды зимой мать потеряла Наташу по дороге в магазин. Она посадила дочерей на санки паровозиком – сзади Ольгу, спереди Наташу. Обе девочки были одеты в шубы из искусственного меха, которые мать называла «Чебурашками». Тяжеленные, застывающие колом на морозе. С мальчуковым ремнем на талии. На середине дороги Ольга спихнула сестру с санок. Мать, волочившая санки, не заметила. Заметила уже около магазина.

– Где Наташа? – закричала мать на Ольгу.

– Не знаю. – Ольга насупилась.

Мать оставила санки с Ольгой около магазина и побежала искать младшую дочь. Наташа нашлась в сугробе неподалеку. Она лежала и смотрела в небо. Не плакала. Встать в шубе она сама не могла – в этой «Чебурашке» ребенок мог только стоять, и то если его поставить. Ходить тоже было сложно. Приходилось ходить пингвином, широко расставив руки. Мать сгребла в охапку дочь и, задышавшись от тяжести и волнения, побежала назад.

– Ты бессовестная эгоистка, – сказала мать Ольге. Это было самым страшным ругательством. Потому что Ольга не знала, что такое «бессовестная» и кто такая «эгоистка». Все вместе звучало хуже «какашки» и «дуры», которыми Ольга обзывала сестру.

После пятидневки благодаря ночной нянечке Ольга расширяла свой словарный запас ругательств. Сестру она называла засранкой, мандавошкой и пиздой.

Как старшая дочь, Ольга должна была помогать маме – убирать со стола тарелки и мыть посуду. Как-то она уронила тарелку и сказала то, что говорила их нянечка: «Вот, блядь, ебана в рот». Она и не думала, что сказала что-то нехорошее.

Мать подлетела к ней и с размаху ударила по губам. У Ольги во рту стало мокро и кисло – от крови из прикушенного языка.

– Откуда ты эти слова принесла? Кто так говорит? Еще раз скажешь – вообще убью! – закричала мать.

Ольга поверила. Ей потом еще долго было больно есть и пить. Если на язык попадало горячее, начинало щипать. Но нянечку Ольга не выдала. Потому что та подкармливала ее вкусеньким. У нее в кладовке всегда лежал пакет с сушеными яблоками – жесткими и кислыми. Но Ольге было важно, что именно ее из всей группы нянечка заводила в кладовку и выдавала три сухих ломтика. Она запихивала в рот сухофрукт прямо в кладовке – чтобы никто не отобрал. И выходила с ощущением собственной исключительности. Правда, Ольга не понимала, почему нянечка, глядя, как она, не жуя, заглатывает яблоки, плачет.

Еще Наташе нужно было во всем уступать и отдавать все самое вкусное – доспевший на подоконнике банан, мандарин. Ольга отдавала. Но за обедом, когда мать отворачивалась к плите, Ольга меняла тарелки. Она считала, что у Наташи суп и котлета вкуснее. Ольга, опять же после пятидневки, сметала все, что было положено на тарелку. Выработанный в детском учреждении условный рефлекс. Нянечка ходила между столами и смотрела, как едят дети. Когда нянечка подходила к Ольге, всегда говорила: «Лопай, лопай, ровняй морду с жопой». Но хуже всего было аутичному по внутреннему устройству Жене – Ольгиному соседу по столу и раздевалке. Женя тщательно вылавливал из супа лук. Потом принимался за ловлю морковки. Все выловленное раскладывал по ободку тарелки. Иногда морковка и склизкие разваренные колечки лука срывались и падали назад в суп. Женя опять начинал возить по тарелке ложкой. В этот момент подходила нянечка и хлопала его по затылку – ешь. Хлопала так сильно, что он нырял в тарелку лицом. Нянечка выгоняла его из-за стола – умываться. У нее были и другие способы кормежки. Она подсаживалась к Жене, загребала полную ложку каши, сдавливая ему щеки и впихивала в насильно открытый рот ложку. Ольга знала, что Женя любит кашу. Только без масла. Если бы он успел отогнать таявшую масляную плюху из ямки в середине к краю, все было бы в порядке. Нянечка же, наоборот, набирала ложку, чтобы непременно с маслом. Женя держал кашу во рту, не глотая. «Глотай», – требовала нянечка. Женя сидел, надув щеки. Однажды его вырвало прямо в тарелку с кашей. «Пока не съешь, из-за стола не выйдешь». Женя просидел за столом всю прогулку. Спасла его посудомойка, недосчитавшаяся тарелки.

Ольга в эти минуты внутренне страдала – не знала, на чьей стороне ей быть. Нянечка ей нравилась из-за сухофруктов, но и Женю было жалко. Она не знала, что нянечка уделяла такое внимание Жене не просто так, а за деньги. Родители мальчика, которые все же существовали, но очень много работали, приплачивали ей за то, чтобы их худой до прозрачности ребенок был накормлен.

Наташа ковырялась в еде вилкой. Ее нужно было уговаривать съесть еще один кусочек. Но даже это

было не в пользу Ольги.

– Наташа у нас малоежка. Аристократка, кость тонкая, – сообщала мать воспитательницам в детском саду. – А Ольга жрет, что ни дашь.

Ольга мстила, опрокидывая тарелки. Когда еда была слишком горячей, мать ставила тарелку на подоконник, под приоткрытую форточку. Подоконник был узким, тарелка едва держалась. Ольга, естественно нечаянно, смахивала ее. Если тарелка падала на эту сторону – на пол, обрызгивая супом стены, было хорошо. Несмотря на то что мать заставляла Ольгу вытирать разлитое и подметать осколки. Но удачей Ольга считала те случаи, когда тарелка или чашка улетали на другую сторону – за окно. А если еще за окно улетала Наташина чашка – у нее всегда были «свои» чашки – с медвежатами, лягушкой, – Ольга едва не подпрыгивала от радости на стуле. Ольгу отправляли вниз – искать чашку, но она, для виду похаживая под окнами, возвращалась с пустыми руками. Не нашла. На самом деле она находила посуду в первые минуты. Самое сложное было ее спрятать – Ольга определяла самое неприметное дерево и зарывала под ним чашку сестры. Выкладывала сверху на получившуюся горку листочек или камушек, чтобы только она могла определить тайное место.

Наташа и Ольга были сводными сестрами. Они про это узнали, когда обе были подростками – четырнадцать и тринадцать лет соответственно. И сестринской любви это знание не прибавило. Они тогда стали более пристально рассматривать фотографии и задаваться вопросом: почему друг на друга не похожи? То есть вообще ничего общего. Гротескная непохожесть. Ольга – крупная блондинка. Наташа – миниатюрная брюнетка.

Кто был ее отцом, Ольга не знала – мать никогда не говорила. То есть у нее отец был, но на него была похожа Наташа. А Ольга якобы на маму. Ей не хотелось быть похожей на мать, а хотелось быть как Наташа.

Ольга отрезала коротко, как у сестры, волосы. В результате Наташа ходила с модной стрижкой, Ольга – с вороньим гнездом. Потом Ольга стащила у матери пакетик хны и дома, обляпав всю ванную, перекрасилась, намазывая голову старой зубной щеткой, чтобы краска ровнее ложилась. Когда смыла, отшатнулась от зеркала – голова стала медно-красной. Еще раз помыла голову – цвет держался.

Она перестала есть – худела. Через неделю попала в больницу. Потом долго лечилась в подмосковном пансионате с диетическим питанием, куда ее отправила мать.

Пансионат мало чем отличался от пятидневки. Кормили приблизительно так же. Только на пятидневке воспитательница называла ее «жопень» от слова «жопа», а в пансионате называли по фамилии и номеру палаты и стола – для каждого стола своя диета. «Кириллова, пятая, номер два». Ольга не знала, что лучше – быть «жопенью» или «номером два».

Когда Ольга подросла, она из обрывков семейных рассказов и недосказов составила приблизительное генеалогическое древо семьи.

Ольга была «залетной». Ее биологический отец факт отцовства не признал и сгинул в неизвестном направлении. Личная трагедия, каковой Ольгина мать считала свою беременность, и роды – неминуемая расплата – не помешали ей познакомиться и сблизиться с приличным человеком. Ольгина мать решила, что это награда за все ее страдания, и опять забеременела – теперь уже сознательно. Родила Наташу. Ее муж оказался просто порядочным человеком – мало того что женился, так еще и Ольгу удочерил. Воспитывал как родную. Чувствуя, что жена не любит старшую дочь, старался за двоих.

Папу Ольга боготворила. Но и злилась на него. Почему он разрешил отправить ее на пятидневку? Почему он всегда на работе? Она устанавливала внутреннюю ретроспективу событий – что папа для нее сделал, что сказал?

То, что папа ее любит больше, чем Наташу, Ольга поняла, когда они летом поехали отдыхать в пансионат. Ольгу мать забыла в коридоре главного корпуса – они шли с обеда в столовой. Ольга стояла у окна и видела, как папа бежит вокруг корпуса. Он что-то кричал, но Ольга не слышала, что именно. Он нашел ее и не отшлепал, как мама, а просто сказал: «Я тебя потерял». Сказал так, что Ольга расплакалась от сознания того, что папа боится ее потерять. Значит, она ему нужна. Значит, он ее любит. А когда Наташа убежала с пляжа – играла в прятки – и папа ее тоже бегал искать, он ее отлупил.

Папа всегда защищал Ольгу. Что бы она ни сделала.

Почему, с чьей подачи в их доме появился хомяк Жорик, точно никто не помнил. Хомяка якобы попросила Наташа, и мать кинулась исполнять просьбу дочери. Но Ольга помнила, что хомяка принес папа, и слышала, как на кухне он говорил маме, что Ольге нужно научиться о ком-то заботиться. Жорик поселился в трехлитровой банке. Ольга к нему даже не подходила. Наташа кормила его, мыла банку, укладывала дно ватой. После школы бросалась проверять, как там Жорик. Однажды Наташа решила выпустить хомяка погулять. Ольга дождалась, когда хомяк добежал, тыкаясь в ножки кроватей и стульев, до дощечки на полу, разделявшей их детскую комнату и коридор, и хлопнула дверь. Наташа, уверенная, что за Жориком присматривает сестра, отвернулась к игрушкам. На хлопок она отреагировала. Оглянулась и увидела Жорика, прижатого тяжелой деревянной дверью к косяку. Тельце

хомяка с перебитым позвоночником стало длинным и гибким. Наташа разревелась и кинулась к домашнему любимцу. В последний момент отдернула руку – побоялась дотронуться до мертвой тушки. Ольга подошла, взяла хомяка за лапу и отнесла в мусорное ведро. Наташа рыдала. Вечером мать устроила разборку. Ольга сказала, что дверь сама захлопнулась. Но она чувствовала, что отец ей не поверил. Перед отцом было стыдно. Но и радостно оттого, что Наташа стала совсем некрасивой – красной, с опухшими глазами и носом. Радостно оттого, что сестра страдает.

Привезенную вместо Жорика черепаху без имени, которую Наташа торжественно вынесла во двор похвастаться перед друзьями, Ольга выбросила в кусты. И, сидя на качелях, спокойно смотрела, как плачущая Наташа роется в песочнице, разыскивая черепаху.

Наверное, после этого, по воспоминаниям Ольги, мать посадила ее на таблетки. Заставляла пить по одной три раза в день. Мать говорила, что это витамины. Особенные, которые можно пить только Ольге, а Наташе нельзя. Ольга поначалу обрадовалась – у нее есть хоть что-то, чего нет у сестры. Но дня через два стала выбрасывать таблетки в форточку. После таблеток ей хотелось спать. Притуплялось чувство ненависти к сестре. Ольге становилось все равно. В метании таблеток в щель форточки она достигла успехов. Если первые таблетки ударялись в стекло – мать орала, доставала новую из упаковки и следила, чтобы Ольга проглотила, даже рот заставляла открыть для проверки, то потом Ольга исполняла трюк с глотанием убедительно – якобы клала таблетку в рот, делала глотательное движение и, когда мать отворачивалась, метала таблетку в форточку. Она слышана, как мать говорила отцу про нее и про таблетки: «Не помогают, как мертвому припарка». И испугалась – решила, что для матери она уже умерла.

И решила сделать что-то хорошее, что-то самое лучшее, чтобы мать ее заметила и похвалила. Ольга достала из холодильника курицу и поставила на плиту сковородку, как делала мама. Налила масло, положила курицу на сковороду и ушла. Когда из кухни потянуло горелым и повалил дым, Ольга испугалась. Она схватилась за ручку сковородки, уворачиваясь от масляных брызг, обожгла руку и бросила сковороду на пол. На линолеуме остался след почему-то в форме курицы. Ольга выбросила обуглившуюся тушку в мусорное ведро, помыла пол, проветрила кухню, но след так и чернел строго посередине. Мать, вернувшись с работы, Ольгу отлупила. Больше она не пыталась угодить матери. След на линолеуме, с годами посветлевший, так и остался напоминанием о том дне.

Когда они с сестрой пошли в школу, Ольге было восемь, Наташе – семь. Наташа пошла, как все дети, Ольге же пришлось лишний год ходить в подготовительную группу детского сада. Это была идея матери – чтобы дочки учились вместе. Ольга страдала оттого что она старше всех и ее одноклассники учатся уже во втором классе, а она с мелкотней – в первом.

Обе хорошо учились – но Наташа легко, а Ольга с надрывом. Обе занимались музыкой – настоял папа. У него в роду прабабка имела абсолютный слух и музицировала.

Сестер часто сажали играть ансамбли в четыре руки. Ольге всегда доставалась вторая партия – аккорды, педаль. А Наташа, как всегда, была «примой». Ольге советовали побольше заниматься, чтобы прилично отыграть экзамен по специальности, Наташе предлагали серьезно подумать по поводу музыкального училища. Наташа отмахивалась, а Ольга доводила соседей гаммами.

Когда Ольга поступила в училище – назло сестре и преподавателям, – Наташа вместо поздравлений скривила губы:

- Ну и зачем? Чтобы всю жизнь в музыкалке просидеть?
- У меня будет профессия. А у тебя что будет? – обиделась Ольга.
- У меня будет муж, – весело ответила Наташа.

Они сидели на кухне, и Ольга в этот момент посмотрела на мать. Та кивнула, соглашаясь со словами младшей дочери.

Когда Наташа училась в выпускном классе, а Ольга – в училище, умер отец. Ольга, уже взрослая, спрашивала сестру, что она помнит из того времени. Наташа ничего не помнила. У нее было счастливое свойство памяти – забывать напрочь все плохое и помнить только хорошее. Ольга же, наоборот, хранила в подкорке головного мозга все обиды и переживания детства. Могла сказать, когда и за что мать ее избивала, за какую провинность поставила в угол.

Последние годы жизни отца она помнила отчетливо.

Он начал пить. Задерживаться после работы. Ольга помнила, как мать обыскивала его портфель и вытаскивала оттуда початую бутылку водки. Как она скандалила, кричала, уходила из дома... Ольга надеялась, что навсегда. Но мать возвращалась. Ольга помнила и странные звонки по телефону, после которых мать начинала истериковать. «Истериковать» – это отцовское слово. Это значило, что мать орала на весь дом, бросалась в отца всем, что под руку попадется. Ольга понимала, что у отца есть другая женщина – она и звонила по телефону.

Ольге почему-то нравилась та женщина. Она не могла объяснить почему. Наверное, потому что та нравилась папе. А значит, она не такая, как мама. Потому что такую, как мама, отец бы не полюбил. А

если она не похожа на маму, то добрая и спокойная.

Повзрослев, Ольга пыталась разобраться в своих чувствах к матери. С сестрой было проще – зависть и ненависть. А с матерью – нелюбовь, обида... Скорее равнодушие. Самое ужасное из всех вариаций – искреннее равнодушие. Как к постороннему человеку, которого ты видишь первый и последний раз в жизни. Потому что он тебе никто.

В детстве Ольга терпела материнские «показательные выступления», в зрелом возрасте – оградила себя от них и от матери.

Когда приходили гости или они шли к кому-то, мать как будто подменяли. Менялось все – мимика, поведение. Но главное – голос. Это больше всего злило Ольгу. Мать при посторонних всегда улыбалась, чего дома, без зрителей, никогда не делала. На посторонних она всегда старалась произвести впечатление милой, заботливой жены и матери. Сюсюкалась с дочками, даже с Ольгой, смахивала пылинки с пиджака мужа. Спрашивала у гостей, кто как поживает, говорила, какие замечательные, талантливые и красивые у них дети. Отвернувшись, поливала всех грязью. Жены друзей мужа, которым секунду назад мать делала комплименты, оказывались идиотками, стервами и блядьми. Дети – дебилами и уродами. Всю грязь она выливала на мужа. Он не реагировал, только подливал в рюмку водки.

– Мама, ты лицемерка, – как-то сказала Ольга.

Слово случайно услышала Наташа. На сестру Ольга злилась. Неужели та не видит, какая мать? Почему послушно улыбается, когда ее подводят знакомиться к чужим женщинам? Ольга никогда не улыбалась. «Она у нас такая бука», – ласково говорила мать, как бы извиняясь за дочь.

Так вот Наташа услышала слово «лицемерка». Они были в гостях. Детей временно посадили за взрослый стол – накормить, чтобы через пять минут отправить в детскую. Наташа тут же сообщила всему столу, что мама у нее лицемерка. Наташа думала, что это что-то хорошее. Она всегда так делала – противным детским голоском рассказывала домашние истории про то, какая мама замечательная. Все гости умилялись, мать улыбалась, отец подливал себе водки. Например, «Папа у нас умный, а мама – красивая» или «Папа не смог поменять лампочку, а мама поменяла, потому что мама не хочет, чтобы папа забивал свою умную голову всякими глупостями». За это Ольга после гостей, дома, особенно отчаянно билась сестру по голове. Когда Наташа выдала про то, что мама – лицемерка, и все поперхнулись салатом, а папа – водкой, Ольга в душе торжествовала. Теперь накажут Наташу, а не ее. Но когда после гостей они дошли до остановки и отец ловил такси, мать билась Ольгу с остервенением. На остановке был люк. Ольга упала на землю от ударов и ползла. Отползала не от ударов. Она боялась оказаться на люке и провалиться под землю. Ей казалось, что крышка обязательно перевернется. И мать ее не вытащит. Она однажды видела, как это произошло и как мать прошла мимо.

Они шли из магазина. В люк провалилась женщина. Мать прошла мимо, не обернувшись.

– Мама, тетя упала! – закричала Ольга.

– Пьянь. Там ей и место, – сказала мать.

* * *

Но настоящее потрясение Ольга пережила, когда увидела ту женщину – любовницу отца. Отец пошел с ними в музей. Наташа бегала по залам, Ольга медленно шла рядом с отцом. В зале, где были чучела зверей и пахло чем-то медицинским, к ним подошла женщина. Ольга даже вздрогнула. Женщина была похожа на мать. Тот же рост, тот же цвет волос, то же телосложение. Женщина поздоровалась официально: «Здравствуйте». Отец занервничал. Так уж получилось, что они стояли в зале, где за стеклом в огромных банках сидели заспиртованные человеческие зародыши. Ольга понимала, что нужно отойти. И отойти придется к этой витрине. Она стояла и не могла сдвинуться с места. Страшно оставаться и слушать разговор женщины с отцом, страшно отойти и смотреть на это.

– Оль, иди посмотри, что там, потом расскажешь, – велел отец.

Ольга, волоча ноги, подошла к витрине.

В стеклянном отражении она видела, как отец пытается обнять женщину за плечи. Женщина что-то быстро говорит, дергая лямку своей сумки. Отец молчит и кивает. Женщина подошла к Ольге и сказала: «До свидания, Оля». Ольга вежливо ответила: «До свидания». Отец велел ей найти Наташу и идти к выходу – они едут домой. Ольга сразу поняла, что у той женщины что-то случилось. Они вернулись домой. То, что произошло потом, Ольга восстановила много позже. Со слов матери. Отца уже в живых не было. Из детства осталось воспоминание о большеголовых скрюченных младенцах в банках, ночных криках матери и звуках хлопающей двери. А утром – спешный ранний подъем, поездка на машине в другой район, коридор в чужой квартире.

В тот вечер любовница отца сообщила ему в музей, что беременна. Отец в тот же вечер собрал рабочий портфель и ушел – к ней, к той. Утром мать оставила Наташу на соседку, взяла Ольгу и поехала возвращать мужа. Знала, что он среагирует на Ольгу – из чувства вины и жалости к девочке. Дверь

открыла пожилая женщина. Мать саданула дверь ногой, женщина вжалась в стену, мать влетела в квартиру и побежала по комнатам. Ольга вошла и села на маленькую табуретку в прихожей. Мать что-то орала из комнаты, пожилая женщина, пригнувшись, как будто на нее что-то сейчас должно упасть, пробиралась по коридору. Ольга с интересом смотрела, куда крадется женщина. Оказалось, что в крошечную кладовую, расположенную в конце коридора. Женщина повернула ручку и зашла. Ольга услышала звук задвигаемой щеколды и грохот чего-то тяжелого, придвигаемого к двери. Почему-то она была рада тому, что этой бабушке удалось добраться до кладовки и закрыться. Из комнаты вылетела мать.

– Где она? – спросила мать Ольгу.

– Ушла. – Ольга решила не выдавать местонахождение бабушки.

Мать застыла в коридоре, огляделась и дернула ручку двери кладовки. Дверь не поддавалась.

– Дверь выломаю! – кричала мать. – Где они?

Из-за двери не доносилось ни звука. Мать еще несколько раз подергала ручку и успокоилась – устала. Зашла в другую комнату и победно вынесла отцовский портфель.

– Пошли, – велела она Ольге. Ольга встала и пошла за матерью. Мать вдруг остановилась и плюнула на пол. Ольга перепугалась. Мать сделала что-то совсем непозволительное. Что-то мерзкое, обидное, грязное...

Вечером отец вернулся. Наташа обрадовалась и повисла у отца на шее. Она провела целый день у соседки – как всегда, была ограждена от неприятных эмоций. Ольга смотрела на папу исподлобья. Отец поймал ее взгляд и развел руками: мол, что я могу сделать?

Вечером Ольга решила объяснить все сестре. Они лежали в кроватях, нужно было говорить тихо, чтобы не услышала мать.

– Папа не любит маму, он любит другую женщину, – прошептала Ольга сестре.

– Ну и что? – Наташа всегда спокойно реагировала на те новости, которые Ольгу потрясали до ночных кошмаров.

Ольга часто кричала по ночам. Плакала во сне, не просыпаясь. И в этом она тоже была виновата перед матерью. Мать так и говорила: «Из-за тебя я не высыпаясь, целый день хожу как рыба вареная. Наташа – подарок судьбы, а ты – наказание Господне». Ольга не понимала про судьбу и Господа, зато понимала про подарок и наказание.

– Как это что? Папа хотел уйти, а мама его вернула, – объяснила Ольга, злясь на равнодушие сестры.

– Ну и правильно.

– Нет, не правильно.

– А ты хочешь, чтобы у нас не было папы? Чтобы мы его не видели?

– Ты ничего не понимаешь, – сказала Ольга и заплакала – Наташа, сестра, ее не понимает. Ее никто не понимает.

Отец остался жить с ними, но Ольга чувствовала – его нет рядом. Как будто для них он уже умер, а живет где-то в другом месте. Этих мест, судя по регулярным скандалам, которые устраивала мать, было много.

Та женщина тоже не пропала, Ольга даже проследила закономерность – если отец в выходной брал в музей или в кино только ее, а Наташа оставалась дома, это означало, что они будут не одни. Ольге это нравилось и не нравилось. Нравилось, что отец выделяет ее, знает, что она ничего не расскажет матери. Не нравилось, что он будет разговаривать с женщиной. Перед тем как зайти в метро, отец должен был позвонить. Он звонил из телефона-автомата. Говорил долго. Точнее, не говорил, а только вставлял «да», «нет», «хорошо». На том конце провода шел нескончаемый монолог. Ольга успевала замерзнуть. Потом они ехали. Иногда не туда, куда собирались.

Так вот ту женщину Ольга увидела года через три. Она ее даже не узнала сначала – женщина постарела и была с ребенком. Мальчик Степа плакал и капризничал. Ольга делала ему бумажные самолетики. Мама Степы тоже все время плакала. Только Степа плакал громко, а его мама – тихо. Ольга еще удивлялась – как можно так плакать. Беззвучно. Только слезы льются.

Иногда Ольга совсем не понимала отца и эту женщину. Они шли по бульвару. Ольга следила, чтобы Степа не упал. Они шли впереди, оставив отца с женщиной сзади. Степа лопаткой ковырял талый снег, и Ольга обернулась. Отец что-то засовывал в карман пальто женщины. Женщина вытаскивала и пыталась засунуть в карман Ольгиного отца. Потом она вытащила это что-то – какую-то красную бумажку – и бросила на дорогу. Мимо проходил парень. Он поднял бумажку и бросился бежать. Отец побежал за ним. Женщина перестала плакать и засмеялась. Смеялась она так, как будто плакала. Ольга догадалась, что бумажкой были деньги.

Ольга начала догадываться, что Степа – сын ее отца. Но никак не могла получить подтверждения догадки. Вот если бы отец взял Степу на руки или поцеловал его – тогда да, точно сын. Но отец никогда

так не делал. От Степы тоже толку было мало. Он мог бы назвать Ольгиного отца папой. Но Степа вообще плохо говорил. И даже маму мамой не называл. Обращался ко всем сразу – «хочу», «дай», «не буду»... Поэтому Ольга сомневалась. А у женщины спросить стеснялась. Еще она немножко боялась Степу. Вспоминала заспиртованных младенцев из музея и гадала: неужели и Степа был таким? Наверное, был. У него огромная голова, как у тех.

Отец перед встречами с этой женщиной всегда заводил Ольгу в детский отдел магазина. Пока Ольга выбирала что-нибудь себе и Наташе – так требовал отец, хотя у Ольги никакого желания выбирать игрушку сестре не было и она выбирала что-нибудь похуже, – отец стоял у витрины «для мальчиков». Мог полчаса выбирать между синей машинкой и красной. Ольга выбирала себе бабочку на веревочке, которая машет крыльями. В результате Степа реагировал на бабочку, оставаясь к машинке равнодушным. И Ольге приходилось отдавать ему свою бабочку. По справедливости она решала оставить себе то, что выбрала для Наташи. И радовалась тому, что Наташа осталась без подарка. Она, раскусив несостоятельность отца в выборе игрушек и вкусы Степы, стала выбирать «для Наташи» самое красивое – заводную куклу или набор для вышивания. Выбирала как себе. Машинки отец приносил домой – не выбрасывать же. Мать орала, что отец даже игрушку для девочки не может купить нормальную. Хотя Наташа как раз была рада новой машинке. Она устраивала гонки, пробки, аварии.

Такие же гонки, пробки и аварии уже на собственной машине она устраивала, став взрослой. Слава богу, что ни отец, ни мать не дожили до того момента, когда Наташа разбилась, влетев на полной скорости в столб. Авария была ее любимой игрой: новенькая машинка врезалась в столб – ножку стола. Переворачивалась несколько раз – Наташа даже изображала звук переворачиваемой машины: «вжюу, вжюу» – и с высоты падала на линолеум – «тыдыж». Только в детской машинке не было водителя, а в машине настоящей сидела Наташа.

Ольга сама вспомнила про машинки, в которые в детстве играла сестра, не сразу. Много, много позже. Но Пете так про это и не рассказала.

Петя был самым больным пинком от сестры, который получала Ольга. Петя учился в их школе, только двумя классами старше. И был последним в очереди желающих проводить Наташу до дому. Он всегда шел сзади – жили они в соседних домах, так что по дороге. Петя влюбился в Наташину спину – натянутую и гибкую. Шел и сверлил ее взглядом. Наташу провожал очередной поклонник. Петя смотрел, как Наташа выгибает позвоночник, уворачиваясь от наглой или робкой, в зависимости от кавалера, руки.

Однажды Пете почти удалось ее проводить – в тот день, когда он ободрал на школьном дворе куст едва зацветшей сирени и подарил букет Наташе. Но Наташа его не дождалась. Петя стоял в кабинете завуча, куда его вызвали за порчу зеленых насаждений, и в окно видел, как она уходит с его букетом и с другим.

Петины родители – биологи – эмигрировали в Америку в те годы, когда уезжали, не зная куда, но зная, что навсегда. Петю оставили в Москве на перепуганную двоюродную сестру по отцовской линии – Генриетту Моисеевну. Обещали забрать, когда устроятся. Но прошел год, два. Родители Пети сгинули. Тетя Геня обращалась к племяннику всегда одинаково: «Бедный мальчик», – неважно, о чем шла речь в дальнейшем. «Бедный мальчик, иди есть», «Бедный мальчик, ты уроки выучил?», «Бедный мальчик, вынеси мусор». Петя не задумывался над смыслом – он был слишком мал, когда уехали родители, и факт «бросания» в его памяти не остался.

Тетя Геня была старой девой. Если бы не было Пети, тетя Геня точно вышла бы замуж и родила своих детей. За ней ухаживал юноша из приличной еврейской семьи – Илья. Водил ее в музеи и в консерваторию. За свиданиями следила мама юноши – Эсфирь Львовна. Делала это тактично, чтобы Геня не заметила. Для конспирации приходила на выставку с подружкой или брала билеты на концерт в амфитеатр, если Геня с Ильей сидели в партере. Но Геня замечала. Спиной чувствовала на себе ее взгляд и взгляд подружки.

С Эсфирь Львовной Геня познакомилась случайно – в синагоге «на горке», куда приехала за мацой. Не то чтобы Геня соблюдала обряды, просто с детства любила омлет с мацой. Эсфирь Львовна тоже приехала за мацой. Обменялись приветствиями, ничего больше. Гене нравились такие старушечки. Хотя почему старушечка? Эсфирь Львовна, если посчитать, еще вполне себе дама. Геня не понимала, как можно носить такое красивое библейское имя и так выглядеть? Лицо Эсфирь Львовны как будто было крепко сбрызнуто лаком для волос «Прелесть». Высокая прическа, волосок к волоску. Сдвинутые к переносице нещипанные брови. Губы, обведенные красным карандашом выше естественной границы. Куриной попкой. И грудь, обвисшая, как два ослиных уха. Эсфирь Львовна, видимо, не признавала бюстгальтеров – грудь лежала на животе.

Второй раз они столкнулись на кладбище – в колумбарии, где были похоронены бабушка Гени, тоже Генриетта, и родители Эсфирь Львовны. После этого она пригласила Геню в гости. Геня понимала

– познакомить с сыном, о котором Эсфирь Львовна только и говорила: красавец, большая умница... Илья Гене не понравился. Никакой. И губы, как у мамы – куриной попкой. Но Эсфирь Львовна уже все решила. Гене было двадцать четыре, Илье – двадцать восемь. Чего тут решать? Илья позвонил Гене и пригласил на выставку. Геня Илье тоже не понравилась – просто не его тип женщины, – но с мамой он не спорил. Так что они оба встречались ради Эсфирь Львовны. И поженились бы, лишь бы ее не огорчать, если бы не свалившийся Гене на голову Петя.

Петинотого отца Геня помнила плохо, детскими обрывочными воспоминаниями – на даче, за детским столом на дне рождения. Петю она вообще никогда не видела. Но отказать брату, хоть и двоюродному, не смогла. Петин отец привез Гене книги и Петю – на хранение. Они тогда все распродавали, чтобы уехать.

Когда Эсфирь Львовна узнала о существовании Пети, уехавших за границу Петиных родителей – Геня позвонила и все рассказала, – Илья пропал. Геня не выясняла почему. И так все поняла. Эсфирь Львовна решила, что ее сыну не нужна такая невеста. Со сгинувшими за границу родственниками и племянником на шее. Мало ли что? А вдруг проверять начнут? А Илюша? Не дай бог...

Так Петя сломал Гене личную жизнь. Но она никогда об этом не жалела. Петя стал ее семьей. Она жарила ему омлет с мацой.

Геня за Петю очень боялась. До тошноты. Боялась, что с Петей что-то случится – он заболит, ломает ногу, упадет. А вдруг позвонит брат и спросит про сына? Что она ему скажет? Что недосмотрела? Боялась, что брат объявится и Петю придется отдавать. Боялась, что Петя подрастет и сам ее бросит – за ненадобностью. Поэтому из Гени получилась аидише мамэ не хуже Эсфирь Львовны.

Петя путался и иногда называл ее мамой, но Геня его всегда поправляла – рассказывала Пете историю семьи и учила с ним, как зовут папу, бабушку, дедушку. Только она не помнила, как зовут Петину маму – жену брата. Забыла. Пришлось придумывать – Соня.

– Тетя Геня, не встречай меня из школы. Я сам, – просил Петя. Он учился уже во втором классе, и никого, кроме него, родители не встречали. Его и так дразнили.

– Тетя Геня, я еврей? – спросил первоклассник Петя.

– Да, – ответила она.

– Я не хочу быть евреем, – пробурчал Петя.

– А кем ты хочешь быть?

– Негром.

Гене Петя казался еще слишком маленьким, слишком неготовым к этой жизни. Поэтому и встречала. Придумывала на ходу – что шла мимо школы и забыла дорогу домой. А Петя ее доведет. Что устала нести тяжелые сумки – Петя поможет. Петя не верил в тети-Генины уловки, но делал вид, что верит.

Петя рано, несмотря на усилия тети Гени, повзрослел. Понял, что может рассчитывать только на себя. Понял, что в ответе за тетку.

Его родители объявились, когда Пете исполнилось шестнадцать. Не самый удачный возраст. Позвонил отец. Из Америки. Поздравил с днем рождения. Петя слушал его голос по телефону и пытался уловить, вернуть в памяти знакомые интонации – ничего, голос незнакомого мужчины. Тетя Геня, пока они разговаривали, плакала на кухне и кромсала в пальцах квадратик мацы. Отец предложил Пете приехать – у него была работа, дом, стабильность, новая жена, которую, по мистическому совпадению, звали Соня. Мать Пети осталась в Германии, где у неё тоже был новый муж и новый ребенок. Мать, со слов отца, собиралась позвонить. Только боялась, что Петя ее не простит.

– Ты понимаешь, нам было очень тяжело. А ты был слишком маленький. – Отец пытался оправдаться.

Петя после того разговора долго плакал у себя в комнате. Отцу он ответил, что приехать не сможет – нужно заканчивать школу, поступать в институт. Петя не сказал главной причины – он не имел права оставлять тетю Геню.

Когда Петя понял, что влюбился в Наташу, он спросил у тети Гени:

– Если я еврей, я должен жениться на еврейке?

– Какие глупости, – улыбнулась тетя Геня, – женись на ком угодно, лишь бы ты был счастлив. – И добавила: – Бедный мальчик.

Петя решил жениться на Наташе и даже знал, как это сделать.

* * *

Он решил зайти с другого конца – с Ольги. Заходил за ней в музыкальное училище и провожал до дома. И в доме он стал своим на правах Ольгиного ухаера. Осторожно спрашивал у Ольги про сестру. Ольга рассказывала ему, что Наташке такие, как он, не нравятся. Ей подавай что-нибудь поярче. Чтобы

был красавцем, душой компании. А ей, наоборот, нравятся такие, как Петя, – с внутренней энергетикой. Ольга видела, как Петя смотрит на Наташку. Но надеялась, что он рано или поздно выберет ту сестру, которая ему больше подходит. Ее, Ольгу. Ольга была в него влюблена.

Петя после окончания школы выпал из жизни сестер и появился через пять лет. Тихой сапой, медленно, но верно за эти годы он окончил институт и удачно распределился. В НИИ. От сгоревшей от рака тети Гени ему досталась квартира.

Тетя Геня начала сдавать после того звонка своего двоюродного брата. Сдавала на Петиних глазах. Но никогда не жаловалась и, как часы, вставала жарить Пете по утрам омлет с мацой и гладить ему рубашки. Только нога болела.

Уже в больнице, когда от тети Гени под простыней почти ничего не осталось, он узнал, что ей давно сделали операцию. По женской части. Вырезали матку, пораженную опухолью. Петя учился в пятом классе.

Тетя Геня научила его жарить омлет с мацой, варить сосиски, показала, где лежат деньги, и велела подналечь на английский. Английским с Петей занималась подруга детства тети Гени – Элла Эдуардовна.

– Мне нужно уехать. Ты уже взрослый. Я на тебя рассчитываю, – сказала тетя Геня и уехала.

Петя тогда обиделся на тетку. Элла Эдуардовна, до этого приезжавшая два раза в неделю – тетя Геня готовила Петю к будущей заграничной жизни с родителями, – стала приезжать каждый день. И если раньше все ограничивалось грамматикой, в которой Петя был силен, то, пока не было тети Гени, Элла Эдуардовна мучила Петю практикой. Ему было сложно излагать свои мысли даже на русском – он предпочитал письменные работы, а тут пришлось говорить. Элла Эдуардовна, заходя в квартиру, переходила на английский. Она варила суп, мыла полы, гладила рубашки, а Петя должен был на английском рассказывать, как прошел день в школе, что он прочел, что купил в магазине...

Он писал письма тете Гене, в которых жаловался на Эллу Эдуардовну. Элла Эдуардовна однажды увидела письмо – Петя забыл листочек на столе. Он испугался. Думал, что Элла Эдуардовна начнет его ругать. Но она сказала:

– Слова в предложения складывать ты умеешь. А теперь переведи это на английский. И я отвезу письмо тете Гене.

– А вы знаете, где она? – спросил Петя.

– В больнице.

– А про вас тоже переводить? – уточнил на всякий случай Петя. Ему было стыдно за то, что он склонял Эллу Эдуардовну в письме: «Элла Дурдомовна, Элла Придуровна».

– Да, и про меня тоже.

Петя начал переводить письмо. Элла Эдуардовна прочла, даже ошибки не исправила, а на следующий день привезла ответ от тети Гени. После этого Петя Эллу Эдуардовну полюбил. Помимо писем тете Гене, Элла Эдуардовна давала ему переводить детские стихи, песни.

Знанием английского «не по программе» Петя завоевал авторитет у одноклассников, которые его больше не дразнили, но и не дружили – боялись. Потому что он был странный – самодостаточный. Однажды класс решил довести историка. Историка звали Таракан – за усы. Долго думали, что бы ему такого сделать. Тараканов в класс уже приносили и давили их прямо на карте мира. Старались давить аккуратно, чтобы они растекались по красному пунктиру, обозначавшему границу СССР. Живого таракана в классный журнал подкладывали, правда, неудачно. Таракан умудрился выползти до того, как историк открыл журнал. Главный спец по срывам уроков Витька подошел к Пете – главному в классе спецу по английскому – и спросил, как будет Таракан по-английски. Петя сказал: «Cockroach». «Как?» – спросил Витек. Петя написал на доске. Историк, живший с Эллой Эдуардовной в одном подъезде, сразу понял, кто это написал. Стер надпись, приговаривая, как тетя Геня: «Бедный мальчик».

Из больницы тетя Геня ушла под расписку – отпускать ее не хотели. Но она сказала врачу: «Поймите, мне нельзя болеть, я и так у вас долго лежу, а у меня племянник маленький. Вот поставлю его на ноги и вернусь к вам на сколько скажете – обещаю. А сейчас не могу». Врач пожала плечами и дала Гене подписать бумагу. Эта странная молодая женщина, которую лишили возможности иметь детей и дали ей в лучшем случае год жизни, даже ни разу не заплакала. Все плакали, а она нет.

Тетя Геня сказала про год жизни только подруге – Элле Эдуардовне: «Вот увидишь, как всегда, ошибутся. Год. А что потом с Петей будет?»

Врачи ошиблись. Тетя Геня жила, пока не почувствовала, что Петя сможет о себе позаботиться. Жила, пока не позвонил его отец. Она знала, что Петя сможет уехать в Америку. За его английский Геня была спокойна – Элла Эдуардовна знала свое дело.

В больницу тетя Геня пришла сама. К той самой врачнице, от которой уходила под расписку. «Здравствуйте, я пришла, как обещала», – сказала ей Геня. Врач уронила ручку. У Гени не было ни одного здорового органа – весь организм в метастазах. Четвертая стадия. Геня запретила Пете приходить

к ней. Не хотела, чтобы мальчик видел ее в халате. Дома она себе такого никогда не позволяла. Она вообще не хотела, чтобы Петя видел ее такой – больной и слабой. Но Петя, несмотря на запрет, приезжал, привозил фрукты, давал медсестрам деньги, чтобы к тете Гене лишний раз подошли.

– Не волнуйся, ты долго со мной не будешь мучиться, – говорила тетя Геня. – Сейчас не могу умереть, Эллочку надо дождаться. Вот она вернется с дачи. Не хочу портить ей отдых.

Так и получилось. Элла Эдуардовна вернулась с дачи, приехала к подруге днем, а вечером Геня умерла.

Когда Петя разбирал вещи, то в книгах нашел конверт. Подписанный: «Петечке на жизнь». В конверте были деньги. Много. Эти деньги присылал Петин отец, а Геня их собирала.

Он появился у Наташи с Ольгой без звонка. Ольга была в своей музыкалке, в которую пошла работать после училища, мать – в очередных гостях, а Наташа красила ногти. От неожиданности она даже пузырек с лаком опрокинула. Пока бегала за тряпкой и терла пятно, Петя описывал свои «стартовые» возможности и перспективы на будущее.

Когда вернулись Ольга и мать, Наташа уже успела сказать Пете «да».

– Почему ты так быстро согласилась? – спросила у сестры Ольга. Она злилась и от злости кусала и без того коротко обстриженный ноготь большого пальца.

– А что тут думать? Петя – идеальный вариант. И потом, так скучно, хочется праздника, – беззаботно ответила Наташа. – Слушай, мне платье купить или в ателье заказать?

– Не знаю, как хочешь, – ответила Ольга, – но ты же его совсем не любишь.

– Зато он меня любит. А я позволю ему себя любить.

За что Петя любил Наташу, он не знал. И была ли это любовь, тоже не знал. Но он всегда ставил перед собой цели и добивался. Чем сложнее была цель, тем Пете было интереснее. Наташа была такой целью. Правда, когда она сразу же согласилась выйти за него замуж, Петя даже расстроился. Не ожидал, что нужно так мало – квартира, деньги, перспективы. Он знал, что в него влюблена Ольга. Но с Ольгой было неинтересно и брезгливо. Петя хорошо помнил, как Ольга отмечала день рождения и пригласила его. Остальные гости были гостями Наташи. Ольга усадила его рядом с собой, чтобы ни у кого не было сомнений в их отношениях. Петя не возражал – Наташа оказалась напротив, и он мог ее разглядывать. Через стол. Когда веселье было в разгаре, Ольга полезла к нему целоваться. Петя не смог отказать имениннице. Ольга закрыла глаза и шумно стонала. Петя, целуя Ольгу, глаза не закрыл и видел, как в комнату вошла Наташа и улыбнулась ему. Пете было неприятно целовать Ольгу. На уровне физических ощущений.

Ольга была предсказуема. Наташа – нет. К тому же Наташа была красива. В Ольгу же, несмотря на внушительные габариты, приходилось вглядываться, чтобы разглядеть, а в миниатюрную Наташу – нет. Наташа бросалась в глаза сразу – грудью, ногами...

Наташа была такая тонкая и наивная, что ее хотелось защитить, уберечь... Хотя Петя понимал, что Наташа не такая тонкая и не такая наивная. Но Петя видел Наташкину спину и плыл глазами. Он еще тогда, в день, когда пришел к ним спустя пять лет, подумал, пусть Наташа делает что хочет, запрещать все равно бессмысленно, только пусть будет рядом. Пусть только позволит дотронуться до спины.

* * *

Ольга была свидетельницей на свадьбе сестры. Новое платье портила красная лента через плечо – на свадебных атрибутах настояла Наташа. На фотографиях с бракосочетания Ольга получилась с недовольным лицом. Она так и не смогла себя заставить улыбнуться. Ненависть к сестре и обида на Петю засели внутри, в желудке, и отдавали болью в голову. Ольга наглоталась но-шпы и валерьянки. Петя с тещей делали вид, что все отлично.

Сама новобрачная с утра напилась шампанского, долго блевала в туалете ЗАГСа и громко икала, пока женщина-регистраторша произносила торжественную речь. В зал регистрации Наташа тоже вошла не сразу. Уже на пороге развернулась и заявила, что не желает слушать марш Мендельсона. Не хочет, как у всех. Хочет что-то особенное.

– Прекрати, пожалуйста, ну какая тебе разница? – пыталась образумить сестру Ольга.

– Что ты хочешь? – спросил Петя невесту.

– «Сулико», – ответила Наташа и пьяно засмеялась.

– Хорошо, – ответил Петя.

«Сулико» сыграли – Петя договорился и заплатил. Наташа шла по выцветшей ковровой дорожке пританцовывая.

Ольга еле держалась на ногах от лекарств и боли. Она не понимала, как сестра может себя так вести в такой день, и понимала, что день только начался. Ольга стояла с букетом роз, но чувствовала не запах

цветов, а запах блевотины. Ей пришлось держать платье Наташи в туалете ЗАГСа, чтобы та его не заляпала. Но Наташа все-таки умудрилась испачкать наряд, и Ольга отмывала расшитое бисером декольте сестры куском хозяйственного мыла.

Опасения Ольги подтвердились. На ступеньках ЗАГСа Наташа выхлебала еще шампанского и еле доехала до Красной площади, где они должны были возложить цветы к могиле Неизвестного солдата. Наташа захотела в туалет и искала глазами кустик. Кустик не находился, и Наташа жаловалась Ольге, что больше не может и сейчас описается прямо здесь. Ольга еле дотащила сестру до туалета ГУМа, умирая от стыда под взглядами прохожих.

Ольга смотрела на Петю. Тот, казалось, вообще не заметил, что невеста пьяна и ведет себя неприлично.

– Ты чего такая раздраженная? Расслабься, – сказал Петя Ольге.

Ольга решила, что Петя прав. Если ему все равно, что будет дальше вытворять Наташа, то ей тем более. Хотя так и не нашла ответ на вопрос: «Почему Наташа, а не я?» Ведь все было хорошо – они даже целовались...

В ресторан Ольга поехала в другой машине. Вместе со свидетелем со стороны жениха – Иваном. Иван жил в Твери и приходился Пете другом.

Ольга удивилась – у Пети еще со школы друзей не было. Тем более таких, как Иван. Простоватый, хамоватый, нагловатый... И где они могли подружиться?

Иван был однокурсником Пети. Недолго. Они сошлись случайно – вместе сдавали вступительные экзамены, потом попали в одну академическую группу. Поддерживали не очень частую, но все же связь и после того, как Иван вылетел после первого курса, явившись на экзамен в пьяном виде и нахамив преподавателю.

В ресторане Ольга тоже оказалась рядом с Иваном. Она его рассматривала. Иван как раз был во вкусе Наташи. Как и положено свидетелю, он без конца шутил, говорил тосты, правда слегка похабные, предлагал конкурсы – сомнительного качества, с точки зрения Ольги. Что за глупость – пить шампанское из туфли невесты? Или заставлять жениха с завязанными глазами лапать ноги у всех женщин и определять, какая из них нога невесты? Не в деревне же. Хотя она готова была признать – Иван некрасив, но обаяния ему не занимать.

– Странно, что Петя выбрал Наташу. Я бы обратил внимание на старшую сестру, – сказал Иван Ольге в машине.

Ольга хоть и собиралась держать обиженное лицо до конца, не выдержала. Иван ей вдруг показался очень милым. А когда он снял с нее красную ленту: «Не стоит закрывать такую красивую грудь», – Ольга хоть и была шокирована наглостью, но внутри растаяла.

Ночевать молодые поехали в квартиру Пети. А Ивана было решено отправить к Ольге. Всего на одну ночь. А куда еще? Не в гостиницу же.

Ольга в ресторане напилась не хуже Наташи. Но опьянение было другим. Наташа веселилась и танцевала, задирая пышную юбку так, что мелькало нижнее белье. А Ольга злилась. Чем больше пила, тем больше становилась злой и раздражительной. Виноват был Иван, который подливал шампанское.

Дома с Иваном у Ольги случился короткий пьяный секс без воспоминаний. Ольга только помнила, что начала стелить Ивану постель на полу. Утром она проснулась накрашенная, в помятом платье, которое болталось на талии, как сдувшийся спасательный круг. Голова болела не то слово как. Очнувшись только после того, как приняла душ. Вспомнила резко и тут же занервничала. Лишь бы мать ни о чем не догадалась. Ольга вспомнила, что мать ушла спать, когда они еще на кухне сидели и разговаривали. Ольга вышла из ванной. Мать пила на кухне кофе.

– А где Иван? – спросила Ольга осторожно.

– Уехал час назад. На электричку опаздывал, – спокойно ответила мать.

«Слава богу», – подумала Ольга. Хотя ей было обидно, что Иван даже записки не оставил. Но она решила, что он еще позвонит. Все-таки у них что-то было.

Иван, конечно же, не позвонил. Ольга продолжала ждать. Звонить первой не хотела. Ждала звонка и дождалась, что врач в женской консультации ей сказала: «Поздно спохватилась. Теперь рожать будешь».

Ольга позвонила Наташе.

– Попроси у Пети телефон Ивана, – попросила Ольга и разрыдалась.

Сестра обещала перезвонить. Ольга целый день просидела рядом с телефоном. Наташа позвонила поздно вечером.

– Телефона там нет, запиши адрес, – сказала Наташа.

– Мне что, туда ехать надо? – удивилась Ольга.

– Если хочешь, поезжай, – ответила Наташа, – только зря прокатаешься.

– А Петя со мной не сможет съездить? Все-таки он друг Ивана.

– Он сказал, чтобы вы сами разобрались.

Ольга взяла отгул в музыкальной школе и поехала в Тверь.

Взяла билет на электричку. Села в поезд. Названия станций не объявляли. Ольга смотрела на платформы во время остановок. Где-то через полчаса она спросила у женщины, сидящей напротив:

– А до Твери еще долго?

– Так ты не на тот поезд села, – всплеснула руками женщина, – этот в Тулу идет. Перепутала, наверное. Выходи сейчас, а то потом перегон длинный.

Ольга вскочила и побежала в тамбур. Там, качаясь, стоял мужик и курил. «Пьяный, наверное», – подумала Ольга. Ее замутило от запаха дешевой сигареты и чужого немывтого тела.

– Простите, – сказала Ольга.

Мужик не поворачивался.

– Простите, пожалуйста, вы не могли бы не курить. – Ольга брезгливо дотронулась до руки пьяного. Тот развернулся и резко саданул Ольгу по лицу.

– Чё лезешь? – заорал мужик. – Борзая очень? Щас успокою.

Ольга закрылась руками, вжалась в грязный угол тамбура и ждала, когда остановится поезд. Как только открылись двери, она вывалилась на платформу. Мужик стоял, держась за поручень, и хохотал.

Ольга села на лавочку. Лицо болело. Она даже не плакала. Просто не могла понять, почему так происходит. Почему она не может даже сесть на нужный поезд? И почему именно она попала под руку пьяному? Почему ей никогда не встречались те добрые люди, которые помогут, подскажут, доведут?.. Все они, как и все хорошее в жизни, выпадали на долю Наташи. Ту всегда довозили бесплатно, если она ловила машину, помогали донести сумку, если она шла из магазина.

Ольга вспомнила, как маленькая Наташа потерялась в большом универсальном магазине. Ольга тогда очень испугалась – мать велела ей смотреть за сестрой. Наташа нашлась возле кассы. Стояла, улыбалась, в каждой руке по конфете, которыми ее угостили продавщицы. Мать кинулась к младшей дочери, прижала ее, обцеловала всю, долго благодарила продавщиц. Ольгу тогда мать наказала. Купила Наташе шоколадку, а Ольге не купила. А когда в вестибюле метро потерялась Ольга – засмотрелась на разменные автоматы, выплевывавшие монетки, – мать отлупила ее при всех. Прямо там, в вестибюле.

Даже Петя и тот достался Наташе. А Ольге что – Иван.

Ольга вернулась домой поздно вечером. До Твери она так и не доехала. Долго ждала электричку, хоть какую-нибудь.

– Где тебя носит? – спросила сердитая мать, когда уставшая, голодная Ольга буквально ввалилась в квартиру. – За картошкой некому сходить. Что у тебя с лицом? Ты себя в зеркале видела?

Ольга пошла за картошкой. Спорить с матерью не было сил. Она шла из овощного, несла пакет, и вдруг ее повело. Ольга опустилась на бордюр. Из пакета на дорогу посыпалась картошка. Она сидела и смотрела, как катятся неровные, с черными глазками клубни.

– Кто убирать-то будет? Машина поедет, все раздавит, а здесь люди ходят, – услышала Ольга. Мимо шла женщина. Женщина посмотрела на Ольгу зло и прошла мимо.

Ольга пришла домой.

– А где картошка? – спросила мать.

– Рассыпала, – ответила Ольга и ушла в комнату.

– Что, всю? – крикнула вдогонку мать.

Ольга не ответила. Она легла на кровать и уснула. Засыпая, успела подумать, что очень хочет есть.

Иван приехал к Ольге сам. Видимо, ему Петя рассказал про Ольгу. Или Наташа.

Он позвонил из автомата около метро.

– Приходи. Около первого вагона. Поговорим, – сказал Иван.

– А почему ты к нам не хочешь прийти? – спросила Ольга.

– Незачем, – ответил Иван и положил трубку.

Они сидели на лавочке. Ольге было неудобно. Хотелось облокотиться – спина болела. Иван ей показался меньше ростом, чем тогда, на свадьбе. И лицо казалось не милым, а каким-то простоватым.

Иван что-то долго и путано говорил Ольге. Она его практически не слышала. Только обрывками между приходом и отходом поездов. Но главное она уловила – он не может на ней жениться, не может с ней жить, потому что у него ничего нет – ни жилья, ни денег, ни желания.

– А как же ребенок? – спросила Ольга.

Иван пожал плечами. Мол, сама решай. Он встал – подходила очередная электричка. Ольга так и сидела на лавочке. Вдруг Иван повернулся, подошел и проорал под грохот подходящего поезда:

– Если родится девочка, назови Виолеттой!

– Как? – обалдела от неожиданности Ольга.

– Виолетта. Как сырок плавленый «Виола», знаешь?

Иван заскочил в поезд и встал спиной к платформе. Ольга опять, как тогда на станции, долго сидела на лавочке. Вспоминала, как выглядит плавленый сырок. Встала и пошла в магазин. Купила коробочку с улыбчивой блондинкой на картинке. Принесла домой и выложила на стол.

– Лучше бы хлеба купила, – сказала мать, зашедшая на кухню. Коробка с плавленым сыром еще долго лежала в холодильнике на верхней полке. Ее никто не открывал. Но у Ольги рука не поднималась выбросить. Выбросила мать, когда мыла холодильник. Ольга еще долго верила, что Иван вернется. Даже когда родилась девочка – верила.

И когда шла регистрировать дочь – верила. Поэтому и записала ее как Виолетту Ивановну.

Женщина, которая записывала данные, застыла и посмотрела на Ольгу.

– Как? – спросила она.

– Как сырок плавленый «Виола», знаете? – объяснила Ольга. И тут же поняла, как дико звучит объяснение. Женщина хмыкнула, но записала. Сделала две ошибки – Виалета.

– Пишется Виолетта, через «о» и с двумя «т», – сказала Ольга.

Тетка ругалась, куда-то бегала, выясняла, исправляла по-школьному – красиво зачеркнув и сверху вписав правильную букву. Внизу приписала: «Исправленному верить».

– А отчество как? – спросила она.

– Ивановна, – ответила Ольга.

Женщина хмыкнула. Ольга тогда подумала, что вся жизнь дочери будет такой – с ухмылками, исправлениями, приписками.

Ольга несколько раз хотела пойти поменять имя. Ей нравились простые русские имена – Екатерина, Мария... «Виолетта» резала музыкальный слух. Ладно бы дочка была с претензией во внешности – яркая, фактурная. Но она не обольщалась на ее счет. Девочка как девочка. Виолетта быстро сократилась до Веты, потому как «Виола» тоже резала слух. Вета незаметно превратилась в Ветку.

Маленькая Вета тоже страдала от своего имени. В детском садике ее дразнили Ветка-пипетка. А ей хотелось, чтобы Ветка-конфетка. В отместку Вета научилась придумывать прозвища. Самую красивую девочку в группе – Машку – обзывала «какашкой». Тихую Ленку, которая могла часами рисовать принцесс с грустными лицами, «пенкой», Дениску – мальчика, который бессознательно теребил причинное место, – «пипиской». Однажды, когда мать ее отругала, Вета крикнула: «Олька-полька!» – и заплакала оттого, что ничего обиднее придумать не получилось.

Вета знала, что у нее нет папы, но есть тетя Наташа, дядя Петя и бабушка. Знала, что мама на них обижена. Хотя тетя Наташа Вете очень нравилась – такая красивая, веселая. Всегда с подарками приезжает. Дядю Петю Вета боялась. Не всегда. А после того, как он показал ей фокус – взял и оторвал большой палец на руке, а потом приставил на место. Несколько раз отрывал и приставлял. Вета орала от ужаса, закрыв лицо ладонками. А дядя Петя продолжал отрывать и приставлять палец, уговаривая Вету посмотреть, как это делается.

Бабушку Вета тоже побаивалась. Но по-другому, не так, как дядю Петю. Потому что бабушка у нее была «с придурью и закидонами». Так мама говорила. Бабушку Вета видела редко. Но все значимые события в ее жизни, так получалось, были связаны с маминой мамой.

Например, первое слово, точнее, фраза. Вета долго, особенно для девочки, не говорила. Или молчала, или кричала. Они тогда еще жили в одной квартире с бабушкой. Деваться было некуда, и бабушке поневоле приходилось за внучкой присматривать. Когда Вете было годика два, она встретила маму с работы четко выговоренной фразой: «Ну и вот, блядь, моя мамаша». Это была первая фраза девочки. В результате скандала выяснилось, что бабушка, которая опаздывала в гости, а Ольга задерживалась на работе, смотрела на часы, приговаривая: «Ну и где, блядь, твоя мамаша?»

– Бабушка, привет, – сказала ей Вета при первой сознательной, оставшейся в памяти встрече. Так ее научила здороваться мама. Они поехали на дачу, потому что бабушка там могла дышать, а в московской квартире задыхалась. Бабушка сидела на лавочке перед домом, на столе лежал детектив. Бабушка курила и пила коньяк.

– У меня есть имя-отчество, – сказала она Вете, – Дора Андреевна. Запомнила?

– Дора... – повторила Вета. – Такого имени нет. Есть Света, Наташа, Оля, Лена...

– Помолчала бы уж. С твоим-то именем. Только твоя мать могла до такого додуматься, – огрызнулась бабушка.

– Мама, прекрати, не начинай, – вмешалась Ольга в первый разговор бабушки с внучкой.

– А я могу все сразу же и закончить, – сказала Ольге мать.

– А почему такое имя – Дора? – подумав, спросила Вета.

– Потому что Дора – это Айседора. А Айседорой звали знаменитую балерину, – ответила бабушка.

– А что с ней случилось?

– Удавилась на собственном шарфе.

Вета застыла с открытым ртом. С ней еще никто так не разговаривал. Тем более не рассказывал такие истории.

– А меня называли тоже в честь знаменитой женщины – Виола. Очень красивая, поэтому ее портреты

рисуют, и все ее знают, – сказала она наконец.

– Да, куриными мозгами ты пошла в мать, – протянула бабушка.

– А какие у курицы мозги?

– А никакие, в два плевка. Хотя вкусные. Ты ела мозги? Нет? Очень вкусно. А еще интересно, как курица бежит по двору с отрубленной головой. Представляешь, головы нет, из шеи хлещет кровь, а курица еще бежит, как живая.

– Мама, пожалуйста... – Вета, впадшая в ступор от бабушкиных историй, повернулась и увидела, что мама плачет.

– А что? Мы просто разговариваем, – картинно удивилась бабушка. – Ну что, вы уже уезжаете и даже чаю не попьете? – Бабушка засмеялась.

– Вообще-то я хотела ее тебе на пару дней оставить, – сказала Ольга.

– Зачем? – закуривая очередную сигарету, спросила бабушка.

– Затем, что она твоя внучка, а мне нужно уехать. – Вета заметила, что мама перестала плакать и вот-вот закричит. Вета знала такой ее голос. Со своими учениками она часто говорила таким голосом – на надрыве.

– Ну ладно. Еды привезла? Нет, конечно. Как всегда, с пустыми руками. А подумать, чем мне ее кормить, ты, конечно, не можешь.

– Я оставлю тебе денег, – сказала Ольга. – Сколько тебе нужно?

– Столько, сколько мне нужно, у тебя все равно нет.

Ольга положила на стол бумажку.

– Курам на смех, – прокомментировала бабушка.

– Тем, у которых нет мозгов и которые бегают без головы? – уточнила Вета.

– Вот именно, – согласилась бабушка.

Ольга уехала. Вета осталась с бабушкой. Вета забыла, как зовут бабушку по имени-отчеству, а бабушкой назвать боялась. Поэтому никак не называла.

– Я пойду полежу, может быть, засну, а ты поиграй тихо, – сказала Вете бабушка.

– Хорошо, – ответила Вета.

Она играла в дочки-матери. Кукла-мама гладила пластмассовой негнущейся рукой куклу-дочку по голове. Получалось неловко, зато искренне. Кукла-мама еще целовала куклу-дочку, хвалила ее и укрывала одеялом, укладывая спать. Домиком служила коробка из-под обуви. А вот ванночки не было. Вета решила искупать кукол перед сном. Для этого нужна была емкость. Вета прошла на кухню, подставила себе табуретку и залезла на стол. Над столом висел шкаф с кастрюлями. Она стояла и выбирала, какая больше подойдет для ванночки. Решила, что самая нижняя – потому что белого цвета, как ванна. Вета потянулась и попыталась вытащить кастрюлю, одной рукой держа те, что стояли сверху. Когда кастрюля была уже в руках, Вета свалилась со стола. Сверху на нее рухнула посуда. Вета со страху отползла под стол. На кухню ворвалась бабушка. Наступила на откатившуюся к двери крышку, не удержалась на ногах и упала. Оказавшись на полу, бабушка увидела спрятавшуюся Вету. Вета думала, что та сейчас начнет кричать, как мама, но бабушка молча схватила ее за ногу и стала тянуть к себе. Бабушка оказалась сильной. Вцепилась пальцами в ногу так, что Вета даже дернуть ею не могла. Она дрыгала захваченной ногой, цеплялась за ножки стола. Стол с грохотом двигался вместе с Ветой. Вета вспомнила, что у нее есть еще одна нога, и попыталась лягнуть бабушку. Но бабка захватила и вторую ногу и выволокла Вету из-под стола. Вете стало совсем плохо. Не потому, что она боялась наказания или криков. Бабушка вела себя неправильно. Она молчала, не ругалась. Так что то, что сделала Вета, было от страха перед неизвестностью. Она согнулась и вцепилась зубами в руку бабушки. Бабушка вскрикнула и выпустила ноги внучки. Но Вета продолжала держать зубами бабкину руку, как бульдог, которому нужно двумя руками разжимать челюсти, чтобы вытащить палку, с которой он играет. Бабка потянула внучку за волосы. Вета сдалась и руку отпустила.

Бабушка посмотрела на руку, на которой уже проступил кровоподтек в форме круга, и ушла. Так ничего и не сказала. Вета, ползая по полу, собирала кастрюли, крышки. Ставила все на место – на полку. Бабушка вышла из комнаты с заклеенной пластырем рукой, в которой держала утюг. Другой рукой она держала шнур от утюга, как плетку.

– Убью, гадюка, – тихо сказала бабушка.

Вета выскочила из дома и побежала на улицу. Она не знала, гонится ли за ней бабушка. От слез она даже не видела, куда бежит, в какую сторону. Вдруг она врезалась в женщину.

– Вета, о господи, что случилось? – Женщиной оказалась мама.

– Мамочка, прости меня. – Вета начала заикаться от бега, страха, слез и сознания того, что сделала.

– Что случилось? Что ты сделала? – Ольга действительно испугалась. Дочь стояла и дрожала всем телом.

Ольга уже села в электричку, но проехала только две остановки. Решила вернуться. Купить на станции продукты и принести матери. Чтобы отвязаться, не слышать упреков. Она шла с пакетами назад,

к дому, когда увидела, как по дороге несется девочка. Ольга не сразу признала в девочке дочь.

– Я бабушку укусила, – заикаясь сказала Вета.

– Ладно, пойдем, – сказала мать,

– Я туда не пойду.

– Там твои вещи. Пойдем.

– Нет, я тебя здесь подожду. – Вета села на обочине и стала рвать травинки – так дети определяют, «петушок» или «курочка». У нее тряслись руки. Травинки срывались. Она продолжала заикаться, когда говорила, что здесь подождет.

Вета не знала, о чем мама тогда говорила с бабушкой. Только после того случая мама два дня плакала, а Вету еще долго водили по врачам и лечили от заикания.

– Мама, на меня бабушка обиделась? – спросила она в тот же вечер, когда они добрались до дома и мама долго звонила кому-то по телефону, объясняя, что не с кем оставить ребенка.

– Обиделась, – ответила мать.

– Потому что я плохая?

– Нет, потому что бабушка детей не любит. Не только тебя, всех.

– А кого она любит?

– Себя.

Тогда мама рассказала Вете историю, как бабушка впервые увидела внучку.

Ольга приехала с дочкой из роддома.

Она положила Вету в кровать, которую подарили Наташа с Петей. Точнее, не подарили, а привезли от знакомых, у которых уже вырос сын. Ольга обиделась на то, что кровать была «поношенная», а не новая. Но лучше такая, чем вообще никакой. Наташа с Петей отдали кровать и уехали. Ольга уложила дочку и сказала:

– Мама, иди посмотри на нее.

Мать стояла в дверном проеме.

– Спасибо, мне отсюда хорошо видно, – ответила мать.

Ольга села рядом с кроватью и заплакала. Она долго держалась – пока ехала в роддом, пока лежала после родов. Думала, вернется домой, и все уладится, а тут поняла, что ничего не уладится.

В роддом Ольга доехала сама, на автобусе. Воды отошли дома. Она лежала на кровати и почувствовала, что кровать стала мокрой. Ольга успела перестелить белье – чтобы мать, уехавшая «по своим делам», не ругалась – и замочить в тазу испачканное. Потом села в автобус и поехала в роддом. Позвонила Наташе с Петей, но никто не ответил. Был вечер – автобус переполнен. Ольга держалась за огромный живот и хотела только одного – сесть. Но пробраться к сиденьям было невозможно. Да и свободных не было.

– Пропустите, здесь беременная, – пыталась ей помочь какая-то женщина.

Двое мужчин и старушка встали боком, пропуская Ольгу. Но больше никто не сдвинулся с места. Ольга так и стояла, зажата между мужскими спинами. Перед ней стоял мужчина в рубашке с короткими рукавами – на рубашке отпечатались капли пота. Ольгу затошнило. Она повернулась в другую сторону. И уткнулась в небритую подмышку. Мужчина держался за поручень. Ольга начала пробираться к выходу – решила дойти пешком. Хорошо еще, что до роддома оставалась одна остановка.

Туда она добралась чудом. Чудом была старушка, которая подхватила Ольгу по дороге. Ольга начала оседать на землю. Она шла и удивлялась, откуда у этой старушки, высохшей и хромой, столько сил. Старушка довела ее до роддома, посадила на банкетку в приемном покое.

– Держись, деточка, – сказала она и сунула в руку яблоко.

Ольгу долго не «оформляли». Она сидела и грызла яблоко. Лишь бы отвлечься от боли.

– Раз жрет, может подождать, – услышала она слова одной нянечки.

Потом, где-то через час, судя по настенным часам, ее повели «оформляться».

– Схватки через сколько? – спросила уставшая врачиха.

– Не знаю, – ответила Ольга.

– А почему с накрашенными ногтями? На блядки собралась или рожать? – Врачиха говорила, не глядя на Ольгу и не переставая писать в карте. Ольга к тому моменту находилась в состоянии отупения. И даже не обиделась. После того как врач заполнила нечитаемыми каракулями лист карты, Ольгу повели на «обработку».

– Лезвие принесла? – спросила врач.

– Нет, – ответила Ольга.

– Я должна тебе принести?

Ольге на «обработке» достались две молоденькие девочки-практикантки, с неумелыми руками. Они стояли над Ольгой, которая лежала на кушетке, раздвинув ноги, и не знали, как к ней подойти. Практиканткам было стыдно, неудобно и страшно.

– Давай ты первая, – сказала одна девчушка другой, подтолкнув ее в сторону Ольги.

– Нет, давай ты. Я потом, – ответила вторая практикантка.
Девушка, та, первая, осторожно провела казенным мужским станком с тупой ржавой бритвой. Ничего не получилось.

– Я не могу, ничего не получается, – сказала девушка подружке.

– Ладно, давай я, – ответила вторая.

Она взяла бритву и провела с силой.

– Ой, – сказала девушка. – Зови Зою Петровну. Я что-то не то сделала.

Ольга из-за живота не видела, что сделала практикантка. Зато она видела перепуганные лица девушек. Еще почувствовала жжение.

– Может, так надо, не будем звать? Она кричать начнет и практику не зачтет. – Девушки переговаривались, как будто Ольги вообще здесь не было.

– Нет, надо звать. Иди ты, – сказала вторая девушка.

– Нет, сама иди. Ты сделала, ты и иди, – ответила первая.

Ольга посмотрела на настенные часы. Практикантки стояли над ней уже пятнадцать минут.

Они все-таки позвали некую Зою Петровну. И были правы. Зоя Петровна вошла в кабинет и начала кричать на девушек:

– Что, женщину побрить не можете? Безрукие! Смотрите.

Зоя Петровна в минуту побрила Ольгу.

– Пошли на клизму, – сказала она практиканткам. Ольга уже как бы и не участвовала в происходящем. Она думала только об одном – чтобы клизму ей поставила Зоя Петровна сама, а не эти девочки.

Ольгу переложили на другую кушетку. Зоя Петровна положила руку ей на живот и вдруг заорала:

– Она же родит у меня сейчас! Какая на хрен клизма! Быстро в родблок!

Девчушки прижались друг к другу и стояли, не двигаясь.

– Что встали, коровы? Бегом, я сказала! – заорала на них Зоя Петровна.

– Ты у нас Зоя Космодемьянская, что ли? – ласково спросила Ольгу Зоя Петровна. Ольга к тому моменту вообще ничего не соображала. Но поняла, что эта замечательная женщина ее похвалила, сказала ей что-то хорошее.

А потом Зоя Петровна пропала. Ольгу куда-то везли, что-то говорили. Но голоса были другими. И Ольга, кусавшая губы еще с поездки в автобусе, закричала. Она хотела сказать, чтобы позвали ту женщину, но получился только крик.

– Чё орешь? – Ольга увидела склонившуюся над ней белую маску.

– Больно! – закричала Ольга.

– А ебаться не больно было? – спросила маска.

Зою Петровну Ольга увидела, когда лежала в коридоре после родов. Она помнила, что ей сунули в лицо красную огромную промежность.

– Кто? – спросила маска.

Ольга молчала.

– Кто родился? – настаивала маска, тыкая в лицо Ольге промежность.

– Девочка, – ответила Ольга. – Как сырок плавленый.

– Чего? – удивилась маска.

После этого она ничего не помнила. Очнулась от знакомого голоса, который сказал ей что-то хорошее.

– Есть хочешь? – спросила Зоя Петровна.

– Нет, спасибо, – ответила Ольга.

– Надо, поешь, – велела Зоя Петровна, и Ольга послушалась. Зоя Петровна оставила ей на тележке холодную мясную запеканку. Ольга взяла вилку, отковырнула кусок. Прожевала. Оставшееся она глотала, не пережевывая. Вкус той запеканки она помнила всю жизнь.

Ее перевели в палату. Двенадцать человек. Всем приносили детей на кормление, а Ольге – нет. Она спрашивала, где ее дочка, у медсестер, но они не знали. Медсестер было четыре. Две – в одну смену, злые. Две – в другую, добрые. Добрые медсестры, сменившие злых, Ольге и сказали, что дочка ее на третьем этаже в кювезе. Плохенькая. Поэтому и не приносят на кормление.

Вечером, когда медсестры ушли пить шампанское и есть шоколадные конфеты, подаренные на выписку, Ольга пошла искать дочь. Дошла до выхода на лестницу, долго, очень долго поднималась на один пролет.

Зашла в палату, где лежали детки в кювезиках. Подолгу всматривалась в надписи. У Ольги зрение было минус два. Не так много, но надо вглядываться, чтобы увидеть. Очки она не носила, считая, что в них выглядит еще хуже.

– Ты что тут делаешь? – В палату зашла медсестра и увидела Ольгу. Та как раз дошла до конца одной стены.

– Дочку ищу, – ответила Ольга.
– А кто разрешил?
– Пожалуйста, мне очень надо, – попросила Ольга.
– Ладно. Как фамилия?
– Кириллова.
– Вот здесь. – Медсестра махнула в сторону другой стены и ушла. – Пять минут – и чтобы я тебя здесь не видела, – сказала она.
– Спасибо.

Ольга хотела сказать медсестре, что плохо видит, но побоялась. Неужели мать не узнает своего ребенка? Она пошла в указанном направлении, вглядываясь в надписи. Около четвертого по счету кювезика остановилась – там лежал туго запеленутый красивый младенец со светлыми волосиками. Ольга сощурилась, разглядывая надпись с именем-отчеством и фамилией матери. Да, она, Кириллова Ольга Михайловна. Она стояла и смотрела на сверток. Потом посмотрела на того ребенка, что лежал рядом, справа. Нет, ее лучше. Тот ребенок, маленький, чернявенький, спал с недовольным личиком. Ольга прищурилась. Над соседним кювезиком тоже было написано Кириллова Ольга Михайловна. У Ольги захолонуло сердце. Она стала вглядываться, да, этот красивый ребенок – Кириенко, значит, не ее. А ее – этот, эта, с недовольным личиком. В этот момент в палату опять зашла медсестра.

– Я же сказала, пять минут. Иди отсюда.

Ольга вышла и пошла вниз. Вниз по лестнице идти было легче, чем вверх. Ольга вернулась в свою палату, перетянула на талии пеленку коричневого цвета, скрывающего плохо постиранные пятна чужой крови, и легла. Думала, что не заснет от потрясения, а заснула сразу же. А утром ей принесли дочку. Ту – маленькую, чернявенькую, с недовольным личиком. Ольга держала дочку и пихала ей в ротик с опущенными уголками губ грудь. Дочка отказывалась брать предложенное. Ольга опять впихивала, как делали ее соседки по палате, но дочка была упрямой. Ольга плюнула на кормление и развернула пеленку, чтобы ее хорошенько рассмотреть. На ручках дочки бинтом были привязаны бирки из клеенки. Ольга повернула бирку и прочитала: «Смирнова Алла Сергеевна». Ольга резко отодвинула девочку и почти бросила ее на кровать. Зашла медсестра забирать детей с кормления.

– Это не мой ребенок, – сказала ей Ольга.

– А чей? – удивилась медсестра, с подозрением глядя на Ольгу.

– Там написано: «Смирнова Алла Сергеевна».

– Ой, наверное, перепутали. Давай сюда. – Медсестра уже держала одного ребенка и ждала, что Ольга положит ей на локоть второго.

– Нет, а может, моя. – Ольга взяла на руки девочку, прижала ее к груди.

– Ладно, давай – разберемся, – сказала медсестра. Ей нужно было унести еще нескольких младенцев.

– Нет, эта моя. Точно моя. Я ее видела, наверху, а может, не моя, у меня зрение минус два, я могла перепутать. Там надписи были мелкие. – Ольга пыталась объяснить, но по выражению лица медсестры видела, что та считает, что мамочка не в себе.

– Давай, щас все выясню. Твоя – значит, твоя.

Ольга отдала ребенка. Пока соседки по палате, сдав детей, обсуждали мужей и свекровей, Ольга сидела, глядя в одну точку. Медсестра не возвращалась. Через час Ольга не выдержала и пошла в сестринскую. В комнате стоял запах праздничного увядания – шампанского и засохших цветов.

– Простите, вы нашли моего ребенка? – спросила она у девочек-медсестер. Той медсестры, которая забирала детей с кормления, не было.

– Кириллова, да? Какого ребенка? Ты что такое говоришь? Хочешь – таблеточку дам? – спросила Леночка, медсестра из «доброй» смены.

– Нет, моего ребенка перепутали с чужим, – начала объяснять Ольга. Леночка смотрела на нее с испугом.

– Пойдем, я тебе укольчик сделаю. Поспишь, – предложила она, выводя Ольгу из сестринской в сторону процедурного кабинета.

– Нет, правда, там было написано «Смирнова Алла Сергеевна», но вообще-то у меня зрение плохое, поэтому я не уверена. А та медсестра обещала выяснить, – объясняла на ходу Ольга.

– Хорошо-хорошо, не волнуйся. Сейчас поспишь, а я все узнаю, поднимай рубашку. – Леночка вколола Ольге укол, довела до кровати и уложила. Ольга засыпала с мыслью, что она проснется и не вспомнит никакой Смирновой Аллы Сергеевны. Так и получилось.

Леночка прибежала в палату с ребенком вне графика кормления.

– Я думала, ты с ума сошла. – Леночка улыбалась и протягивала Ольге сверток. – На, держи свою дочку. На ножки новые бирочки привязали, а на ручках старые оставили. Забыли поменять.

Ольга взяла ребенка – ту самую страшненькую чернявенькую девочку с недовольным личиком.

Девочка была проблемная с рождения. Грудь брать отказывалась категорически. Медсестры из

«злой» смены ругались, потому что им приходилось ее докармливать. Когда Ольга сидела на кровати и плакала над девочкой, впихивая в недовольный ротик разбухшую грудь, в палату вошла Зоя Петровна. Посмотрела на Ольгу с ребенком и сказала:

– Это характер.

– Какой характер? Ей три дня, – зарыдала Ольга.

– Будешь ломать ее, только хуже будет, – сказала Зоя Петровна и ушла.

Ольга между кормлениями лежала на кровати лицом к стене. Соседки по палате пытались втянуть ее в разговоры, но что Ольга могла рассказать про мужа, которого не было, и про свекровь, которой тоже не было?

– Что – бросил? – спрашивала Светка, чья кровать стояла рядом с Ольгиной.

Ольга мотала головой:

– Нет.

– Гуляет? – допытывалась Светка.

Ольга опять мотала головой.

– Бьет, пьет? – не унималась Светка.

Ольга начинала тихонько плакать.

У Светки была бурная жизнь даже в роддоме. Ее знали все – та долго лежала в патологии. Девчонки, которые лежали вместе с ней, потом рассказывали «новеньким», как к Светке приезжала свадьба. Под окнами роддома стояли машины с ленточками, а Светкина глубоко беременная и сильно пьяная подруга-невеста пыталась попасть свадебным букетом в окно третьего этажа.

Светка вообще не могла без публики. Бенефис она устроила в патологии. Светка устала ходить беременной и требовала ее «поскорее родить». Соседки по палате тоже просили за Светку – та стала невыносимо храпеть по ночам.

– У меня и пробка уже отошла, – говорила Света врачу. – Вот, смотрите. – Светка совала под нос врачихе кусок туалетной бумаги с «доказательством». – Ну что, трудно пузырь проткнуть?

– Светочка, кто здесь врач – ты или я? – пыталась спорить врач.

– Ну не могу я больше.

Светка с жадностью слушала народные рецепты про то, как родить побыстрее. И сразу же начинала пробовать. Ходила по лестницам, приседала, тянула вверх руки.

– Света, что ты опять делаешь? – спрашивала врач во время обхода.

– Вам не надо рожать, а мне надо, – отвечала Светка, усердно приседая, расставив ноги и держась за стул.

Особенно ее боялись практикантки. Другие девочки или стеснялись, или просто не хотели, чтобы их животы трогал кто-то, помимо врача. А Светка была только рада – новая публика. Едва практикантки показывались в дверях, Светка задирала ночную рубашку. Трусы она не носила как совершенно ненужную вещь. Девочки осторожно давили на живот и отдергивали руку.

– Вот так надо. – Светка хватала практикантку за руку и прикладывала к своему животу. – Чё рука такая холодная? Вот это ножка. Чувствуешь ножку? – требовательно спрашивала Светка. И попробовала бы практикантка не почувствовать, Светка бы ее не отпустила.

Не стеснялась Светка и в туалетах. По негласному правилу, поскольку в туалетах не было дверей и щеколд, девочки заходили в помещение на два унитаза по одной. Только не Светка. Она заходила тогда, когда ей было нужно. Если в этот момент на соседнем унитазе сидела беременная, Светка начинала вести светскую беседу по теме. Рассказывала страшилки – как одна беременная залезла на толчок ногами, упала и выкинула прямо в туалете. А другая, только-только родившая, выпрыгнула из окна туалета и сбежала, бросив ребенка. «Бумажку передай», – без перехода просила Светка. Приросшая от ужаса к унитазу беременная передавала бумагу, смотрела, как Светка демонстративно подтирается и, бросив: «Пока, сильно не тужься, нельзя. А то одна тут тужилась и родила, еле поймали», – уходит.

Несколько раз Светке казалось, что она «уже». Казалось, как правило, по ночам. Светка истошным криком, что у нее начались схватки, будила всю палату. Кто-нибудь из сонных девочек бежал на пост за медсестрой, еще кто-нибудь собирал Светкины вещи. Светка лежала на кровати и руководила процессом сбора вещей и оставляла ЦУ: ее мужу нужно позвонить прямо сейчас, подруге – утром, и далее по списку.

Приходила медсестра и констатировала, что схваток нет. Просто ребенок повернулся или сильно пнул. Все успокаивались и ложились спать. Но Светка не могла уговориться – говорила, что схватки точно были, что сейчас родит...

То ли Светка всем надоела, то ли действительно пришло время, но вечером медсестра принесла Светке кружку с маслом.

– Что это? – понюхала Светка содержимое.

– Касторка, – ответила медсестра.

– И что с ней делать?

– Пить. – Медсестра улыбалась.

– А почему не клизму?

– Врач сказала касторку.

Все девочки в палате должны были смотреть, как Светка пьет касторку. И переживать за нее. Хотя есть Светке не велели, она заедала каждый глоток конфетой, колбасой, яблоком.

– Ну что, выпила? – спросила заглянувшая медсестра.

– Ага, и закусила, – ответила Светка.

Как она потом в туалете крыла матом медсестру, слышали все. Ходили слухи, что после родов Светка попросила сигаретку, и ей принесли, лишь бы та уже уgomонилась.

По телефону-автомату, висевшему в лестничном пролете, она, отстояв очередь, ругалась со свекровью так, что слышали все этажи. По вечерам, обмотавшись одеялом и подложив под себя еще одно – чужое, – залезала на подоконник и в форточку жаловалась на свекровь мужу, который понуро стоял под окнами. Светкины «свиданки» собирали публику – к окнам прилипали все, кроме рожениц. Но те, родив и оклемавшись, спрашивали, что сказала Светка мужу и что тот ответил, пока они рожали. Светкина личная жизнь была сериалом. «А она что?», «А он?».

Светка обростала легендами – кто-то говорил, что она из Воронежа, кто-то точно знал, что из Волжска. Говорили, что Светка уже была замужем, но не могла забеременеть, а от этого, нового, мужа сразу же. И замуж выходила уже беременная, а так бы он на ней не женился. Говорили, что первого мужа сама бросила, а нового приворожила. На самом деле она уже старая – за тридцать. Только выглядит так. Потому что оба мужа моложе ее. И Светка из них молодость тянет.

Она и не скрывала свой статус – «старородящая», даже с гордостью это подчеркивала – требовала особого отношения.

– К Светке муж пришел, – сообщал кто-нибудь из женщин. Около подоконников собиралась толпа.

Светка швыряла в форточку письма, которые ей писала свекровь, с криком:

– Нет, ты почитай, что твоя мамаша тут написала! И пусть она подавится своими яблоками. – В форточку летели яблоки, переданные свекровью невестке.

Светкина свекровь была виновата в том, что попала под руку. Эту историю тоже знал весь роддом.

Бывшая Светкиного мужа – Машка, – страшная, как Светкина жизнь, заявила к ним на свадьбу. Вообще-то имела право – она, расставшись со Светкиным мужем, тогда еще женихом, стала встречаться с его другом. Ребята тогда решили, что бабы бабами, а мужская дружба – это мужская дружба. Поначалу Светка с Машкой держались молодцами. Друг на друга не реагировали. А потом тамада объявил конкурс с яблоком, которое нужно было передавать друг другу без помощи рук. Так уж получилось, что Светкиному мужу выпало передавать яблоко, зажатое подбородком, Машке. Машка, чтобы было удобно захватить яблоко, как-то слишком близко прижалась – Светка не выдержала. Подскочила, схватила Машку за волосы и потянула от своего уже законного супруга. А оттащив, схватила Машку за подол вечернего платья и стала наступать ей на ноги, норовя попасть каблуком по пальцам. Один раз попала. Машка заорала и, подпрыгивая на одной ноге, схватила Светку за фату. Светкина прическа начала съезжать. Она тоже заорала – оттого, что Машка испортила прическу, на которую Светка с трудом записалась в «Чародейку».

Светкин муж и друг мужа вмешиваться не стали – пошли выпивать за мужскую дружбу. Девуцкинулась разнимать Светкина свекровь. И почему-то встала так, что загородила спиной Машку. Получалось, что свекровь защищает Машку. Такого предательства Светка не ожидала. Она отпустила подол Машкиного платья и вцепилась в рюши на свекровкиной блузке. Она так и говорила – не свекровь, а свекровка, получалось пренебрежительно. Светка потом рассказывала, что потрянула маму мужа только слегка. Но свекровь оступилась и попала ногой в рабочий инвентарь тамады – тазик со сметаной, из которого нужно было без помощи рук достать монетку – на счастье. Это был следующий конкурс. Свекровь, одной ногой в тазу и по пояс в сметане, рухнула на пол, сломала шейку бедра и была прямо из ресторана отвезена в больницу. Машке после памятного торжества тоже пришлось лечиться. Через два дня палец, на котором каблуком оттопталась Светка, распух и посинел. Светка умудрилась раздробить косточку. Конец истории – про палец – Светка рассказывала с особым чувством удовлетворения. Светку соседки по палате побаивались.

Во всяком случае, когда она выходила в коридор с полотенцем и спрашивала у очереди в единственную работающую душевую: «Кто последний?» – ее всегда пропускали, хотя знали, что это надолго. Вода текла медленно, напор и так был слабым, да еще половина утекала в дыру на шланге, а Светка мылась редко, но тщательно.

Светка терлась не мочалкой, а трусами, которые все-таки надевала, если с обходом ждали главврача. «Заодно и постирушки», – говорила Светка.

Муж метался между женой с пузом и матерью в гипсе. Светка высчитывала, сколько времени он провел у матери, сколько у нее. Муж кивал и обещал завтра прийти пораньше. «Точно, приворожила», – решала публика.

Светке медсестры давали ключи от бельевой, чтобы она выясняла отношения за закрытыми дверями. Но Светку и оттуда было хорошо слышно.

Светка установила в палате дедовщину. Она не ходила в столовую – ей приносили еду в палату. Она любила кашу, и девочки отдавали ей свои порции. Светка могла съесть три тарелки пшенки за раз. Ее угощали передачами. Светка капризничала и могла отказаться. У нее плохо сцеживалось молоко, и медсестры ее расцеживали в четыре руки. Светка лежала на кровати, как корова – победительница сельхозвыставки. Соски Светки были густо намазаны зеленкой, и когда муж пытался ей что-то возразить, Светка рвала на груди ночнушку и вывешивала в форточку зеленые груди. Муж тут же возражать переставал.

Сына Светка родила почти пятикилограммового. С ним тоже все носились так же, как со Светкой. Когда все в палате в обед наелись борща и покормленные дети орали как резаные, не спавшие всю ночь медсестры из «злой» смены устроили разнос. Светка тогда за всех вступилась.

– Хавальник закрой, – сказала она медсестре.

Медсестра рот закрыла.

Светка почему-то симпатизировала Ольге. Подкармливала ее фруктами, занимала очередь в процедурный.

К Ольге только один раз приехали Наташа с Петей. Привезли апельсины и колбасу, которые передать не разрешили. Так что вроде как и не приезжали.

Светку выписывали всем роддомом. Она, уже одетая и накрашенная чужой тушью и помадой, принесла и поставила на тумбочку Ольге вазу с белыми тюльпанами. Ольга заплакала. Эти тюльпаны были первыми цветами в ее жизни. Она плакала потому, что эти цветы подарил не мужчина, а Светка, к которой Ольга относилась с внутренним презрением. Светка, которую в отличие от Ольги любили.

Ольгу встречали из роддома Наташа с Петей. Они привезли ползунки и распашонку – Ольга смотрела, как медсестра одевает дочку. Резкими движениями запихивая маленькую ручку в рукав распашонки.

– А чё ленты коричневые? – спросила медсестра, перетягивая одеяльце и накручивая банты.

– Наташ, а почему ленты коричневые? – спросила Ольга, когда они сели в такси.

– Розовых не было, – ответила Наташа. – Были или черные, или коричневые, или белые. Да какая разница?

Вета росла недоцелованной девочкой.

Грудь, как и предсказывала Зоя Петровна, Вета так и не взяла.

Мать посмотрела, как Ольга пытается впихнуть дочке грудь, и посоветовала:

– Пусть полежит голодная. Захочет жрать – возьмет.

Ольга выдержала пять часов несмолкающего крика. Подходила, предлагала дочке грудь, но та чмокала губами и отворачивала головку, содрогаясь всем тельцем. Ольга, плача, сцедила молоко в бутылочку. Из бутылочки Вета поела и успокоилась. Ольга сцеживалась месяц. Потом Петя привез упаковку смеси «Малыш», и это было счастье. От «Малыша» у Веты начался диатез. Щечки и ручки были в красной мокнущей коросте. Ольга купала Вету в череде и ромашке. Ничего не помогало. Поэтому Вету не целовала даже мать. Чмокала в шейку. И то, если это видела бабушка, всегда говорила Ольге: «Что ты с ней лижешься?» Потом Петя достал какое-то лекарство – он все-таки чувствовал себя виноватым перед Ольгой, – и стало легче. Но привычка не зацеловывать дочку осталась.

А потом Вета и сама уворачивалась, если мать лезла с поцелуями. Вытирала щеку рукавом платица, если Ольге удавалось чмокнуть ее в щечку. Ольга обижалась. Привычка не целоваться закрепилась.

Когда Вета уже училась в школе, она все-таки спросила:

– Мам, а почему мы к бабушке не ездим в гости и к тете Наташе с дядей Петей?

– Потому что, когда они были нам нужны, они не помогли. А теперь не нужны, – ответила мать.

Ольга поругалась с сестрой как раз в тот день, когда получила свидетельство о рождении дочери. Наташе она позвонила сама:

– Скажи Пете, чтобы он повлиял на Ивана. Он ведь может.

– Я же тебе уже говорила, что он не хочет вмешиваться, – устало ответила Наташа.

– Но он должен.

– Ничего он тебе не должен.

– Скажи лучше, что он не хочет.

– А может, и не хочет. Если тебе деньги нужны, так и скажи.

– Мне муж нужен, а ребенку – отец, а не твои подачки с барского плеча.

– Ольга, хватит скандалить. Ну что я-то могу сделать?

– Ты не хочешь ничего делать. Только о себе думаешь.

– Зачем ты так?

Ольга бросила трубку. Разговор слышала мать. Она стояла, прислонившись к дверному косяку.

– Что ты к Наташке пристала? Сама делов наворотила, а теперь хочешь, чтобы кто-то другой разгребал твоё говно? – сказала мать.

– Ты всегда ее защищала. Я у тебя вечно плохая. А Наташенька хорошая. Все ей. Мужа – пожалуйста, квартиру – на, деньги – да бери. А мне? Почему у меня ничего нет? Или я у тебя тоже говном была? Сама же залетела не пойми от кого, а потом и папу женила на себе, забеременев. Если бы не мы, он бы тебя сразу же бросил.

После этого мать предложила разменять их квартиру. Чтобы у Ольги с дочкой была своя жилплощадь. Единственное условие, которое поставила мать, – найти ей квартирку в этом же районе, в центре.

Так Ольга оказалась в Митине. Новая музыкальная школа, в которую пошла работать Ольга, была почти под боком.

Ольга, Ольга Михайловна, решила, что у нее теперь будет своя, другая, жизнь.

Наташа приехала, как всегда, неожиданно. Ольга давно не видела сестру – с Нового года, который по традиции отмечали у матери. Этот праздничный семейный сбор никому не был нужен – приезжали ради приличия. Мать дарила ненужные вещи или передаривала то, что осталось с прошлого Нового года, – носовые платки, полотенца. К Ольге так через год вернулся крем для лица, который она подарила матери.

Такую Наташу она вообще никогда не видела. Натуральную. Настоящую. Непохожую на их мать. Наташа бросила в коридоре привезенный пакет – с вещами и подарками для Веты.

– Чай есть? – спросила она.

– Есть, – ответила Ольга. – Что-то случилось?

– Случилось. Приехала тебя порадовать.

– И чем же?

Петя, как и обещал Наташе, действовал по плану. Медленно, но верно делал карьеру. Собственно, и квартиру матери они так легко разменяли, потому что Наташа согласилась. Ей ничего не надо. Они с Петей к тому времени жили в трехкомнатной. Петя ушел из НИИ и занялся «реальным бизнесом». Организовал свою фирму. Что-то связанное со стройматериалами. Работал круглосуточно. Зарабатывал много.

– У нас не может быть детей, – сказала Наташа.

– А ты что, разве хочешь ребенка? – удивилась Ольга. Она считала, что ребенок – последнее, что нужно сестре в этой жизни.

– Представь себе, я что – не женщина? – огрызнулась Наташа.

– А почему? С тобой что-то?

– Нет, у Пети.

– Почему ты так решила?

– Потому что со мной все в порядке. Я обследовалась. Значит, с ним что-то не так.

– А он тоже проверялся?

– Нет, ты что, он даже слышать об этом не хочет.

– Брось его, выйди замуж за другого – тебе это легко удастся. И ребенка родишь.

– Нет. Пусть сначала заплатит.

– За что?

– За все.

– Зачем ты за него замуж выходила, если не любила?

– Да я бы за любого вышла, лишь бы на вас с матерью не смотреть.

– Тебя мама любила. Это я была лишней. Даже отцу была не нужна. Он только о своей личной жизни и думал.

– Да если бы не ты, он был бы счастлив.

– При чем тут я? Он маму не смог бросить. А я никогда про его свидания не рассказывала.

– Ой, можно подумать. Да ты так за него цеплялась, так смотрела, что любой бы остался. Лучше б ты все рассказала. Может, всем было бы легче и отец был бы еще жив.

– Не смей так говорить. Тебе было наплевать.

– Ему и нужно было, чтобы нам было наплевать. А не твои игры в молчанку. Как будто по тебе было не видно. Мать сразу замечала – ты ходила с таким видом, как будто знаешь страшную тайну. И отец, который хотел побыстрее напиться, чтобы уже ни на что не реагировать.

– Это вы с матерью ему жизнь сломали, а я хотела как лучше.

– Ну да, ты всегда хочешь как лучше... Тоже мне, мать Тереза. Ты хоть раз той женщине

позвонила? Узнала, как там поживает наш сводный братик?

– Ты знала, что у папы есть сын? – Ольга опешила. Она считала, что никто, кроме нее, этого не знает.

– Тоже мне, секрет. Ты тогда в лагерь уехала пионервожатой работать. А она, эта женщина, к нам приходила.

– И что хотела?

– Не знаю, но мать сказала, что денег. Или части квартиры – ну, типа сын – тоже наследник. Но я думаю, что она не за деньгами приходила.

– А за чем?

– Я слышала, что она просила фотографии отца или что-нибудь из его вещей. Что угодно. На память. Чтобы сыну показать, когда он вырастет.

– А мать?

– А что мать? Орала, что та ничего не получит.

– А та женщина?

– Плакала и извинялась.

– А ты?

– А что я могла сделать? Нас с этим мальчиком – Степа его звали? – выгнали на лестничную клетку. Мы с ним на ступеньках сидели и в слова играли, типа «арбуз», на «з» – «заяц».

– А почему ты мне ничего не сказала?

– Потому что мать тогда в истерике билась. Сказала, что, если узнает, что мы с любовницей отца общаемся, лишит нас всего – и квартиры, и дачи. Мать ведь заставила отца все на нее переписать. Не на нас, как он хотел, а на нее. Он и согласился, лишь бы не связываться. Мне-то наплевать, а как ты бы была?

– Ты, оказывается, обо мне заботилась?

– Можешь думать что хочешь.

Сестры помолчали.

– А почему ты решила, что я должна быть рада, что у тебя детей не будет? – спросила через затянувшуюся паузу Ольга.

– Ты же всегда считала, что мне стоит только захотеть, и все на голову валится. Вот видишь, не все, – ответила Наташа.

– Ты, конечно, извини меня, но Бог не дурак. Знает, кому дать, а у кого взять. Была бы у вас с Петей любовь, были бы и дети.

– Можно подумать, у тебя с Иваном великая любовь случилась. Пьяный перепих. С первым, кто позарился. И то после допинга.

– Зато у меня есть Вета, а у тебя никого никогда не будет. И пьяный перепих не поможет.

Наташа грохнула чашку и ушла, не попрощавшись. Даже к Вете в комнату не заглянула.

Сестры разошлись по жизни еще дальше друг от друга.

Наташа завела себе собаку – породистую суку Грету. Маленькую, смешную и слюнявую. На радостях позвонила Ольге. Рассказывала, что Грета стоила пятьсот долларов, что она маленькая, смешная и слюнявая. Наташа доложила, что купила Грете маленький диванчик с подлокотниками и мисочку с рисунком – косточкой. Ольга слушала, не перебивая, и, перед тем как положить трубку, сказала:

– Теперь ты хорошо замужня, бездетная собачница.

– На суку ей не жалко, а на родную племянницу жалко, – говорила Ольга, кромсая капусту для щей. Вета крутилась рядом. – Господи, да я бы на эти деньги... Хоть бы кровать тебе новую купила...

Вета не понимала, почему злится мать. Ну и что, что она спит на музыкальной энциклопедии, приставленной под колченогую тахту, а Грета на собачьем диванчике с подлокотниками?

Через год Грета попала под машину, и Наташа выложила за операцию еще пятьсот долларов. Но операция прошла не очень успешно – Грета подволакивала искалеченную лапу и требовала особого ухода. Наташа ее усыпила, чтобы не мучилась, о чем и сообщила Ольге по телефону.

– Чтобы кто не мучился – ты или собака? – спросила Ольга.

Наташа бросила трубку. Ольга заплакала.

– Мама, тебе Грету жалко? – спросила Вета у матери.

– Да, дочка, – ответила она, оплакивая пятьсот долларов. Сестра бы никогда не дала ей такую сумму, а все равно жалко. Выбросила псу под хвост в буквальном смысле.

– Но она же не умерла, а уснула. – Вета погладила по руке мать. – Поспит и проснется.

Мать, сколько себя помнила Вета, всегда экономила, всегда считала деньги, которые все равно

утекали сквозь пальцы. А тетя Наташа денег не считала, и они у нее всегда были. Вета злилась на мать, когда та заводила денежные счета с сестрой. Потому что мать выдавала желаемое за действительное. Врала. Наташа помогала. Сначала помногу – на что-нибудь нужное и крупногабаритное. Потом меньше. А потом перестала. Вета знала почему и удивлялась, что этого не понимает окончательно обозлившаяся мать.

Ольга сама не помнила, на что потратилась и, главное, зачем. Она вечно попадала в истории. Новые занавески оказывались длиннее, чем надо, и лежали в верхнем ящике шкафа – подшить Ольге в голову не приходило. Вырванную, оторванную, отскандаленную в длинной очереди осетрину горячего копчения можно было только выбросить – Ольге доставался просроченный, пахнущий тинной кусок.

Когда они только переехали в новую квартиру, часть денег, подаренных Наташей на покупку холодильника, Ольга потратила на индийское постельное белье, которое купила у спекулянтки в подземном переходе. Потом звонила Наташе и рыдала в трубку: «Она мне его показывала. Домой пришла, а в пакете кусок тряпки». Оставшихся денег хватало только на прокат. Грузчики, которым Ольга пожалела накинуть по рублю, бросили холодильник у подъезда и, выругавшись, ушли. Пока Ольга бегала в соседний дом, в ЖЭК, обещая местному слесарю и водопроводчику уже трешку за подъем на четвертый этаж, холодильник исчез.

– Сперли, – сказал водопроводчик.

– Точно, спиздили, – согласился слесарь.

Слесарь смачно харкнул. Ольга посмотрела на плевков, застывший на асфальте, и заплакала от чувства отвращения к этому несправедливому миру.

Потом она бегала вокруг дома и искала холодильник. Спрашивала у бабушек на скамеечке: не видели ли? Бабушки не видели.

Мало того что Ольга осталась без холодильника, так ей еще нужно было выплачивать штраф в прокате. Ольга спорила, объясняла, что она не виновата, а виноваты их грузчики, но ничего не добились.

Ольга позвонила Наташе и рассказала про холодильник.

– Ладно, не рыдай, штраф я оплачу, – сказала Наташа.

– У тебя одни деньги в голове. Я тебе про другое говорю, про то, какая у меня жизнь! – закричала в трубку Ольга.

Маленькая Вета очень хотела помочь матери. В садик и из садика она всегда шла, внимательно глядя под ноги. Однажды по дороге домой она нашла пять копеек. А по дороге в сад аж целых двадцать. Она всегда собирала мелочь, которая вываливалась из кошелька матери. Иногда мать позволяла ей забрать сдачу мелочью в магазине. Вета складывала копеечки в специальную коробку из-под леденцов. Считать она научилась, складывая копейки.

– Мама, не плачь, у меня шесть рублей есть, – сказала Вета матери. Это была ее тайна. Самая тайная из тайн. – Хочешь – возьми.

Вета сбегала в комнату и принесла коробочку. У Ольги моментально высохли слезы.

– Откуда у тебя деньги? – строго спросила она.

– Скопила. – Вета уже пожалела, что раскрыла матери тайну.

– Откуда так много, я тебя спрашиваю? – Мать потрясла коробочкой.

Деньги высыпались на пол. Краем глаза Вета заметила, что одна монетка закатилась под тумбочку в коридоре. Так, что не достанешь. Вета заплакала. Ей было жаль монетки.

– Если плачешь, значит, виновата, – продолжала размышлять мать. – Откуда у тебя деньги?

Вета понимала, что матери ничего не докажешь. Поэтому она сказала первое, что пришло в голову:

– Тетя Наташа дала.

Мать опять кинулась к телефону. Вета догадалась – звонить тете Наташе.

– Ты почему ей такие деньги даешь? Я ее мать, и я решаю, сколько денег у нее будет и в каком возрасте. А что с ней потом будет? А я тебе расскажу, что будет: она на панель отправится жопой крутить ради полтинника.

Что отвечала тетя Наташа, Вета не слышала. Но еще тогда решила больше матери ничего не говорить. Никогда. Тем более про деньги.

Тетя Наташа приехала на следующий день и забрала Вету из детского сада.

– Веточка, а откуда у тебя деньги? – спросила тетя Наташа.

– Я скопила. Собирала мелочь. Потому что маме всегда не хватает. А она рассыпала мою коробочку, и одна монетка закатилась под тумбочку. И как ее теперь достать? И все остальные деньги она забрала. У меня ровно шесть рублей было.

– А что ты хотела на них купить?

Об этом Вета никогда не задумывалась. Ей было важно просто иметь. Наташа это поняла.

– Ты боишься, что завтра у вас не будет денег?

– Да, – кивнула Вета. – А на шесть рублей можно и хлеба купить, и колбасы, и даже шоколадку.

– Вот держи. – Тетя Наташа протягивала ей деньги. Бумажные. Три рубля одной бумажкой и три по

рублю. – Здесь ровно шесть рублей. Потратишь их, когда сочтешь нужным. Только маме не говори.
– Не скажу, обещаю. Тетя Наташа, ты самая лучшая. – Вета обняла тетку за талию.

После диагноза «бездетность» Наташа решила выплеснуть любовь на племянницу. Маленькая Вета не знала, радоваться или пугаться переменам, произошедшим с теткой. На тетю Наташу и раньше иногда «накатывало», как говорила Ольга, – Наташа брала Вету в «Детский мир» или в зоопарк. Это случалось редко, а вспоминалось долго.

Иногда Вета думала, что любит тетю Наташу больше, чем маму. И страдала от этого. Но все говорило в пользу тети Наташи. Тетя Наташа – красивая, а мама нет. Тетя Наташа – веселая, мама – строгая, тетя Наташа умеет жонглировать тремя апельсинами, мама – не умеет. Если мама пила из бутылки сок, который нельзя пить детям, то становилась злой. А тетя Наташа, выпив странного, плохо пахнущего сока, играла с Ветой в прятки и догонялки. Особенно Вете нравилось играть с теткой в жмурки: «Где стоишь?» – «На мосту». – «Что продаешь?» – «Квас. Ищи кошек, да не нас». Тетя Наташа никогда не могла ее поймать, смешно натываясь на мебель.

Вета любила мать. То есть она не знала, что такое «любит – не любит». Знала, что когда видит, разговаривает с мамой, то как будто оказывается на качелях. И качается стоя. Страшно – потому что можно упасть, не удержав мокрыми ладонями неудобную широкую железную палку. Здорово – потому что можно присесть, оттянувшись на руках, взлететь так, что в животе начинает ныть, и ухнуть вниз. Вета держалась на качелях не руками, а локтями, сцепив на груди ладони замком. Так надежнее. Мать ей тоже хотелось удержать так же. Такой же хваткой. Ей нужны были тактильные ощущения. Больше всего на свете ей хотелось заснуть и проснуться, прижавшись к теплому боку матери.

Но Ольга считала это непедагогичным и противоестественным. Ребенок должен спать в «своей» кровати, на «своем» постельном белье. Она была за дисциплину и порядок. Сказано: «Спокойной ночи» – значит, спать. Если что-то сделано хорошо – аппликация, рисунок, можно сказать «хорошо», но не больше. Бурные изъятия восторга по поводу рисунка кривого детского кораблика или самостоятельно написанного первого слова «мама» Ольга считала излишними.

Так же как от любви, в животе ныло от страха. Вета боялась мать. Правда, это по ощущениям было похоже на воздушный шар, который надувается где-то внутри и медленно сдувается, превращаясь в дырявую тряпочку. Мать Вету била. Авоськой. Авоська, в которой никогда никто ничего не носил, висела на ручке кухонной двери. С внутренней стороны. Авоська била больно. Сначала Вета боли не чувствовала. Нестерпимо жечь на месте удара начинало через паузу. От этого затяжного ожидания боли становилось еще страшнее. Однажды Вета спрятала авоську под диванную подушку. Мать долго искала, металась по квартире. Так и не нашла. Авоську заменила материнская рука – тяжелая. Боль накатывала сразу, без паузы. Вета всегда знала, что понравится матери, а что нет. Мать была предсказуема. Другое дело тетя Наташа. От нее никогда не знаешь, чего ждать. Даже учила по-другому.

– Вета, иди сюда, – звала из ванной тетя Наташа. Вета была оставлена у тетки на ночевку.

Она шла в ванную.

– Смотри. – Тетя Наташа стояла у ванны, в которой было замочено белье. Два дня назад. – Видишь, лягушки квакают? – продолжала тетя Наташа. Вета кивала, хотя никаких лягушек в ванне не было. – Никогда так не делай. Поняла? Все, иди.

Или в магазине. Вета с тетей Наташей стояли в длинной очереди в кассу. Нужно было сначала занять очередь, а потом бегать за продуктами. Иначе простоишь часа два. За продуктами бегала Вета, тетя Наташа только говорила, что еще нужно.

– Ветка, слетай еще за хлебом, – говорила тетя Наташа.

Так же сказала и Вета:

– Теть Наташ, слетай за «гусеницей».

«Гусеницей» у них назывались булочки, упакованные в полиэтилен по пять штук.

Тетя Наташа расставила руки, как крылья самолета, и с протяжным и громким «у-у-у» полетела через весь зал в хлебный отдел. Вета готова была со стыда провалиться – на тетю Наташу смотрела вся очередь. Самое ужасное, что и назад, в очередь, тетя Наташа «прилетела» и даже изобразила посадку. Булки торчали из декольте. Вета смотрела на тетку с булками за пазухой и молчала.

– Багажное отделение, – объяснила тетя Наташа, вытаскивая из блузки «гусеницу».

С тех пор Вете и в голову не приходило послать за чем-нибудь тетю Наташу.

Тетя Наташа решила отвести Вету в театр. Настоящий, взрослый. Билеты нужно было доставать, и тетя Наташа достала. Точнее, не она, а ее подруга Лида, у которой был сын Кирюша – Ветин ровесник. В театре показывали оперу «Снегурочка». Вета расстроилась – она не понимала, что поют артисты. Совсем не так, как в книжке. Но сидела смирно. Тетя Наташа обещала повести их в антракте в буфет – за бутербродами и пирожным со смешным названием «картошка». Тетя Лида шипела на Кирюшу. Тот захотел в туалет, и тетя Лида шептала ему на ухо: «Я тебе говорила, сходи? Я тебя предупреждала, что нельзя будет выходить? Я тебя спрашивала? Сиди теперь. Терпи».

Кирюша глотал слезы и терпел. Но недолго. Он сказал, что уже чуть-чуть описался, и тетя Лида выволокла его из зала. В антракте им купили пирожные и две шоколадки. Тетя Лида и тетя Наташа пили напиток с газиками, который, как и красный сок со странным запахом, нельзя давать детям. Прозвенел звонок. Пора было идти в зал. Кирюша насупился и хлопал носом.

– Мама, я хочу шоколадку, – просил он.

– Я сказала: потом. Сейчас нельзя. Весь измажешься. – Тетя Лида старалась говорить тихо, но у нее не получалось.

– Я хочу шоколадку, – ныл Кирюша.

– Да дай ты ему. Успеет, – сказала тетя Наташа.

– Нет, я сказала: после спектакля.

– Хочу шоколадку, – снова затянул Кирюша.

Тетя Лида дернула Кирюшу за рукав и затащила в закуток. За бархатный занавес в ложе. Она развернула шоколадку и вдавила ее в лицо Кирюши.

– Жри, жри, – приговаривала тетя Лида, впихивая шоколад в рот сына. – Хотел? Жри.

Кирюша от испуга сжал зубы и уворачивался. Он вырывался, но тетя Лида крепко держала его за руку. Конец спектакля они так и не увидели.

– Женщины, что вы тут устроили? – За занавеску заглянула билетерша. – Тут театр, а не детский сад. Выходите. Быстро. Или позову администратора.

Всю дорогу домой Вета проплакала – она надеялась, что в театре Снегурочка не растает, как в книжке. В помещении же нельзя разводить костер. Но так и не увидела чудесного спасения героини. А тетя Лида сказала, что и в спектакле Снегурочка растает. И Лель ее разлюбит, так же как в книжке. Потому что все мужики – мудаки. Как Кирюшин папа.

Кирюша, отмытый в женском туалете от шоколада, мокрый и красный, тоже рыдал. Тетя Лида сказала, что больше они никуда не пойдут. Никогда.

Если от бабушки осталась первая фраза, произнесенная Ветой, то благодаря тете Наташе Вета научилась читать. Первым прочитанным словом было: «Б-а-р».

Первый поход в ресторан тоже был связан с тетей Наташей. Они гуляли по центру. Просто так – Наташа любила гулять бессмысленно. Вета не любила – ей нужна была определенная цель, к которой гулять. Мать даже составляла план прогулки: «Сначала ты поиграешь на детской площадке пять минут, потом мы сходим в магазин, на обратном пути еще поиграешь, и в восемь будем дома». С тетей Наташей такие планы не проходили. Они могли долго идти по бульвару, потом развернуться и пойти назад. Пока Вета собирала листья в букет, тетка сидела на бордюре и курила.

– Теть Наташ, ну ты чего? – Вете было стыдно, что на Наташу все смотрят. Особенно мужчины.

– Веточка, это так приятно, когда на тебя обращают внимание. Слава богу, что для этого мне пока достаточно сидеть на бордюре.

Так вот тетя Наташа во время одной из прогулок решила зайти в ресторан. В дверях стоял швейцар.

– В штанах нельзя, – сказал он Наташе, показывая на Вету.

– А сводить ребенка в туалет можно? – спросила Наташа и, не дожидаясь ответа, потащила ее в туалет.

Там она сняла свою юбку и поправила кофту – длинную, с широкими рукавами, «размахайку», как называла ее тетя Наташа. Кофта дотянулась почти до колен, но при ходьбе – Наташа прошлась по туалету – подтягивалась почти до ягодиц. Наташа осталась довольна.

– Надевай, – велела она Вете и помогла ей обернуть юбку в два запаха.

Они с тетей Наташей гордо прошествовали мимо швейцара, который раскрыл рот от наглости дамочки – рассчитывал на «трешку» и никак не мог сообразить, чтобы еще такого сказать, чтобы эту «трешку» получить. Пока он думал, Вета с тетей Наташей уже сидели за столиком и ждали комплексный обед. Вета с восхищением смотрела на тетку. Мама бы никогда такого не придумала. Да и в ресторан бы не повела.

Или уже в школе. Вета в первом классе получила двойку за чтение.

– Получишь еще одну двойку, будешь ходить синяя, – сказала Ольга. Вете не нужно было расшифровывать. Синяя – значит, мать избьет до синяков. Так, что больно будет еще очень долго. Ольга сообщила новость сестре по телефону в присутствии Веты. Чтобы ей было стыдно перед любимой теткой.

– Что сказала тетя Наташа? – спросила Вета. Она боялась, что тетя Наташа рассердится и больше никогда к ним не придет.

– Ничего, – ответила Ольга.

Наташа отреагировала в своем стиле.

– Что ты орешь? – спросила она сестру. – Что она, замуж не выйдет, если за минуту абзац не

прочтет?

Позже, когда Вета училась во втором или третьем классе, она поняла, что нельзя повторять то, что говорит тетя Наташа. Это была их тайна. Потому что если про это узнают учителя, то вызывают в школу мать.

В школе задали на дом составить рассказ о том, как родители и родственники проводят свободное время. Мамы дома не было, и Вета позвонила тете Наташе.

– Тетя Наташа, а как ты проводишь свободное время? – спросила Вета.

– Лежу на диване, задрюкав ноги, – ответила тетя Наташа.

– А мама?

– Думает, как испортить жизнь всем окружающим, потому что не знает, как устроить свою.

На уроке Вета пересказала то, что сказала тетя Наташа. Ольгу вызвали в школу и попросили объяснить дочери, как нужно отвечать домашнее задание.

Ольга дома отлупила дочь и позвонила сестре. Вета сидела в своей комнате и плакала. Ей было жалко тетю Наташу. Она считала себя виноватой в том, что мама кричит на нее. И обзывает плохими словами.

Через несколько дней после этого в школе Вете задали пересказ текста. Про то, как два мальчика сели в самолет и полетели смотреть Советский Союз. Из иллюминатора они видели поля, реки, людей с красными флажками, комбайны, убирающие пшеницу, и много еще чего. Тетя Наташа как раз приехала в гости. Вета попросила ее помочь с домашним заданием. Тетя Наташа прочитала текст и засмеялась.

– И где это ты видела, чтобы двоих малолетних оболтусов без билетов и без взрослых посадили в самолет? Это, во-первых, – начала разбор полета мальчиков тетя Наташа, – во-вторых, из иллюминатора никаких полей и степей не видно. Только при посадке. Самолет слишком высоко летит. Народ с красными флажками наверняка согнали с предприятий. Попробуй не прийти – выговор влепят или уволят. Вот они и пошли. Помашут для вида и пойдут квасить. Потому что в этой стране можно жить, если быть либо вечно пьяным, либо идиотом. Плохой рассказ.

Вета пересказала то, что сказала тетя Наташа, слово в слово. Учительница написала в дневнике: «Мать срочно в школу».

После этого похода матери в школу и скандала по телефону тетя Наташа пропала. Не звонила, не приезжала. В этом Вета тоже винила себя. Хотя инициатива была Ольгина. Ольга, прекратив общение дочери с теткой, решила убить двух зайцев – наказать Вету и дать понять Наташе, что на ней свет клином не сошелся. Вете же Ольга объяснила:

– Тетя Наташа ничего хорошего дать тебе не может.

А потом все опять сложилось – Вета уже подросла, Ольга хотела побыть «свободной женщиной» и подумать наконец о личной жизни. У Наташи на племянницу были свои виды, о которых она предпочитала не распространяться. С Ветой Петя отпускал жену в поездки, без Веты – нет. Наташе же хотелось уехать – куда угодно, лишь бы не видеть Петю.

Наташа для начала решила поехать в Карпаты. Во-первых, далеко. Во-вторых, Наташа никогда там не была, в-третьих, там жила ее одноклассница, вышедшая замуж за украинца.

Вета, вернувшись домой, сказала матери, что все было хорошо. Потому что, если бы она рассказала, что именно было хорошего, мать бы никогда ее больше с тетей Наташей непустила.

Поселились они в доме Наташиной подруги. Самую большую комнату занимали два стола, поставленные встык. Столы были всегда накрыты, и за ними все время кто-то сидел.

– Деточка, иди кушать, – позвала Вету мать Наташиной одноклассницы – высокая крупная женщина – на следующее утро после приезда.

Вета послушно села за стол. Женщина поставила перед ней тарелку борща.

– На здоровье, – сказала она.

Вета не привыкла есть борщ с утра. Намочила ложку и отставила тарелку.

– Чё, не вкусно? – удивилась женщина.

– Нет, вкусно, только я не могу сейчас. Я попозже ем, можно? – спросила Вета.

– А что ты хочешь? Давай я сготовлю быстренько? – суежилась женщина.

– Я яйцо могу съесть, – сказала Вета, вспомнив классический завтрак матери – яйцо всмятку.

– Да сейчас. – Женщина убежала на кухню.

Через десять минут женщина поставила перед Ветой тарелку, на которой лежало штук шесть яиц, сваренных вкрутую.

Пока Вета давилась яйцом, встал муж одноклассницы Наташи, сел за стол и съел тарелку борща, запив водкой. Съел и опять пошел спать.

Тетю Наташу Вета видела редко. Та приходила только ночевать. Вета видела, как после первого же застолья она ушла с каким-то мужчиной – другом мужа одноклассницы. Вета была предоставлена сама себе.

Правда, в один из дней тетя Наташа взяла ее с собой – погулять по городу. С ними был и тети-Наташин мужчина. Они зашли в магазин – тете Наташе нужны были колготки. Вета никогда таких не видела – черные, с узором, в красивой упаковке. Наташа взяла себе сразу десять штук. Ее мужчина пошел в кассу.

– Какие красивые, – сказала Вета.

– Еще десять отбей, – велела Наташа своему мужчине.

Так Вета стала обладательницей новых взрослых настоящих колготок.

– Только матери все не отдавай. Себе оставь. Привыкай к хорошему, – велела тетя Наташа. Вета и не собиралась делиться с матерью своим сокровищем и уже думала, как их уложить в сумку незаметнее.

Вечером того же дня они большой компанией пошли в ресторан. Мужчина тети Наташи разливал вино и налил в бокал Веты. Тетя Наташа общалась с одноклассницей и не обратила внимания, что пьет племянница. Вета впервые в жизни пила вино. Ей было невкусно, но хотелось быть взрослой. В середине застолья она сползла со стула и заснула под столом. Проснулась от холода и толчков. Ее тряс за плечо официант.

Компания тети Наташи давно разошлась – про Вету забыли. Белые скатерти на столах были длинные, почти до пола, – ее и не заметили. Официант говорил по-украински. Вета не понимала. Да даже если бы и понимала? Она не знала ни улицы, на которой жила одноклассница тети Наташи, ни номера дома. Слава богу, в ресторан ворвалась тетя Наташа. Схватила Вету за руку, сунула официанту деньги и потащила племянницу к выходу.

Вета знала, что тетя Наташа изменяет мужу. Но никогда ничего не говорила дяде Пете. Даже соврала ему один раз. Они тогда вернулись из очередной поездки – ездили в пансионат в Сочи.

В Москве их встречал дядя Петя. Сначала довели домой Вету. Дядя Петя вышел из машины помочь донести сумку. В подъезде он остановился и спросил:

– Вета, скажи мне, только честно, мне важно это знать, у Наташи кто-нибудь есть?

– Нет, – ответила Вета.

Соврала. Она боялась, что дядя Петя начнет допытываться и она не сможет соврать убедительно. Но дядя Петя кивнул и больше никогда ни о чем ее не спрашивал.

В Сочи тетя Наташа бегала на массаж. Вета, как всегда, могла делать что хотела – тетка ее ни в чем не ограничивала и не спрашивала, как и с кем племянница проводит время. Вета бегала по вечерам на дискотеку, участвовала в празднике Нептуна, уходила с друзьями гулять по городу. В один из вечеров Вета вернулась с дискотеки и не смогла попасть в номер – дверь была закрыта. Вета пошла искать Наташу по пансионату. Тетки нигде не было. Вета шла назад в номер, надеясь, что Наташа уже вернулась. Она проходила мимо медицинского корпуса, где горело только одно окно на первом этаже – в массажном кабинете, Вета подошла к окну. В кабинете она увидела тетку с массажистом. Вета замерла на секунду, а потом побежала. Бежала быстро, как могла. Бежала и плакала. Плакала и не понимала, почему плачет. Вета заснула на диване в вестибюле их корпуса. Тетя Наташа ее разбудила и отвела в номер. Вета шла сонная. Слышала только, что Наташа просит у нее прощения.

Массажиста звали Гарик. От Игоря. Вета его рассматривала, когда тетя Наташа потащила ее в гости к соседям – все сидели на балконе в шезлонгах, пили вино, ели орешки, разговаривали. Рядом с Ветой сидела девушка. Вета старалась на нее не смотреть – неудобно. У девушки был длинный нос. Ее мама бурно обсуждала тему пластических операций. Девушка сидела, уткнувшись носом в грудь.

Гарик играл на гитаре и пел. Все говорили, что он отлично поет, но Вете не нравилось – ей казалось, что у Гарика заложен нос и он не может отсморгаться. Гарик, прежде чем начать петь, всем сообщил, что у него большие аденоиды и что он похож на Малевича. В смысле ему так все говорят.

– А у Малевича тоже аденоиды? – спросила Вета.

– При чем тут аденоиды? – обиделся Гарик. Вету еще пугало то, что у Гарика на одной руке были длинные ногти. Как у женщины. Вета смотрела то на нос девушки, то на руку Гарика. Она даже спросила: зачем ему такие ногти? Гарик сказал, что так удобнее перебирать струны. Отыграв и отпев, он засовывал медиатор в рот и начинал его пожевывать. Вета не понимала, как тете Наташе может нравиться гнусавый мужчина с медиатором во рту?

Для Наташи роман закончился в день отъезда. Только Гарик этого не знал и чувствовал себя виноватым. Он вернулся в Москву и стал названивать Наташе. Точнее, звонил он Ольге с Ветой, потому что Наташа дала ему их номер телефона, не выдумав другой. Он звонил, и, если к телефону подходила Ольга, просил позвать Наташу. Ольга отвечала, что ошиблись номером. Странные звонки с сестрой она не связывала. Как-то к телефону подошла Вета. Она узнала Гарика по аденоидам.

– Наташа здесь не живет, – сказала она.

– А ты ее племянница? – спросил Гарик. – Света?

– Да, только я Вета.

– Вета, ты меня помнишь? Давай с тобой встретимся? Это очень важно. Я тебе передам кое-что для твоей тети. Хорошо?

Они договорились встретиться около метро. Вета не хотела идти, но ей было интересно, что передаст для тетки Гарик.

Они стояли около телефонов-автоматов. Мимо шли люди.

– Нашли где встать, – сказала тетка, толкнув Вету сумкой.

– Давай зайдем, – сказал Гарик и пошел в вестибюль. Гарик начал говорить, а Вета рассматривала афиши, которыми была обклеена театральная касса, рядом с которой они стояли. Вета думала, что он отдаст ей пакет или что-то там для тети Наташи, и все. Но Гарик хотел объясниться. Ей было неудобно слушать. Неудобно за Гарика. Даже стыдно. И страшно. Страшно потому, что она не должна была это слушать – она ведь еще маленькая. Еще она боялась, что их разговор услышит женщина, покупавшая билеты на концерт звезд эстрады.

У Гарика была семья – жена и дочка. Он не хотел их бросать, потому что они были его семьей.

– Вот смотри. – Он открыл кошелек и показал Вете фотографию женщины – три на четыре, на документы. Вета дернулась – у Гарика не только ногти были как у женщины, он еще и фото в кошельке носил, как баба. Женщина Вете тоже не понравилась – лицо напряженное. Хотя у всех на паспортных фото лица напряженные.

– Угу, – промычала Вета.

– А это дочка. – Гарик вытащил фотографию жены, под которой оказалась дочка. Дочка – копия Гарика. Те же глаза навывкат и высокий лоб. Слишком высокий для девочки, с зализом. Говорят, «бычок лизнул». – У дочки только с глазками проблема. Зрение плохое. Слезный канал протыкали, – продолжал рассказ Гарик.

Вета, наверное, должна была пожалеть эту несчастную девочку с плохим зрением и зализом. Но Вета считает, что жалеть других – глупость. Ее ведь никто не жалеет...

– А вот это... – Гарик полез в пакет и вытащил сверток – трусы. – Жене купил. Красивые? – Он сунул в руки Веты пластиковый сверток с трусами. – Наташе понравятся, как ты думаешь?

– Не понравятся, – ответила Вета.

– Ладно, тогда жене, – решил Гарик. – Знаешь, она у меня хорошая. Я не могу ее бросить. Она меня понимает. Я ее любил, очень. Сначала.

Тут до Веты начало доходить – Гарик решил, что Наташа его любит и хочет, чтобы он бросил жену. Вета хмыкнула.

– А с чего вы взяли, что тетя Наташа вас любит? – спросила Вета.

– Она сама мне говорила, – просто ответил Гарик.

– И что жить с вами хочет, тоже говорила? – намекала Вета.

– Нет, вроде не говорила. Но если любишь, то хочешь жить вместе. Я тоже хочу быть с ней, но не могу. Вот, передай ей, пожалуйста. Она все поймет. – Гарик сунул в руку Веты аудиокассету.

– Что это? – зачем-то спросила Вета.

– Песни. Я записывал в туалете. Там акустика лучше. Несколько дней. Когда дома никого не было.

– Хорошо, – сказала Вета, – передам.

Гарик все говорил и сыпал именами, как будто Вета должна знать, о ком идет речь.

Вета пошла домой, оборвав увлеченного рассказом Гарика на полуслове.

Дома она не удержалась и послушала кассету. Пение Гарика ей не понравилось. Он терзал свои больные аденоиды, выхаркивая из горла звуки.

Лучше бы он не говорил, что пел в туалете. Вета его так и представляла – на толчке, с гитарой. В какой-то момент ей послышался звук смываемой воды.

Тетя Наташа, с точки зрения Веты, всегда подбирала себе странных любовников. Вете они казались в сто раз хуже дяди Пети. Но тетя Наташа, видимо, считала иначе и знала про них то, чего не знала Вета.

Как-то тетя Наташа решила ехать худеть. В клизматорий, как она его называла, в Кисловодск. Там за Наташей стал ухаживать сердечник Ленечка. Это уменьшительно-ласкательное имя ему очень шло. Он был именно Ленечка. Не солидный Леонид, не нагловатый Ленчик, а именно болезненный Ленечка. Ленечка был тридцатилетним мужчиной с фигурой четырнадцатилетнего мальчика. Он привык жить по велению больного сердца – сидеть на диете, не нервничать, не перевозбуждаться. Ленечка никогда и не влюблялся – сильные эмоции и безудержный секс ему тоже были противопоказаны. Он и подумать не мог, что сердце захочет эту взбалмошную замужнюю женщину, приехавшую с племянницей.

И Ленечка впервые в жизни начал получать удовольствие. Шел за Наташей в местный ресторан – Наташа днем усиленно худела на клизмах, а по вечерам «отрывалась» – и вместе с ней ел люля-кебаб. Вместо воды из источника пил коньяк. Ложился спать под утро, потому что все равно не мог уснуть.

Наташа его всерьез не воспринимала. Гладила по голове с материнским участием, поправляла рубашку на худых мальчишеских плечиках. Ленечка воспринимал эти жесты за авансы. Прислушивался

к сердцу – колотится, пульс учащенный.

Последним нарушенным противопоказанием для Ленечки стал пьяный безудержный секс с Наташей. Наутро переполненное эмоциями сердце Ленечки отказало. Наташа об этом узнала к обеду, когда проснулась. Вета, вставшая рано и узнавшая все от дежурной администраторши, хотела разбудить тетку, но не рискнула. Она знала, что, если тетя Наташа недоспит, будет ходить злая целый день и очнется только к вечеру.

- Где он? – спросила тетя Наташа у Веты, когда та преподнесла новость.
- Его увезли в больницу. Но он жив.
- Поехали, – велела тетя Наташа. Они поехали в больницу.
- Вы кто ему? – спросила тетю Наташу медсестра.
- Жена, – ответила Наташа, потому что знала, что пустят только родственников.
- А это кто? – спросила медсестра, показывая на Вету.
- Дочь, – ответила тетя Наташа.
- К вам жена с дочкой пришли, – доложила Ленечке медсестра.

Поговорить Наташе с Ленечкой так и не удалось. После сообщения о том, что у него есть жена и дочь и они пришли в больницу, Ленечке опять поплохело. Медсестра выбежала из палаты за врачом.

- Н-да, – только и сказала Наташа. – Пойдем.

Из Кисловодска они уехали на следующий день. Правда, Наташа заставила Вету позвонить в больницу узнать, как там Ленечка. Сама она звонить боялась – а вдруг умер? Вете сказали, что состояние стабильное.

А однажды Вета всерьез испугалась за здоровье тети Наташи. Тетя Наташа осталась у них ночевать. Матери не было. На кухне висели часы с кукушкой. Каждый час открывалась дверца и кукушка куковала. Вета проснулась от шума на кухне. Она встала и пошла посмотреть, что происходит. На кухне Вета увидела тетю Наташу в халате поверх ночнушки с большими портняжными ножницами в руках. Наташа стояла рядом с часами и примеривалась. Когда кукушка выскакивала из дверцы, тетя Наташа клала ножницами, стараясь захватить клюв.

- Теть Наташ, что ты делаешь? – спросила Вета.
- Хочу, чтобы она заткнулась. – Тетя Наташа опять кланула ножницами и промахнулась.

Вета подошла к часам и остановила маятник. Кукушка застыла, не успев скрыться за дверкой.

- Пойдем спать, – сказала Вета тете Наташе. И, уже выходя из кухни, увидела на столе пустую коньячную бутылку.

Тете Наташе взбрело в голову поехать на природу, непременно на речку, непременно с быстрым течением. Вета тогда решила, что эта поездка будет последней. Они поселились в деревне у местной жительницы. Днем ходили на речку – было здорово лежать на воде, когда река сама несет тебя вниз. Правда, для этого нужно было далеко уходить вверх по течению. Наташа быстро перезнакомилась со старожилами. С ними же, оставив Вету на попечение хозяйки, пошла вечером жечь костер и купаться. В деревню тетя Наташа вернулась вечером следующего дня.

Оказалось, что тетя Наташа, пока пила водку, была еще ничего. А когда дело дошло до местного самогона, ее «повело». Чтобы прийти в себя, Наташа пошла окунуться. Течением ее унесло вниз по реке. Она, конечно, испугалась и усиленно загребала влево, стараясь добраться до берега. Неизвестно, что было бы с Наташей, если бы она вдруг не наткнулась ногами на твердое. Пусть глинистое, но все же дно. Мелководье. Наташа выползла на берег и через заросли крапивы и дикого кустарника пошла на свет – к деревне. В чем-то Ольга была права – Наташе везло. Повезло и тут – с мелководьем, с деревней.

Наташа постучалась в первый попавшийся дом. Дом принадлежал чекисту в отставке. Чекист многое повидал и думал, что удивить его уже ничего не может – мышцы лица давно атрофировались, отвыкли выражать удивление, испуг, радость... Но, увидев на пороге обнаженную молодую женщину, чекист не выдержал. Лицо исказилось всеми эмоциями поочередно. Он, позабыв профессиональные навыки, не стал спрашивать у женщины, кто она, как здесь оказалась. Дал ей одеяло и налил водки. Наташа выпила в один глоток и долго блевала на куст жасмина, посаженный под окнами покойной женой бывшего чекиста. Он выдал госте свои штаны и рубашку, сначала предложив халат жены, покойницы, но Наташа от халата отказалась. Он отвез ее утром назад, в соседнюю деревню, на своих старых, но верных «Жигулях». В деревне хозяйка уже бегала по домам, тормошила вчерашних Наташиных собутыльников и спрашивала, куда они дели Наташу. Собутыльники помнили все до момента перехода с водки на самогон. После у всех случился провал в памяти.

Тетя Наташа всегда могла найти выход из положения. И не мирилась с обстоятельствами. Поэтому Вета сначала спрашивала маму: «Что делать?» А потом уточняла у тетки. Мать пожимала плечами – что тут сделаешь? А тетя Наташа знала, что нужно делать.

Вета училась в седьмом классе, когда в их школе начали готовиться к вечеру с американцами. В школе был клуб интернациональной дружбы, который и устраивал вечер. Из Ветиного класса в клуб входили Людка Иванова и Маринка Филиппова. Вета даже иногда задумывалась: кто больше ей не нравится – Людка или Маринка? Людка – флегматичная девица с косой до попы – танцевала в районном ансамбле «Искорка». На выступления «Искорки» в местном ДК их заставляли ходить всем классом. Людка в красном сарафане и кокошнике, третья слева, была хороша. Людка на Людку не откликалась принципиально. Маринка, которая ходила в Людкиных подружках, называла ее так, как Людке нравилось, – Мила. Милой Людку должны были называть все, кто претендовал на Людкину дружбу. От Ветиной Люськи – Вета специально ее доводила – Люда-Мила вскидывалась.

Людку взяли в КИД за танцы – на вечере она должна была танцевать «Цыганочку». Людка нервничала. Она могла танцевать только гопак или «Березку», только в кокошнике и только заученными движениями – вправо, влево, пятка, носок и только третьей слева. В этом Вета была на Людку похожа. Вета заканчивала музыкальную школу и выученные произведения играла сносно. Но подбирать, импровизировать ей было не дано. Вета давно для себя раскрыла магию сцены – когда двадцать Людок в кокошниках семят вправо, получается красивый танец. Или когда Вета в концертном платье играет ансамбль – звучит музыка.

Косу Людка перебрасывала тоже заученными движениями – на левое плечо, на правое. К тому же она немного косила – Вета считала, что из-за косы, которую Людка созерцала у доски, не в силах решить пример по алгебре.

Маринку же взяли в КИД из-за папы. Папа Маринки был конькобежцем. И ездил за границу. Чаще всего в Финляндию. Из-за границы Маринкин папа привозил спортивные костюмы, ластики, пеналы на магнитах. Финские конфеты с ликером, постельное белье, духи – для преподавательниц и завуча. Почему-то считалось, что Маринка знает английский. Папа ведь ездит за границу. Правда, у Маринки был «коронный номер» – топик «Май фэмили», естественно, про папу. Но англичанка, объевшись конфет с ликером, отказывалась верить в то, что Мариночка английский не знает и знать не хочет. Спрашивала ее неправильные глаголы и согласование времен. Маринка мычала что-то нечленораздельное. «Ладно, давай топик», – прекращала мучения англичанка, косясь на новенькую коробочку духов «Клима» на своем столе – презент от папы. Маринка отбарабанивала топик и получала «четыре».

Из-за папы-спортсмена Маринка считалась тоже девочкой спортивной. Только всегда не в форме. С физруком папа договаривался финской водкой. Физрук, когда Маринка прыгала через козла, отворачивался. Маринка, колыхнув в полете своими семьюдесятью кило, усаживалась на козла и медленно сползала на мат. Физрук ставил «зачет».

На сдаче норм ГТО по бегу на шестьдесят метров Маринке всегда случайно недоставало пары-девочки. И бежала Маринка с астматиком Гошей. Гоша задышался на дорожке, Маринка обильно потела. Они приходили одновременно. Гоша после забега шел в медпункт, где медсестра его реанимировала. Маринка шла в школьный буфет за шоколадкой – восстановить сожженные калории.

Маринкиному папе нужно отдать должное. Он приучал девочку к спорту. Ее отдали на художественную гимнастику, и не куда-то, а в ЦСКА. Маринка, в гимнастическом купальнике, с резиновым пояском на уровне отсутствующей талии, научилась красиво выходить на ковер, выбрасывая ногу и размахивая руками.

На тренировки ее возила бабушка. Пока ехали, бабушка Маринку кормила. Папа ругался – за час кормить было не велено. «Да дите ниче не съело, – оправдывалась бабушка, – пять колясиков салямки и печенку». Папа понимал, что Маринка слопала полбатона колбасы салями и пачку печенья. Ну а после тренировки бабушка считала, что ребенка грех не покормить. И прямо в раздевалке разворачивала курицу, завернутую в фольгу, и бутерброды с сыром. Папа ругался. Бабушка отпиралась: «Да что там та ножка? Это же не курочка, а цыпленок. И мяса-то нет. Одни кости. А сырок я тоненько порезала». Сырок, может, и был порезан тоненько, но хлеб бабушка мазала маслом щедро. Ломтями. Через два месяца папе мягко сказали, что у девочки «тяжеловата попа» и она неперспективна.

Маринкин папа отвел дочку в бассейн – на синхронное плавание. В бассейне она пошла ко дну и потащила за собой еще одну девочку. Маринке хоть бы хны, отплевалась и пошла, а девочку еле откачали. Еще Маринка имела привычку писать в бассейн. Ничего не могла с собой поделат. Ей и говорили, и предупреждали, и ругали, а она все равно писала. Еще удивлялась, как тренерша замечает? Маринке и в голову не приходило, что там и замечать-то было нечего – она приклеивалась к бортику и застывала с напряженным лицом, разведя под водой ноги. В общем, синхронистки из нее не получилось.

От Маринки пострадала и Вета. Девочек на физре разделили на две команды и поставили играть в баскетбол. Вета оказалась в разных с Маринкой командах. Маринка не могла забросить мяч в корзину, зато хорошо стояла в обороне. «Пройти» ее было нереально. Она раздвигала ноги и руки и всей своей массой «давила» противника. Вета, метко попадавшая в корзину, решила Маринку «пройти». Кончилось все тем, что она оказалась зажатой в узком проеме между стеной и гимнастической скамейкой. Сверху

на ней лежала Маринка, застрявшая в скамейке ногой. Вета лежала и думала, что сейчас задохнется. От Маринки кисло пахло потом. К тому моменту, когда физрук выкорчевал ногу орущей Маринки из скамейки, Вета уже попрощалась с жизнью. Вся правая сторона тела – от плеча до колени – ныла, а на следующий день стала сине-желтого цвета.

На следующем уроке физрук опять разделил девочек на команды и велел играть в волейбол – от греха подальше. Опять же на всякий случай Маринку с Ветой поставил в одну команду. Вета плохо помнила, что случилось. Помнила, что Маринка отбивала мяч, сложив руки замком. Мяч отлетел прямо в Вету. Щека вспыхнула, голова загудела.

Вета считала себя отмищенной после следующего урока. Физрук периодически мучился с похмелья и разминку давал провести кому-нибудь из девочек или мальчиков. К тому же девочки каждый раз устраивали коллективное нытье – отказывались бегать по кругу, с ускорением, с захлестом назад, делать «тачки».

«Вот если бы была аэробика», – тянули девочки. Физрук сдался. Предупредил заранее, что на следующем уроке будет аэробика. Поставил на проигрывателе пластинку Боярского – про коня с зеленым глазом, тигров, которые у ног встали. Проводить разминку назначил Маринку – во-первых, из-за папы-спортсмена, во-вторых, он слышал, как Маринка хвасталась девочкам, что дома у нее есть специальная видеокассета с аэробикой. Американская. Папа привез.

Маринка подготовилась к уроку как могла. Надела привезенный папой модный гимнастический костюм – девочки онемели прямо в раздевалке. Сначала нужно было надеть лосины ярко-розового цвета. А уже сверху, на лосины, купальник с длинными рукавами и узкой полоской ткани между ягодицами. А еще у Маринки были ярко-красные гетры до колена. На руке – напульсник, на голове – махровая повязка. Маринка, обтянув телеса лайкрой, первой вышла из раздевалки. Девочки потянулись следом. Людка жевала конец своей косы. Она всегда начинала жевать косу, когда нервничала или страдала. Вете хотелось плакать. В общем, у всех настроение было испорчено. Даже перспектива аэробики больше не радовала – как можно заниматься аэробикой не в костюме? Маринкин пафос и общее напряжение сбил десятиклассник Игорь Абрамов, выходявший из спортзала. «Оба-на, телка в жопорезах», – сказал он, уставившись на Маринку.

Когда Вета уже выросла, слово «жопорезы» в применении к трусам вошло в обиход, до того как эти же трусы стали называться элегантным «танга». Но копирайт на название, в этом Вета была убеждена, принадлежал Игорю Абрамову.

Так вот физрук построил всех в спортзале, завел Боярского и ушел в тренерскую. Маринка начала крутить бедрами и приседать, как делали девушки на кассете. Мальчишки заржали. Маринка делала вид, что ничего не происходит. Девчонки тоже ничего не делали, а только смотрели на Маринку, плюхнувшуюся на пол для махов ногами. Все стояли и смотрели, как Маринка задирает ноги. Только Людка пыталась повторять, а потом решила не отрываться от коллектива. Маринка забежала в тренерскую в слезах. Физрук выключил Боярского и построил всех на «тачки». Маринка зарыдала пуще прежнего. Но физрук не знал, что «тачки» – единственное упражнение, где Маринкины семейные связи с финскими презентами не работали. В пару к ней становиться никто не хотел – ни за карандаш с ластиком на конце, ни за конфеты с ликером, которые Маринка потаскивала у отца.

Тащить за ноги толстенную Маринку, которая вяло перебирала руками, зато изо всех сил вихляла попой и дрыгалась, – это хуже кросса на три километра.

Так вот на вечер с американцами Людка должна была танцевать, а Маринка – общаться и блистать топиками. К встрече с гостями готовились заранее: Людка в актовом зале с музычкой репетировала «Цыганочку», Маринка с англичанкой учила топики – «Май флэт», «Май скул», «Май кантри». Их даже снимали с уроков. Людкина мама отвечала за сладкое – обещала напечь домашние эклеры, Маринкин папа – за выпивку для учителей.

Вета очень хотела попасть на вечер, но не знала как. Она даже позвонила тете Наташе и пожаловалась.

– Подожди форс-мажора, – посоветовала тетя Наташа.

– А что это такое? – спросила Вета.

– Обязательно что-нибудь случится. Так всегда бывает. В последний момент. Но главное, не упустить шанс.

Вета стала ждать. Тете Наташе она верила. И форс-мажор случился. Музыка – молоденькая девушка, только после училища – Елена Ивановна была застукана с учеником десятого класса Игорем Абрамовым прямо на рабочем месте – на школьном пианино «Слава». Трахались они с особым цинизмом – под заведенные на проигрывателе «Времена года» Чайковского, конкретно – произведение «Святки».

Елену Ивановну обещали «разобрать» на педсовете. Ее участие в вечере интернациональной дружбы поставили под вопрос. Срочно искали замену. К тому же выяснилось, что американская девочка

из числа гостей собирается выступить с музыкальным номером. Поэтому срочно нужна была не учительница, а тоже ученица, которая слабаёт что-нибудь на фоне. Завуч знала, что мама Веты – учительница музыки, дома стоит инструмент, значит, и Вета должна играть. Вета играла, но в школе свою музыкалку не афишировала – музыку она всей душой ненавидела.

Вета всегда, еще с детства, занималась музыкой из-под палки – мама заставляла ее делать пальчиками «молоточки» и держать кисть «яблочком». Требовала, чтобы рука была «красивой». У Веты «красивая» рука не получалась – мать называла руку «куриной лапой». Могла ударить нотами по голове. Ровно через сорок минут занятий по батареям начинали стучать соседи сверху и снизу. Звукоизоляцию можно было сделать просто – поставить пианино на войлочные подкладки, но Ольга не делала этого из принципиальных соображений. Она говорила, что звук нужно чувствовать. Вета же считала, что мать делает это назло. Соседи начинали стучать, мать хватала стоящую наготове рядом с батареей железную гантелю – откуда она появилась, одна, двухкилограммовая, в их квартире, одному Богу было известно – и стучала в ответ. Если номер с гантелями не проходил, мать брала швабру и стучала в потолок.

Но самым ужасным были совместные занятия, когда мать подставляла к инструменту стул и отбивала такт. Этот момент помнила не только Вета, но и все ученики Ольги Михайловны. Ольга носила на среднем пальце огромный продолговатый перстень с опалом, еще материнский. Этим перстнем, перевернутым опалом на тыльную сторону, Ольга и отбивала такт. Перстень стучал гулко – тум-тум-тум. Этим же перстнем Ольга, когда Вета или кто-то из учеников сбивался с такта, била по рукам. Или могла выбросить ноты за дверь. Если сборник был старый, ноты разлетались по швам, ученица ползала по полу, собирая листы. Ольга стояла и смотрела. Ольга мстила за свои годы – долгие, мучительные и не принесшие ничего, даже достойного заработка годы обучения.

Вета мечтала окончить музыкалку и с чувством грохнуть крышкой инструмента.

– «Цыганочку»-то сможешь сыграть? – спросила Вету тетя Наташа, когда та рассказала ей про случившийся форс-мажор – секс музычки с учеником.

– Не знаю, могу, конечно. Но у Люськи длинный танец. Нужно с вариациями. А я не умею... – промямлила Вета. Когда речь заходила о музыке, Вета всегда начинала мямлить. Из-за матери.

Вета хоть и училась у другого преподавателя, на экзаменах всегда сталкивалась с мамой. Мама запретила ей в школе называть себя мамой и требовала, чтобы Вета обращалась к ней, как все: «Ольга Михайловна». Особенно тяжело было на экзамене по теории – на знание музыкальных терминов и биографий композиторов. Вету спрашивали, она невольно косилась на мать, хотя знала ответ. Учила. Мать сидела у окна и никогда на нее не смотрела. Смотрела в окно. Вета от этого забывала правильный ответ и начинала мямлить. Ольга отрывалась от созерцания пейзажа за окном и с укором смотрела на Вету. Та забывала все на свете.

Специальность она тоже всегда заваливала, если на экзамене присутствовала мать. Получала «три с плюсом» по личному настоянию матери. Хотя, если ее не было, получала «четыре». Мать могла сказать, что она «не почувствовала руки Баха» или «сыграно без души».

– Могу сыграть сонату Моцарта, – промямлила Вета.

– О господи, – простонала в трубку тетя Наташа. – Ладно, сейчас приеду.

Для Веты было откровением, что тетя Наташа умеет играть на пианино. Лучшие мамы. Мама играла, как было написано, а тетя Наташа – как хотела: импровизировала, подбирала. В музыке она передавала эмоции – шутила, смеялась, кокетничала. Могла сфальшивить, но искренне. Исполнение Ольги – чистое, внимательное – было лишено внутренностей.

Тетя Наташа за полчаса научила Вету играть «Цыганочку» с вариациями.

– Не бойся, делай, что хочешь, только не бойся, бери харизмой, – сказала тетя Наташа.

Вета не знала, что такое харизма. Но тете Наташе, как всегда, поверила слепо и безоглядно. Тетка играла то, что в их квартире никогда не звучало. И через положенные сорок минут никто не начал долбить по батареям. Тетя Наташа играла джаз, импровизации на старые советские песни, романсы. Наташа, как узнала Вета, еще и пела. Ее тихий, несильный голос становился сексуальным и зовущим. В этом Вета убедилась. В дверь позвонили – сосед сверху пришел посмотреть, кто играет и поет. Наташа пригласила его в комнату и начала с ним кокетничать. Даже предложила подыграть – показала клавиши, на которые нужно нажимать. Играли детскую песенку «Василек», из которой Наташа на ходу слепила шедевр. Сосед, от усердия закусив губу, долбил по клавишам одним пальцем. Не попадал в такт, но Наташа подстраивалась. Сосед сидел с восторженной идиотской улыбкой. Как ребенок, не выговаривающий букву «эр», вдруг зарывавший на слове «здравствуйте» и здоровающийся со всеми прохожими в ожидании похвалы и от ощущения собственных возможностей. От усердия сосед даже напевал: «Василек, василек, мой любимый цветок». «Вы талантливый, вы все можете, у вас есть слух, вы не мужчина, а мечта, ваша жена – счастливая женщина», – подбадривала соседа Наташа. Тот от свалившихся на него комплиментов стал смущаться – собственного обнаженного волосатого торса, грязных трусиков, дурного запаха изо рта.

Ольга пришла, когда Наташа уже уехала, и про визит соседа не знала. Вета ей не сказала, побоялась. Но вечером у соседа была бурная, хорошо слышимая личная жизнь с женой. Ольга с остервенением тарабанила по батарее гантелей.

Вета пришла в школу и сказала, что может сыграть и сонату Моцарта, и «Цыганочку». Вету посадили за инструмент и попросили исполнить. Вета сыграла чисто.

– Твоя мама может что-нибудь приготовить? – спросила завуч. Она все еще не могла поверить в то, что проблема так быстро решилась.

– Да, салаты, – ответила Вета, глядя в глаза завуча.

Этому ее тоже научила тетя Наташа. Врать, глядя в глаза. А потом думать, что делать дальше.

Ольга не умела готовить. Вообще. Она записывала рецепты, долго и мучительно возилась на кухне, а есть было невозможно. Она даже оmlет умудрялась испортить – или пересаливала, или пережаривала. Спасали готовые обеды в упаковках из магазина – котлета с гречкой, курица с рисом, сухая смесь для оладий, которую оставалось развести водой.

– Теть Наташ, – Вета позвонила тетке, – нужны салаты.

– Не вопрос, – ответила тетя Наташа.

Салаты Наташа заказала в ресторане «Прага». Американцы не слышали, как Вета сфальшивила в сонате Моцарта, они пережевывали винегрет.

Вете устроили овацию. Благо Маринкин отец водки не пожалел.

* * *

Когда тяжело заболела Ветина бабушка, сама Вета лежала в больнице с пневмонией. Ольга принимала экзамены в музыкальной школе. За матерью ухаживала – колола внутримышечно, мыла, кормила – Наташа. Она сама предложила такой вариант сестре – Ольга разрывалась между Ветой в больнице и учениками в музыкалке. Да и мать звала именно Наташу. Ольга взбрыкнула:

– Я что, тоже не могу к ней приехать?

– Можешь, конечно, – согласилась Наташа, – только когда?

– Сейчас специальность приму и тоже буду ездить. Можем по очереди, – предложила Ольга. Хотя как? И Ветку не оставишь. Головой она понимала, что Наташе проще быть при матери, но в душе было обидно. Почему мать к Наташе обратилась за помощью, а не к ней?

– Послушай, занимайся спокойно Веткой и делами. От меня все равно больше толку. Я уколы умею делать. А маме два раза в день надо колоть.

– На собаке натренировалась? – не удержалась Ольга. – Только тебе быстро надоело медсестру из себя изображать. И кстати, как же без тебя твой Юрик-дурик?

Наташа бросила трубку.

* * *

Юрик-дурик был Петиним персональным водителем и Наташиным любовником. Дуриком его окрестил Петя – за нерадивость в выборе маршрутов проезда по городу. С его подачи Юрика так называли все – и Наташа, которую Юрик возил на рынок и по магазинам, и Ольга, которая знала о Юрике со слов сестры. Петя говорил «дурик» с раздражительной интонацией. Наташа, переспав с Юриком на заднем сиденье машины, втиснутой между двумя ракушками прямо под окнами дома, – ласково. Ольга выплевывала «дурик» зло, с завистью.

Юрик, казалось, был неплохим парнем. В меру простоватым, нагловатым, хитроватым. Но край знал. «Бомбил» аккуратно, успевая вовремя вернуться за начальником. Служебную машину использовал в личных целях тоже с умом – не часто.

Наташу Юрик не клеил – соблюдал профессиональную этику, все-таки жена шефа. Но когда она сама стала расстегивать ему ширинку – не сопротивлялся. Что он, дурак, что ли, такую бабу отталкивать? Оттолкнешь, а она мужу нажалуется, что шофер плохо ее довез, или еще что-нибудь придумает. Так и работу потерять можно. А за работу Юрик держался. Начальник ему нравился – долго сидел в офисе, так что Юрик успевал прилично заработать с бордюра, показания бензина не списывал.

От Наташи, которую Юрик регулярно трахал между ракушками, ему тоже перепало. Шмотками. Наташа его одевала, как женщина одевает любовника. Дорого и часто. Покупала ему рубашки, брюки, трусы, носки. Юрик был не против – на хорошей машине в хорошей одежде было проще клеить баб, чем он и занимался в свободное от работы время.

Он искал женщину своей мечты – замужнюю, бездетную, без материальных проблем, с жилплощадью. Последний пункт был основным требованием – Юрику нужно было жилье. Он жил в

семье старшего брата. Жена брата, замученная маленьким сыном, мужем и деверем, которых нужно обстирать и накормить, каждый вечер собиралась Юрика гнать в шею. Да и сам Юрик, раздраженный криками племянника и вечно недовольным лицом невестки, хотел от брата, как он говорил, «валить». Юрик боялся, что брат, которому жена устраивала ежевечерние скандалы, не сегодня, так завтра уступит. Он уже и так не раз говорил, что Юрик на свою зарплату мог бы снять комнату.

Юрик воспринимал племянника и невестку как неизбежное зло. Издевался он над ними не специально. Само собой получалось.

У них в семье все имена сокращались на «ик» – Юрик, племянник – Ярик, брат – Славик. Многие вещи, значимые для детей, пониманию Юрика были недоступны. Ярику, например, непременно нужно было самому нажать кнопку лифта. Мальчик тянулся ручкой, вставал на носочки, пыхтел. И когда он уже вот-вот доставал пальчиком до заветной кнопки, Юрик нажимал сам. Он смотрел, как тянется племянник, и жал в последний момент. Ярик начинал орать от обиды. На площадку выскакивала невестка, успокаивала сына, они ждали, когда лифт закроется, чтобы снова нажать кнопку. Все повторялось. Едва Юрик видел, что племянник дотянулся, нажимал сам. Ярик ложился на грязный пол и бился головой в истерику.

Или другой пример. Ярик любил воздушные шарик. Много. Невестка, краснея и тужась, надувала шары. Ярику хотелось удержать сразу три – красный, синий и желтый. Когда букет из шаров был собран и невестка уходила на кухню переворачивать на сковородке котлету, к племяннику заглядывал Юрик и протыкал один шар. Ярик начинал орать. Прибегала невестка и надувала недостающий по цвету. Юрик протыкал шарик другого цвета. Ярик ложился на пол и бился головой. В его детскую даже палас пришлось перетаскивать из большой комнаты, чтобы Ярик не получил сотрясение мозга, долбясь об пол.

Юрик понимал, что его представления об идеальной женщине явно противоречат друг другу. Если избранница Юрика была замужем, то, соответственно, нигде было встречаться. Для многих брачное ложе было священным, а изменять они хотели на стороне – на чужой жилплощади. Если же попадалась незамужняя с квартирой, то в квартире оказывались дети, что влекло за собой материальные проблемы. Одиноким бездетным женщинам с квартирами Юрику тоже попадались, но все они хотели замуж и детей, чего Юрик совсем не хотел. Наташа почти дотягивала до женщины его мечты, если бы не отсутствие жилплощади. Выход, сама того не зная, подсказала невестка. Вечером она опять устроила скандал.

– Он шмотье меняет, а в дом даже пакет молока не принесет! – кричала на кухне невестка мужу. Брат Юрика, как всегда, молчал и хлебал остывший борщ. Юрик в комнате ломал машинку, которую племянник собрал из конструктора. – Почему я должна его обстирывать и кормить? У меня что, других дел нет?

– Не могу же я его на улицу выгнать? – сказал наконец брат. Он всегда так отвечал. Больше сказать было нечего.

– Пусть себе бабу найдет с квартирой.

– А то у него баб мало... Значит, не те бабы... Не складывается, значит...

– Ну да, он, наверное, любви ждет! Да ему нужна не абы какая, а чтобы и богатая, и с квартирой, и чтобы ему трусы покупала. Альфонс он. Видеть не могу его больше...

– Ну что ты опять взъерепенилась. Я поговорю с ним.

– Толку от твоих «поговорю». Пусть бы уж женился, прописался, а там и квартиру бы разделил.

– Что ты несешь?

– А что? С Юрика станется. И совесть не замучает... Только у него мозгов нет до такого додуматься.

Юрик доломал машинку и пошел в магазин, купил пакет молока, принес и демонстративно шмякнул на стол.

– Да подавись ты этим молоком! – заорала невестка.

– Слушай, ты это, начинай себе что-нибудь подыскивать, – попросил брат.

– Ладно-ладно, достали уже, – огрызнулся Юрик. Юрик знал, что у Наташи умирает мать – сам возил ее туда и назад. И в аптеку ездил за лекарствами. Знал и про то, что у Наташи есть сестра с дочкой, для которой квартиру разделили. Только не знал, что у них и дача есть – Наташа туда не ездила. А тут она его попросила привезти нотариуса – мать хочет завещание оставить. На свою квартиру и дачу в Подмоскowie.

– И как будете делить? – спросил Юрик любовницу в привычном месте, между ракушками.

– А что там делить? Пусть Ольга все забирает. И так без мужа, Ветка растет. Она ничего, кроме своей музыкалки, в жизни не видела. Квартира мне не нужна, дачу эту я терпеть не могу – там сарай на шести сотках стоит. Удобства во дворе. Правда, от Москвы близко. А Ольга всегда на дачу любила ездить – сажала там цветы всякие.

Тут Юрик и вспомнил про идею невестки. Не такой уж он и дурик. Оставалось уломать Наташу, чтобы та уговорила мать все отписать ей.

– Я тебя люблю, – выдавил Юрик после очередного секса с Наташей на пленэре.

– Чего? – Наташа застегивала лифчик.

– Я тебя люблю, – повторил Юрик уже легче. Сам удивился, что так легко соврал. Удивился и реакции Наташи.

Она неожиданно разрыдалась и бросилась ему на грудь. Рыдала долго. Юрик сидел и не знал, что делать, что сказать еще. Но Наташа сама за него все сказала. Что бросит мужа, они пожениются и будут жить счастливо. И тогда она сможет родить ребенка. «Оп-па, приплыли», – подумал Юрик. Наташа оказалась такой же, как все бабы. А он думал, что уж ей оно точно не надо. Наташа, не переставая рыдать, рассказала Юрику, что очень хочет, но не может родить ребенка – из-за Пети. И уже почти распрощалась с надеждой, а с Юриком все будет по-другому.

– Тогда это, – начал, волнуясь, Юрик, – ты бы уговорила мать все на тебя переписать. Нам же жить где-то надо будет. А у меня, ты знаешь, жилья своего нет.

– Петя мне полквартиры и так отдаст, – сказала Наташа.

– А если не отдаст?

– Отдаст как миленький. Он человек порядочный.

– Тебе, может, и отдаст. А как узнает, что ты ко мне уходишь, – кто его знает? А если до суда дойдет?

– Как-нибудь разберемся.

– Нет, с шефом так просто не разберешься. Ты ему это, пока ничего не говори. Вдруг ты передумаешь ко мне уходить, зачем себе-то жизнь ломать?

Юрик понимал, что проще разобраться с Наташей и ее матерью, чем с шефом. Шеф, если захочет, такие проблемы организует, мало не покажется. Юрик опять вспомнил невестку, как та каждый вечер по кусочку съедает печенье мужу, и решил действовать с Наташей так же.

Он вез любовницу к больной матери, а на обратном пути заводил один и тот же разговор – про несправедливость.

– Ольга так к матери и не приехала? – начинал он издалека.

– Нет, у нее дела, – отвечала Наташа.

– Такие дела, что поважнее родной матери?

– Ну не могу же я ее насильно привезти. А потом, я сама предложила, что буду ухаживать. У меня все равно никаких дел нет. А Ольга работает. И Ветка болеет.

– Если б хотела, время бы нашлось.

Юрик своего добился. Наташа убедила себя в том, что он прав. От Пети действительно можно всего ожидать. Да уж если и уходить, то громко хлопнув дверью. Не просить, не унижаться, не бегать по судам. Тогда, конечно, квартира нужна. А дачу можно продать и жить на эти деньги. Пока Юрик не найдет нормальную работу. На самом деле Наташа так устала, что готова была согласиться с чем угодно. Петя пропадал на работе, Ольга даже не звонила, а Юрик – рядом. Он ее любит и хочет, чтобы у них все было хорошо.

Юрик привез на дом нотариуса и завещание видел собственными глазами.

Ольга узнала о последней воле матери после похорон. Они с сестрой разбирали вещи. Петя уехал по делам. Юрик ждал внизу, в машине. Вета спала на диванчике.

– Как ты могла? – спросила сестру Ольга. Та плакала. – Отдай хоть деньги.

– Какие деньги? – спросила Наташа.

– Которые мать откладывала. На похороны.

– Не было никаких денег.

– Были.

– Не было. Я искала в Ленине.

– Так, значит, искала? Обшарила без меня всю квартиру?

– Что ты говоришь? Что я обшарила?

– Если взяла, так и скажи.

– Денег не было.

Ольга так и не поверила сестре. Считала, что Наташа прибрала к рукам старую сберкнижку с вложенными деньгами, хранившуюся в одном из томов сочинений Ленина, о которой мать все время говорила: «На свои похороны я собрала, чтобы от вас не зависеть. Мне ничего не надо. Сама себя похороню».

– Как ты можешь так? – Ольга начала плакать. – Обобрала, не моргнув глазом. У тебя же и так все есть.

Наташа начала говорить про Юрика – пыталась оправдаться. Но Ольга не слушала.

– Я этого так не оставляю. Тебе это с рук не сойдет, – сказала Ольга сестре. – Хватит, я долго терпела.

Только позже, после затяжных скандалов с сестрой, коротких бессмысленных телефонных

разговоров с Петей и нескольких затратных посещений юридической консультации, Ольга поняла, что воюет не с Наташей, а с Юриком-дуриком.

Сберкнижка с деньгами действительно была. Ее украл Юрик. В тот день, когда нотариуса привозил. Наташа ушла на кухню, а бабка сама его попросила достать деньги из Ленина и положить на тумбочку. Боялась забыть. Юрик достал, но положил себе в карман. И прогулял в неделю. Да и было-то там всего ничего. Больше разговоров.

Он соскочил после первого разговора с адвокатом. Собственно, адвокат, нанятый Ольгой, разговаривал с Наташей, а та, плача, пересказала все любовнику. Юрик уже устал от разговоров и бесконечных слез Наташи, которую мучили угрызения совести. Она говорила, что не должна была так поступать с сестрой, и Юрику приходилось ее разубеждать. Но перспектива судебного процесса его испугала по-настоящему. Во-первых, дело затягивалось, и неизвестно на какой срок. Он не ожидал от Ольги такой прыти. Думал, что Наташина сестра – ни рыба ни мясо. Но та оказалась настоящей стервой. Доложила начальнику о шашнях его жены с шофером. Петя, естественно, Юрика уволил в тот же день и посоветовал не показываться ему на глаза и оставить Наташу в покое. А Юрик знал, что шеф просто так ничего не советует.

Он сказал Наташе, что она не женщина его мечты и что все кончено.

* * *

Наташа приехала плакать к сестре. Просила прощения, целовала.

– Бери что хочешь, мне ничего не надо. У меня же никого, кроме тебя, Ветки и Пети, нет, – говорила она Ольге.

– Дачу. – Ольга хотела сказать «квартиру и дачу», но решила быть справедливой и великодушной.

– Хорошо, – согласилась Наташа, вытирая слезы.

– А что Петя?

– Сказал, что простил.

– Он или дурак, или святой.

– Он меня любит.

Сестры обнялись. Но Ольга Наташу так и не простила. Она всегда удивлялась короткой памяти и отходчивости сестры. Сама она долго помнила обиды.

Сорок минут на электричке и еще полчаса пешком. Ольга с Ветой начинали ездить на дачу в мае. Ольга на даче трудилась, не щадя музыкальных рук. Сажала цветы, копала, красила, мыла, латала дыры. Каждый год все заново. Хозработы ее успокаивали.

Денег поставить забор не было, и Ольга пускала по железной сетке вьюнок – живую изгородь. По книге для садоводов-любителей делала грядки, покупала семена, сажала, поливала. Только ее музыкальная рука оказалась тяжелой – ничего не росло, кроме пучка укропа. Помидоры не зрели, огурцы горчили, цветы быстро отцветали. Ольга каждый год расстраивалась до слез – сетовала то на погоду, то на семена, то на почву.

Вете на даче нечего было делать. Она изнывала от бессмысленности и скуки. «Подожди, ты еще мне спасибо скажешь за эту дачу. Эта земля еще золотой станет», – говорила Ольга дочери, когда Вета начинала ныть и проситься в город.

Она как в воду глядела. Неожиданно их поселок оказался престижным. Удобное направление, близко от Москвы. Поселок залихорадило. Приезжали люди на дорогих машинах, шли по разбитой дороге, осматривали заброшенные участки. Заходили к Ольге. Спрашивали, где соседи, кто соседи, как с ними связаться. Ольга рассказывала, давала телефоны.

Позже, когда их поселок превратился в одну сплошную стройплощадку, Ольга корила себя за глупость и наивность. Она и еще несколько старожилов собирались у деревенского колодца и обсуждали чужие заборы, и кто за сколько продал участок. Старые дома шли под снос, деревянные столбы, обозначающие границы, выкорчевывались. Новые владельцы «прихватывали» кусок дороги.

– А эти, которые у Иваныча участок купили, – говорила соседка, тетя Шура, – вместе с канавой дорогу оттапали.

– А мы ведь даже не знаем, кто они, – подхватывала Ольга. – А вдруг непорядочные люди или, не дай бог, бандиты?

– Конечно, бандиты, – говорила тетя Шура. – Откуда такие деньги? Ты вон в своей музыкалке столько не заработаешь...

– Нет, нельзя так – всех под одну гребенку, – Ольга вспоминала, что она женщина интеллигентная, а потому толерантная, – может, люди честным трудом заработали.

– Чего ж ты тогда не заработала? – Тетя Шура была категорична.

Дома росли, заборы становились все выше.

Дом напротив участка Ольги купили и перестроили Ненашевы.

Ольга с рассадой ромашки полевой пошла по-соседски знакомиться. Позвонила в звонок у калитки. Никто не ответил. Ольга толкнула дверь и зашла. Ее встретил садовый гном. Ростом с трехлетнего ребенка. Гном стоял под молодой свежесаженой елкой и смотрел на Ольгу. Она ожидала увидеть скульптуру женщины с веслом или что-то вроде того, но никак не гнома. Она отвела взгляд и пошла по дорожке. Под кустом сирени стоял еще один гном и тоже смотрел на Ольгу. Под взглядами гномов она дошла до дома. Постучала. Дверь открыла девочка. По виду ровесница ее пятнадцатилетней Веты.

– Здравствуй, я ваша соседка, Ольга Михайловна, а родители дома? – сказала Ольга.

Девушка, не улыбаясь, с огромными глазами, развернулась и ушла. Ольга Михайловна так и осталась стоять на пороге.

Из глубины дома – Ольга как раз гадала, сколько же тут квадратных метров, – вышла женщина. Одета по-городскому – в брюки, блузку и тапочки на каблучках. Ольга непроизвольно дернула на груди свою старую, застиранную футболку, которую ей когда-то отдала Наташа.

– Здравствуйте, – сказала Ольга, – я ваша соседка.

– Проходите, – ответила женщина.

Ольга посмотрела на свои галоши со слоями налипшей грязи, на домотканую дорожку в прихожей.

– Нет, спасибо, я на секундочку, – сказала она, – принесла вам рассаду. Мне уже сажать некуда.

– Спасибо. Чудесные цветы, – ответила женщина.

Так Ольга, а потом и Вета познакомились с новыми соседями – Тamarой Павловной, Евгением Петровичем и Лизой Ненашевыми.

Вета, к удивлению Ольги, которая дальше добрососедских отношений с Тamarой Павловной не продвинулась, подружилась с Лизой. У девочек, с точки зрения Ольги, не было и не могло быть ничего общего – разное воспитание, разный уровень жизни, разные внешние данные, наконец. Лиза, особенно на фоне Веты, красавица. Ольга не была рада появлению у дочки такой подружки. Боялась, что Вета рано или поздно начнет сравнивать и оценивать.

Вета познакомилась с Лизой, когда принесла для Тamarы Павловны кустик анютиных глазок – от матери. Шла через дорогу и злилась на мать – дались ей эти цветы. Все равно Тamarа Павловна их не посадит – у нее росли другие цветы. На аккуратных клумбах, в строгом ландшафтном порядке, не то что у них.

Дверь открыла Лиза. Вета забыла, зачем пришла. На Лизе был джинсовый комбинезон с кармашком на груди – Ветина несбыточная мечта. Она такие комбинезоны в природе не видела, только по телевизору. Лиза держала в руках кисточку. Капли краски капали на штанину комбинезона. Лиза не обращала на это никакого внимания.

– Осторожно, – закричала Вета, – краской закапаешь!

И даже дернулась взять кисточку. Пусть на ее старые физкультурные треники капает, лишь бы не на эту красоту. Потом она подняла глаза и опять онемела. У Лизы были длинные распущенные волосы, а сбоку из одной пряди заплетена тоненькая косичка. Косичку украшали разноцветные бусинки. Лиза выдержала восхищенный взгляд Веты и спокойно сказала:

– Пошли наверх.

Вета не поняла, куда наверх, но, сбросив тапочки, мамины, с дыркой на большом пальце и стоптанной пяткой, пошла за Лизой.

Лиза поднялась по лестнице и привела Вету в комнату со скошенным потолком. Вета никогда не думала, что наверху, под крышей, могут быть комнаты. Она думала, что там чердак, где хранятся старые чужие вещи, которые на всякий случай нельзя выбрасывать. Как у них с мамой. У них на чердаке стояла старая бабушкина кровать, валялись две тети-Наташины автомобильные шины, книги, альбомы с фотографиями, журналы...

– Поможешь красить? – спросила Лиза и протянула Вете кисточку.

Все стены в комнате были расчерчены на квадраты – от больших к маленьким. Половина квадратов покрашена черной краской.

– А почему они черные? – спросила Вета, хотя уже знала ответ. Комната была такой, о какой она мечтала, – необычной. В их домике Ольга Михайловна выдерживала «деревенский» стиль – обои в ромашку, занавески в красный горох, клеенчатая скатерть на столе в помидорах.

– Потому что занавески будут черные и ковер. А остальное – белое, – объяснила Лиза.

Вета от волнения захотела в туалет, но стеснялась спросить где. На участке она туалета не видела. Вета покрасила два квадрата и наконец не выдержала:

– Лиза, а где у вас туалет?

– Пойдем, отведа. Здесь есть, в доме, но мама не разрешает туда гостям ходить. А второй – на улице.

Вета пошла за Лизой, слушая инструкции. В уличном туалете два ведерка, нужно посыпать после себя сначала из одного, потом из другого. Туалетом оказался деревянный домик. Вета его видела, когда шла по участку, но думала, что он для жилья, а не для нужды. Лиза открыла Вете дверь и пошла назад – в дом.

– Возвращайся, – сказала она.

Вета кивнула и вошла в домик. И забыла, зачем пришла. Она выскочила за дверь, но Лизы уже не было. В домике стоял деревянный помост со ступенькой, ковриком на ступеньке и стульчаком в мягком чехле на крышке. А рядом – белая чаша, похожая на маленькую раковину неправильной формы. Только без крана. Вета не знала, что это такое. Она уже готова была сбегать в туалет домой, но подумала, что Лиза ее не поймет. Вета впервые ходила в туалет так осторожно. Она боялась сесть на этот сверкающий ободок, боялась нечаянно намочить мягкую крышку. Вообще боялась здесь что-то делать. В последний момент она вспомнила про Лизины инструкции. Ведерки с маленькими ковшичками внутри стояли на отдельной полочке. Только Вета не знала, сколько нужно сыпать, и на всякий случай насыпала побольше. Когда она уже уходила, увидела над раковиной полку с цветочными горшками. Теперь она знала, куда деваются цветы – самые лучшие, срезанные по-живому, которые ее мать передает для Тамары Павловны.

Вета вернулась в дом. Лиза была на первом этаже – на кухне, совмещенной с гостиной.

– Лиз, а что это там в туалете, похожее на раковину? – спросила Вета.

– Писсуар, что ли? – удивилась Лиза.

– А что такое писсуар?

– Туалет для мужчин. Ты что, в мужском туалете никогда не была?

– Нет.

– Поможешь мне с тартаром? Мать сейчас приедет, а я не приготовила.

– А что такое тартар?

– Соус к рыбе. Ты что, с луны упала?

Вета стала послушно резать огурцы.

Приехала Тамара Павловна, и Вета не поняла, как оказалась на дорожке, ведущей к калитке. Ее как-то выпроводили так, что она не заметила. Только ощущение неприятное осталось. Тамара Павловна говорила без умолку. Вета только поняла, что к ним должен кто-то приехать.

Она вернулась домой. Поужинала отварной картошкой и сосисками. Легла спать. Прежде чем уснуть, решила к Ненашевым больше не ходить – Вета злилась на себя и была обижена на Лизу. За что конкретно, не знала.

Несмотря на решение, Вета за лето стала лучшей подругой Лизы. Точнее, она считала Лизу своей лучшей подругой. Что считала Лиза, никому не было известно. Лиза вообще редко проявляла эмоции. Даже Тамара Павловна привыкла к тому, что Вета постоянно околачивается в их доме и делает всю работу по хозяйству, которую должна была сделать дочь. Хотя Вета каждый день страдала – от зависти и несправедливости. Особенно ее задевало то, что ей так и не разрешили пользоваться хозяйским туалетом в доме. В этом доме вообще было много запретов. Лизе не разрешали оставлять Вету на ночевку и давать ей свою одежду поносить. Благодаря последнему запрету Вета стала счастливой обладательницей заляпанного черной краской Джинсового комбинезона. Она попросила у подруги комбинезон – надеть, пока Тамара Павловна не вернулась. Лиза дала, но Тамара Павловна приехала раньше и увидела Вету в одежде дочери.

– Можешь оставить его себе, – сказала она Вете. Но комбинезон радости не принес. Вета под взглядом Тамары Павловны чувствовала себя воровкой, пойманной с поличным.

Осенью и Ненашевы, и Ольга Михайловна с Ветой вернулись в Москву. Жили они в разных районах, но Вета после музучилища, в которое поступила из-под палки, по воле и решению матери, ехала к Лизе.

Вета и в квартире Ненашевых не переставала удивляться. Круглый пластмассовый стол на кухне, а не привычный «уголок». Огромная Лизина кровать, а не ее солдатская койка. Еще у Лизы были отдельный зеркальный шкаф и отдельная вешалка – красивая, деревянная, для каждой кофточка и юбки. У Веты с матерью были один шкаф на двоих и железные вешалки – четыре Ветиных, четыре Ольгиных. Зеркало тоже было одно на двоих – в прихожей. Вета разглядывала себя частями – сначала верх, потом вставала на стул и наклонялась, чтобы увидеть низ. У Ненашевых даже в ванной раковина была не как у всех, а переходила в столешницу. Но больше всего Вете нравилась Лизина корзинка для косметики. Плетеную корзинку и зеркало держал заяц – плюшевый. Корзинка была забита до отказа. Вета же пользовалась маминой заканчивавшейся косметикой – ссохшейся тушью, стертой до пластмассового ободка помадой, которую нужно было выковыривать из тюбика спичкой. Мазок – на щеки вместо румян, мазок – на губы. Еще у Лизы был набор кисточек: большая – для пудры, чуть поменьше – для румян, совсем маленькие – для теней. И специальная щеточка для расчесывания ресниц и бровей. Лиза красилась, а Вета сидела рядом и смотрела.

- Чего ты смотришь? – бурчала Лиза.
- Ты красивая, – искренне отвечала Вета.
- Иди лучше сосиски свари.

Когда не было родителей, Лиза ела нормальную, в понимании Веты, еду. Сосиски, картошку. Вета готовила. Только никак не могла привыкнуть к тому, что хлеб – длинные французские багеты – хранился в холодильнике, разогревался в микроволновке и резался на специальной дощечке. Лиза орала, что ее убьет мать, если на столе останутся полосы от ножа.

В один из дней Лиза сказала, что они устроят вечеринку.

Вета думала, что придут Лизины одноклассники, посидят и часов в одиннадцать разойдутся. Но пришли ребята – взрослые, уже студенты. Оказалось, что многие учились в Лизкиной спецшколе, только одним-двумя классами старше.

На Вету никто не обращал внимания. Она бегала за стаканами, тарелками. Суежилась. В короткие передышки чувствовала себя лишней – не так одета, не то говорит. Там была еще одна девушка. Пришла с Лизкиным знакомым. Вета ее сразу заметила – слишком не похожа на всех остальных. Из другого круга, как говорила Тамара Павловна про нее, Вету.

- Тебя как зовут? – Девушка подседа к Вете.
- Виолетта, – ответила Вета. Она не хотела общаться с этой девушкой, а хотела с Лизкой.
- А меня Снежана. Ты откуда?
- В смысле?
- Откуда приехала?
- Ниоткуда. Я – москвичка. – Вета говорила сдержанно-вежливо. Как говорила с ее матерью Тамара Павловна. Хотела поставить эту наглую девицу на место.
- Ну да, конечно, я тоже теперь м-а-асквичка, – засмеялась Снежана. – А ты с кем?
- Ни с кем.
- Понятно.
- Что тебе понятно?
- Да чё ты такая дерганая?

Вета встала, взяла грязную тарелку и пошла на кухню. Снежана шла следом, прихватив со стола бутылку. На кухне, пока Вета мыла посуду, Снежана отхлебывала из бутылки и болтала.

Снежана «замутила» с Данилой. Вета догадалась, что это тот парень, который играл в преферанс. Теперь она живет на его даче. Там все круто. И Снежана его дожмет. Никуда он не денется. Снежана рассказывала Вете, как «своей», похабные анекдоты и делилась опытом – Вете пригодится. Лучшее средство от залета – марганцовка. Только сразу. Чтобы выкинуть – нужно париться в ванне с горчицей.

– Нормально я устроилась? – спросила Снежана. Вета согласилась – нормально. Она домывала посуду и плакала. Оттого, что Снежана считает ее «своей».

Было уже двенадцать, но никто не думал расходиться. Ребята играли в преферанс и смотрели кино. Вета так устала и хотела спать, что решила нарушить запрет на вход в спальню Тамары Павловны и Евгения Петровича и прикорнуть на краешке кровати. Вета легла и почти уснула, когда в спальню кто-то вошел. По голосам она поняла, что Лиза с каким-то парнем. Вета сделала вид, что спит. За ее спиной Лизка занималась любовью. Вдруг Вета почувствовала на себе чужую руку. Рука – мужская – лапала ее за грудь. Вета отодвинулась на край. Рука тянулась и поднимала ей юбку. Вета встала и выбежала из комнаты.

Утром она убрала квартиру, выбросила мусор. Лиза встала часов в двенадцать.

- А кто был тот парень? Вчера? – не выдержала и спросила Вета.
- Первый или второй? – спросила Лиза.
- А что, их было двое?
- Ну да.
- Тот, который в спальне?
- Рома. А что?
- Не надо с ним встречаться. Он и ко мне руки тянул.
- Ну и что?

Вета тогда решила больше никогда-никогда не общаться с Лизкой. Но пришлось – по воле обстоятельств. Лизка после школы поступила в престижный вуз, и Тамара Павловна и Евгений Петрович купили дочери по случаю поступления квартиру – однокомнатную, в соседнем доме. Вета перебралась жить к Лизе. Потому что в их квартире поселился Юрик-дурик.

У Ольги случился роман с Юриком-дуриком. Неожиданно для всех, даже для Юрика.

Наташе вдруг понадобились назад какие-то вещи – фотографии, шаль и, главное, ключи от квартиры матери, которые остались у Юрика. Наташа попросила передать имущество через сестру. Сама

она видеть бывшего любовника не желала. Юрий привез фотографии на дачу. Ольга как раз пыталась повесить обвалившийся карниз. Юрий согнал Ольгу с табуретки и взялся за починку. Заодно вкрутил лампочку в люстру и натащил воды из колодца.

Ольга держалась подчеркнуто вежливо. Ходила за ним по пятам и говорила: «Не надо». Правда, Юрика в том, что произошло, она не винила. Считала, что виновата Наташа, которая ради любовника переступила через родную сестру и племянницу. И то, что Юрий кинулся помогать, для Ольги было показательным поступком. Из вежливости она предложила ему поужинать и попить чайку – все-таки целый день работал не покладая рук.

Юрик, пока пил чай, огляделся, оценил ситуацию, решил зайти с другой стороны. Ему хватило мозгов не укладывать Ольгу в кровать в первый же день. Вместо этого он приехал на следующий день и починил забор. За две недели ухаживаний Юрий переделал все мелкие хозяйственные дела – покрасил скамейку, спилил старое дерево, покосил траву, сжег мусор, но считал, что Ольгу надо дожать. Дожимать решил навозом, которым он удобрил клумбы. Ольга стояла с осоловевшими от счастья глазами. Потом Юрий залез в багажник машины и достал рассаду – красные бегонии. Вечером после ужина Ольга предложила ему остаться.

Это решение далось ей непросто. Накануне к ней приезжала сестра и устроила скандал.

– Я смотрю, ты тут порядок навела, – сказала Наташа, осмотрев участок.

– Немножко, – ответила Ольга. Она так и не решила, говорить сестре про Юрика или нет.

– Нанимала кого-то?

– Да нет.

– О, у тебя появился поклонник?

Ольга рассказала Наташе все, как есть. Как приехал Юрий, как помог по хозяйству, хотя она ему и говорила: «Не надо...»

– Ты с ним переспала? – прервала рассказ Наташа.

– Наташа, все не так, как ты думаешь...

– Переспала или нет?

– Нет.

– Вот сволочь. Мерзавец. Додумался, что с тобой нужно по-другому. Ты же у нас тонкая, порядочная. Думаешь, ты ему нужна? Ему наша дача нужна! – кричала Наташа.

– Дача – моя. А Юра просто предложил помощь. И почему ты думаешь, что мной никто не может заинтересоваться? – Ольга обиделась и на «нашу дачу» и на «не нужна».

– Какая у тебя короткая память. Ты уже забыла, как он со мной поступил? – не унималась Наташа.

– Ты замужем. У вас с ним ничего общего не было, кроме секса. И потом – ты сама во всем виновата. Это было твое решение. Он с тобой просто спорить не хотел.

– А у вас много общего? И о чем же вы с ним разговариваете? О грядках или о Моцарте?

– Наташа, прекрати меня оскорблять. Я чувствую, что ему нравлюсь. Ты его плохо знаешь. Со мной он совсем другой. Ведет себя очень тактично.

– Ну-ну. Только когда ты останешься на улице, а он на твою дачу будет возить баб, ко мне не беги. И Пете не звони. Поплатишься за собственную глупость. Так тебе и надо будет. Я тебя предупредила.

– Спасибо, но лучше не вмешивайся в наши отношения. В своих разберись. – Ольга готова была расплакаться.

Наташа уехала. Ольга знала, что сестра права. А с другой стороны, Юрий был первым мужчиной, который за много лет не только обратил на нее внимание, но и захотел что-то для нее сделать, помочь. И потом, должно же и ей когда-нибудь повезти. Ольга уже строила планы на семейную жизнь. Как она с Юрой будет ездить на машине на рынок. Как он подружится с Ветой. И все у них будет хорошо. Ольга влюбилась – переодевалась к приезду Юрика, волновалась, когда с ним разговаривала, ждала его звонка. За интимную жизнь она была спокойна. Спасибо Наташе. Сестра говорила, что Юрий – замечательный любовник, и Ольга уже представляла себе бессонные счастливые ночи. А то, что у него с Наташей было, так и что? Люди ошибаются...

Ольга Михайловна не собиралась отдаваться Юрику так сразу, но приезд Наташи, ее обвинения в Ольгиной непривлекательности да еще свежий навоз и бегонии настроили ее на решительный лад. Кстати, бегонии убедили ее в том, что Юрий – романтик. Самое лучшее качество мужчины, с точки зрения Ольги.

Правда, бессонной счастливой ночи не получилось. Ольга стеснялась и старалась выглядеть лучше, чем была. Получалось так себе. Юрий делал свое дело, но смотрел куда-то в сторону, а не на нее. Ольгу это смущало еще больше. Кровать тоже не была приспособлена для любовных утех – скрипела и проваливалась ямой посередине. Но утром Ольга подумала, что первая ночь не показатель и им с Юрой, а она называла его уже только Юрой или Юрочкой, нужно привыкнуть друг к другу. Поэтому, ставя на стол яичницу, улыбалась и кокетливо запахивала халатик.

Юрик ел яичницу и прикидывал, стоит ли овчинка выделки. Дача, конечно, несомненный плюс. Но

все остальное... Юрик вспомнил ночь и скорчился.

– Что такое? – вспорхнула из-за стола Ольга Михайловна.

– Яичница горячая, язык обжег, – сказал Юрик.

Ольга, думал Юрик, совсем не в его вкусе. Ему нравились женщины поопытнее, погорячее. А тут оказалась закомплексованная старшеклассница, только в морщинах и с возрастными жировыми складками на талии и обвисшим животом. Еще Юрик боялся, что Ольгин «вариант» обломается, как обломался Наташкин. Но сестры были слишком разные. Юрик это понял, еще когда лампочку вкручивал. К тому же у Ольги не было мужа. Тем более такого, как Петя. Только бы Наташка не влезла и все не испортила. Юрик посмотрел в окно на участок и еще раз мысленно согласился с самим собой – вариант «шоколадный». Он собирался жить на этой даче, тянуть со свадьбой как можно дольше, возить сюда баб, когда Ольга будет на работе, а потом жениться, как подарок сделать, потерпеть еще чуть-чуть и подать на развод. Потребовать продать дачу, потому что он в нее «вложился», и забрать половину денег. Половины, по его подсчетам, хватило бы на однокомнатную квартиру в Москве – Юрик уже поспрашивал в поселке и знал, что цены на сотку растут. Он давал себе год, максимум полтора на все про все.

Другой вопрос – как убедить Ольгу в искренности чувств и как выдержать этот год. Юрика уже передергивало от Ольгиного сюсюканья и стыдливого кокетства, а что дальше будет? Ведь с ней же спать надо... Не то что с Наташкой, по которой он иногда скучал. Даже прошлой ночью Юрик ловил в лице Ольги черты сестры, но, не находя, отводил взгляд. Еще удивлялся – родные сестры, а совсем не похожи.

Ольга решила, что им с Юриком нужно куда-нибудь уехать. Поменять обстановку. Уехать нужно было обязательно на море – пляж, солнце, вода... Ольга была уверена – из поездки они вернутся близкими людьми. Деньги были. Ольга копила, чтобы отправить куда-нибудь Ветку. Та вообще на море никогда не была. Вроде бы надо втроем ехать. А если дочь им будет мешать? Ольга никак не могла решить, как сделать так, чтобы и личную жизнь устроить, и материнский долг выполнить.

– Возьмите разные номера в разных концах пансионата, – сказала девушка в турагентстве, в которое обратилась Ольга, – вы друг друга и не увидите.

В Болгарию на Золотые Пески – давнюю мечту Ольги – поехали втроем. Ольга была возбуждена и все время волновалась. Взяли ли билеты, не забыли ли чего? Встретят их там или нет? Хороший ли будет номер? Близко ли море? Как будут кормить? Вета молчала. Юрик купил в аэропорту бутылку коньяку и «уговорил» ее за полет.

Как и было обещано турагентством, их поселили в разных номерах. Ольгу с Юриком в главном корпусе, а Вету – в домике с одинокой женщиной.

Вета быстро съедала завтрак и шла на пляж. Не на гостиничный, а дальний. Там никого не было – вход в море был неудобный. По камням. А ей там нравилось – можно было спокойно загорать без лифчика. Она лежала до обеда и шла в столовую. Остаток дня проводила или в номере, или на пляже. С матерью и Юриком ей не хотелось встречаться.

Как-то за завтраком к ней за столик подсел Юрик.

– Привет, – сказал он, и Вета почувствовала запах перегара.

– А где мама? – спросила она.

– Заболела, в номере.

Вета встала и пошла проведать мать.

Ольга лежала на кровати и стонала. Лицо было красным и опухшим.

– Что с тобой? – спросила Вета.

– Сгорела. Даже повернуться не могу. И лицо... Все болит.

– Ты бы к врачу сходила...

– Не надо, меня Юрик сметанкой мажет. И еду приносит. Он такой заботливый... Он очень хороший... А вот... – Ольга заплакала.

– Пройдет, – сказала Вета и вышла из номера. Она тоже заплакала. Мать даже не спросила, как у нее дела, что она делает.

Вета взяла полотенце и пошла на «свой» пляж.

– Вот ты где прячешься, – услышала она. Открыла глаза, щурясь от солнца. Перед ней стоял Юрик. Голый. Вета потянулась за лифчиком от купальника. Она испугалась.

– Не знал, что ты нудистка. Пошли купаться, – сказал он и пошел в воду.

Вета лихорадочно завязывала купальник.

– Ну что, познакомимся поближе? – спросил, вернувшись, Юрик. Он плюхнулся рядом на песок. Вета старалась на него не смотреть.

– Я пошла, – сказала она и стала собирать сумку.

– Да ладно тебе, не парься. – Он схватил ее за ногу.

Вета, потеряв равновесие, плюхнулась на песок.

– Пусти, придурок. – Вета набрала горсть песка в руку и бросила в лицо любовнику матери.

– Ах ты...

Вета бежала по пляжу, слыша, как он поливает ее матом.

Пока Ольга валялась в номере, Юрик не терял времени. Вета видела его с женщинами. Все время с разными. Но матери решила ничего не говорить. Пусть сами разбираются. Эта неделя показалась ей бесконечной.

Вета думала о том, что нужно что-то делать. Она не могла видеть вечно похмельного Юрика и мать с ошалевшим от счастья лицом. К тому же тетя Наташа названивала племяннице и требовала повлиять на мать и прогнать Юрика. Вета уже устала объяснять тете Наташе, что любовник из матери веревки вьет и, что бы она ни сказала – без толку.

Правда, Вета некоторое время посопротивлялась. Хамила Юрику, давила на мать. Но Ольга только мечтательно улыбалась, с любовью утюжа мужскую рубашку.

Съехала Вета после того, как Юрик лишил ее девственности. Мать была на работе, Вета вернулась из училища, а дома был Юрик. Вета сначала молчала, пока обедала, но он лез с разговорами. Спрашивал про тетю Наташу, дядю Петю. Про их жизнь с матерью.

– Я не хочу с вами разговаривать, – огрызнулась Вета.

– Придется, – не унимался Юрик.

– Не придется. – Вета встала, чтобы уйти из кухни.

Юрик преградил ей дорогу рукой, встав в дверном проеме.

– Пусти, – сказала Вета и попыталась проскользнуть под рукой.

Юрик спустил руку вниз по косяку. Она его толкнула. Юрик заломил ей руки за спину, вытащил в коридор, опрокинул на пол так, что Вета ударилась головой о тумбочку, и изнасиловал.

– Скажешь матери, хуже будет, – сказал он.

– Кому хуже? – спросила Вета. Она лежала на полу и удивлялась тому, что не плачет. Лежала абсолютно спокойная, внутренне собранная, равнодушная к себе. Она думала, что Юрик скажет: «Тебе хуже будет», – но он сказал:

– Твоей матери.

– И что ты можешь сделать? – спросила она.

– Вот что. – Юрик взял ногу Веты, она так и лежала, не чувствуя угрозы, обхватил большой палец и крутанул. Вета от вспышки боли потеряла сознание.

Когда она очнулась, Юрик смотрел по телевизору футбол. Вета, ковыляя, опираясь на пятку, кое-как вышла на улицу. Дошла до соседнего дома и села на лавочку около подъезда. В этом подъезде жила одноклассница Веты – Танька Иванова.

– Ветка, ты? – услышала она. Перед ней стояла Танька.

– Привет, – сказала Вета.

– Ты чего здесь сидишь? – спросила Танька.

– В травмпункт иду. Больно. Палец вывихнула.

– Ладно, пошли – доведу, – сказала Танька и взяла Вету под локоть.

У Тани, как у всех девочек из их дома, было два пути в жизни – в парикмахерскую или на панель... Этот дом. Таня считала, что во всем виноват дом, в котором она выросла. Он стоял перпендикулярно всем остальным домам на их улице, напротив уличной помойки. В этом доме, называвшемся в районе «пьяным», жили «неблагополучные» семьи. Перед ним была детская площадка – с качелями и горкой. Но туда не приходили играть дети из других домов – их не пускали родители, маленькая Таня, качаясь на качелях, видела, как мамы ускоряют шаг и тянут детей за руку. Быстрее, быстрее пройти мимо дома. Таня не понимала почему. Ей казалось, что они такие же, как все. Как их соседи снизу, напротив, из другого подъезда.

Отца у Тани не было. Ее маму чуть было не лишили родительских прав за алкоголизм. Еще у Тани был маленький брат – Костя. Таня его очень любила. Когда мать напивалась и начинала драться, она всегда лезла под материнскую руку – пусть лучше ей достанется, чем Косте. Она даже старалась побольше пустых бутылок собрать после школы и пораньше занять очередь в окошечко приема стеклотары, лишь бы мать на Костю не накинута. Она учила брата прятаться – под кровать и подальше, чтобы мать не достала, или за шкаф и сидеть тихо-тихо.

Иногда, то реже, то чаще, к ним приходили строгие женщины – либо в милицейской форме, либо в красивых платьях. Таня им говорила, что все хорошо. Что они кушают суп и кашу, гуляют и носят чистую одежду, что мама о них заботится. Таня делала честные глаза и даже Костю научила смотреть на чужих тетя не мигая, не отворачиваясь, улыбаясь. Тети кивали, открывали холодильник, шкаф, опять кивали и вызывали мать в коридор на разговор. Мать хватала Танин дневник с пятерками и совала в нос

проверяющим. Женщины делали «последнее предупреждение» и уходили. Мать эти визиты отмечала с размахом. Но Таню с Костей в такие дни не трогала.

Однажды Таня, после того как пьяная мать сломала Косте руку, выбежала вслед за женщиной в милицейской форме и прямо на лестнице рассказала ей все: про пьянки, про мужиков, про побои, про бутылки, которые она собирает после школы, про сломанную руку брата. Женщина погладила Таню по голове, пообещала, что все будет хорошо, и прислала участкового. Уставший, с мешками под глазами участковый сделал «последнее предупреждение» и ушел. Вечером мать с помощью собутыльника отбила Тане почки и сломала ей два ребра. Таня тогда долго лежала дома – не могла ходить в школу. Костя все время плакал. Но Таня каждый день ждала ту женщину, которая пообещала, что все будет хорошо. Женщина все не приходила. Вместо нее пришла другая, сделала «последнее предупреждение» и ушла. После этого Таня решила никому никогда не говорить правды и не верить ни единому слову.

В школу Таня не ходила – бежала. Там было все хорошо. Там ее хвалили и жалели. Тане даже больше нравилось, когда ее жалели. Стоя в отдельной очереди за бесплатными обедами, она чувствовала себя не униженной, а избранной. Она считала, что ее кормят бесплатно, потому что она хорошо учится и заботится о брате, повариха всегда ей давала добавку, которую Таня перекладывала в найденную на помойке пустую банку и приносила Косте.

Таня ни с кем в классе не дружила. Правда, ей хотелось подружиться с Ветой, которая тоже держалась особняком. Но та не проявляла желания дружить, а Таня не хотела предлагать дружбу первой.

Хотя однажды Вета Таню удивила – появилась на пороге их квартиры и заволокла в коридор сумку.

– Это тебе. Не очень новое, но чистое. Я сама постирала и погладила. – Вета бросила сумку, сказала Тане «пока» и ушла.

Таня открыла сумку – две кофточка, юбка, колготки, туфли.

На следующий день она чуть не опоздала в школу – не могла выбрать, что надеть. Она зашла в класс как королева. Девочки зашушукались. Таня подумала, что они говорят о ней – какая она красивая. Но Маринка, щеголявшая в новом лыжном костюме, привезенном папой, громко сказала:

– Смотрите, Танька в обносках пришла.

Таня промолчала.

На перемене ее обступили девочки.

– Ой, смотрите, Танька в Веткиной кофточке, в Веткиной юбке, – говорила Маринка. – Вы что, вещами поменялись? Ой, подружки...

Остальные хихикали.

– Это не Веткино, мое, она сама мне отдала. Это не обноски, а все новое, – огрызнулась Таня.

– Как же – подарила, – подначивала Маринка, – это нас новая классная собрала и велела тебе помочь. Потому что ты у нас бедная. Целый урок болтала про доброту и помощь всяким бедным и больным. И Риммусик сказала, что нужно сделать так, чтобы ты не чувствовала себя ущербной. И ничего тебе не говорить. Вот Ветка и побежала к тебе как дура.

У них действительно сменилась классная руководительница. Старая – Светлана Вячеславовна, Сланасланна, учительница русского и литературы, – по слухам, ушла работать секретаршей в кооператив. И пришла новенькая – Римма Ивановна, Риммусик. Риммусик через день устраивала классные часы, на которых и рассказывала про доброту и помощь ближнему. Или любила оставить группу девочек или мальчиков, с которыми проводила отдельные беседы. Риммусик увлекалась психологией, особенно подростковой, – с упоением разбирала конфликты, выясняла, кто был зачинщиком драки и что тот чувствовал, когда разбивал однокласснику нос.

Таня поняла, что разговор о ней шел два дня назад, когда Риммусик оставила «на разговор» всех девочек, кроме нее.

Риммусик была доморощенным психологом.

Таня еле досидела до конца занятий. Она решила – как только вернется домой, выбросит, сожжет, разрежет ножом, уничтожит все вещи. Она прибежала домой и кинулась к шкафу. Но ни сумки, ни остальных вещей не было. Матери тоже дома не было. И тут до Тани дошло – она забыла спрятать вещи. Так увлеклась утром выбором наряда, что забыла спрятать подарки. Вечером мать организовала большую пьянку. Таня знала, на какие деньги была куплена водка. Мать продала все, включая сумку. Таня сидела в углу за шкафом, но не плакала. В тот момент она перестала быть доброй девочкой, что отмечали и учителя, и соцработники, а стала злой. Костя опрокинул на себя чашку с водой и расплакался. Таня тогда впервые ударила брата.

– Заткнись, – сказала она тоном и словом матери. Костя перестал плакать и залез под кровать – подальше, как его учила Таня.

Вете и Маринке она решила отомстить. Всю ночь думала, как именно. И придумала. Утром она пришла в школу последней. В раздевалке уже никого не было. Таня достала из кармана половинку опасного лезвия, которое нашла на улице, и разрежала новенькую оранжевую куртку Ветки и синюю куртку Маринки. Резала глубоко, до пуха, по всей спине, чтобы уже не заштопать.

После уроков Таня стояла и с улыбкой смотрела, как в раздевалке над своими куртками рыдают Ветка и Маринка.

Потом было собрание класса – Маринка обвинила в порче имущества Таню. Вета молчала, но за Таню не вступалась. Маринка орала, что Танька это сделала из зависти. Да и уборщица видела, что Таня пришла в раздевалку последняя и долго не выходила. Риммусик не знала, что делать. Психология была бессильна, пахло хулиганством. В школу по вызову Риммусика пришли мама Веты и отец Маринки. Вызывать родительницу Тани было бесполезно. Риммусик предложила Ольге Михайловне и Маринкиному отцу замять дело – девочку, то есть Таню, пожалеть. Что с нее взять с такой-то матерью? Но отец Маринки требовал выгнать Таню из школы и упечь ее в колонию для несовершеннолетних – там ей самое место. Яблоко от яблони. Начала с курток, а чем дальше займется – неизвестно. Глядишь, ножом кого-нибудь пырнет. Не дай бог, его Мариночку. Взрослые говорили, Вета с Маринкой сидели за партой, а Таня стояла у доски и молчала.

– Таня, это ты сделала? Объясни почему? Что ты хотела этим выразить? – Риммусик все пыталась решить психологическую задачу. Но Таня молчала.

Дело замяли. С трудом – отец Маринки жаждал крови и искал виноватых. Директриса, в кабинет которой Маринкин отец открывал дверь ногой после привезенного и переданного Маринкой белого финского шифонового платья с подплечниками, быстренько нашла крайнюю – Риммусика. Отец Маринки был доволен. Сланасланна, с его точки зрения, была нормальной бабой – брала и конфеты, и духи, икру, за что ставила Маринке четверку в четверти по русскому. И за сочинения по литературе, которые списывала с предисловий к книгам Маринкина бабушка, а Маринка переписывала в тетрадь, роняя крошки и оставляя жирные пятна от пирожков, дочка всегда получала пятерку.

А эта новенькая – ее Маринкин отец называл Выдрой за зализанные волосы и неправильный прикус – отказывалась. И Маринке даже трояк в четверти не светил по русскому. И сочинения бабушкины Выдре-Риммусику не нравились – она требовала, чтобы девочка выражала свои чувства. А бабушка не могла выразить чувства – у нее пирожки горели. Риммусика уволили по собственному желанию. Та, подписывая заявление, продолжала задавать вопросы: «Почему? За что?»

Таня после этого случая потеряла интерес к школе. И желание отомстить – теперь уже за Риммусика – укрепились.

Вета появилась в школе с новыми часами. Подарок тетки. На маленьком циферблате под стрелками была нарисована лисичка, у которой на носу сидел крошечный колобок, отсчитывающий секунды. Часы не такие крутые, как у Маринки – отец подарил ей электронные, но, по мнению девочек в классе, даже лучше. Потому что у Маринки часы были на черном пластмассовом браслете, а у Веты – на тонком, почти серебряном. Вета давала померить часы всем. Тане тоже дала, хотя та и не просила. Когда урок закончился и все вышли из класса – Таня всегда выходила последней, – на полу под партой, где сидела Вета, что-то блеснуло. Таня наклонилась и подняла часы. Она не знала, куда их спрятать, и засунула в трусы. В класс ворвалась Вета с вытаращенными глазами.

– Ты часы мои не видела? – спросила она у Тани, ползая под партой.

– Нет. Потеряла?

– Да, точно помню, что на уроке еще на руке были.

Вета поднялась и посмотрела на Таню, как будто что-то подозревая. Таня взгляд выдержала, но ей показалось, что Вета догадалась.

Всю неделю девочки спрашивали, почему Вета не носит часы. Вета говорила, что незачем – часы по всей школе развешаны. В пятницу Таня вызвала Вету в туалет.

– На, держи свои часы, – сказала она, отдавая Вете часики.

– Спасибо, – ответила Вета.

Желание учиться у Тани вновь появилось в восьмом классе, когда начались уроки УПК. Можно было выбрать – информатику или парикмахерское дело. Все мальчики выбрали информатику, все девочки решили стать парикмахерами. Для УПК был специально оборудован класс. Здесь было все, как в настоящей парикмахерской – кресла, зеркала, мойка. Учительница – Алевтина Казимировна, Коза, – учила профессии первые полчаса, а потом разрешала делать кто что хочет, лишь бы тихо. Девочки красили ногти, болтали, отрезали друг другу челки и завивали волосы на плойку. Иногда попадались реальные клиенты, всегда мальчики. Почти всегда с подачи военрука, который выгонял с урока за неуставную стрижку. Стригли несчастного все девочки по очереди, а потом Коза брала ножницы и делала так, чтобы ученик вышел из класса в более или менее приличном виде. Правда, однажды даже таланта Алевтины Казимировны не хватило. Они тогда «проходили» стрижку машинкой, и страдальца пришлось в результате обрить почти наголо.

Таня злилась, что ей ни разу не удалось достричь до конца. И вообще ей все это не нравилось. Ребята, которых отправляли с «военки», были тому только рады. Они сидели в кресле и разглядывали формы крутившихся вокруг девочек. А Маринка специально вставала так, чтобы задеть симпатичного старшеклассника бедром или грудью. Все хихикали.

Тогда Таня придумала способ доставки в класс новых, «нормальных» клиентов. Она поддавливала в раздевалке первоклассника, прижимала к железной двери и шипела в ухо:

– Пошли, или хуже будет. Если кому-нибудь пожалуешься, поймаю и голову оторву.

Первоклассник шел за Таней, сдерживая слезы и позывы к мочеиспусканию.

– Вот, сам попросился, – объявляла Таня и усаживала добытого ребенка в кресло. Крутиться над мелкотней остальным девочкам было неинтересно, поэтому мальчик доставался Тане целиком – от висков до макушки.

Алевтина Казимировна вставала рядом и показывала, как захватывать пальцами, как ровнять. Однажды Таня слышала, как Коза говорит про нее трудовичке: «Пусть хоть стричь научится, копейку всегда заработает. Институт ей не светит».

В шестнадцать лет Таня получила паспорт, опознала мать в морге и проводила брата в колонию для несовершеннолетних. Из трех событий этого года самым важным она считала получение паспорта. Теперь она была взрослой, свободной от соцработников.

Мать умерла на улице около ларька приема стеклотары, в который Таня сдавала бутылки. Умерла пьяная и грязная. Она там часто лежала – на зеленом бугорке, где обычно ждали открытия ларька ее собутыльницы и где они, не отходя от ларька, напивались на только что полученные копейки, Таня шла мимо ларька из школы, видела мать, но проходила мимо. Та, если замечала дочь, материлась ей вслед: «Иди сюда, шалава, слышишь, что мать говорит». Иногда просила голосом, который Таня ненавидела больше всего, – заискивающим, приторно-ласковым: «Танюша, доченька, иди сюда, что скажу». Но Таня всегда проходила мимо.

В тот день она тоже видела лежащую на траве мать. Мимо шли люди. Никто не останавливался. Картина была привычной. Таня тоже прошла мимо. Сколько женщина там так лежала, уже мертвая, никто не знал. Таня пришла в морг, посмотрела на мать, кивнула: она – и ушла. Кто, где и как похоронил родительницу, Таня не знала, да и знать не хотела.

Косте дали два года за кражу. Взяли с полчиным рядом с магазином. У Кости в рюкзаке лежали фен и миксер. У его друзей – видеомэгнитофон и колонки. Таня не верила, что Костя виноват. Он и сам говорил, что ему старшие ребята дали рюкзак поддержать. Он и не знал, что в нем. Но у «друзей» был послужной список – не первая кража, а Костя проходил как соучастник. Ему было четырнадцать. Когда Таня пришла к нему на свидание, он заплакал.

– Таня, забери меня отсюда, – просил он.

Таня встала и вышла, не оборачиваясь, как совсем недавно из морга.

– Забери меня! – кричал ей вслед брат.

Таня осталась одна. Нужно было что-то делать и на что-то жить. Что делать, она знала. Идти работать. Парикмахершей. Работа хорошая, всегда нужная. Таня устроилась ученицей в местный салон красоты. Но ученицей много не заработаешь. Нужны частные клиенты. Таня позвонила Вете.

– Алле? – сказала Вета.

– Ветка, привет, это Таня, можешь помочь. – Таня не просила, а требовала.

Таня рассказала, что может делать – стрижка, укладка на дому. В любое время. Назвала цену. Почти даром. Она не сомневалась, что Ветка согласится помочь – из жалости. К тому же Таня знала, что у Веты – богатая тетка. Так и получилось. Ветка позвонила тете Наташе. Та согласилась, чтобы Таня приехала сделать ей укладку.

Таня работала на совесть. Появилась клиентура – знакомые Ветиной тетки. Ее ценили за оперативность – могла прийти рано утром, вечером, качество – Таня не халтурила, дешевиэну – укладка в парикмахерской стоила почти в два раза дороже, и неболтливость.

Таня копила деньги. Ей нужно было выбираться из дома.

Жила в старом доме Таня через не могу. Хотя многое изменилось. Старые дружки матери, первое время стучавшиеся к ним в квартиру по старой памяти: «Дай денег мамку твою помянуть», – сгинули. Ларек стеклотары снесли. На бугорке, где умерла мать, построили магазин. Но их дом в районе по-прежнему назывался «пьяным». Пятно на репутации пытались закрасить грязно-розовой краской. Краски хватило только на половину, до третьего этажа. Тане дом напоминал мужчину со спущенными штанами, прикрывавшего руками причинное место.

В доме появились новые жильцы – беженцы. Откуда беженцы и почему они сбежали сюда, в этот дом, мало кто в районе знал. Беженцы и беженцы. Многодетные. С алкоголиками было вроде понятно – пили и пили. А у этих все не как у людей. Во дворе между двумя деревьями появилась веревка, на которой все время сохло белье. Какая нормальная москвичка будет сушить белье на улице? А вдруг украдут или испачкают? Белье надо сушить в ванной или на балконе. Или вот высунется одна женщина из окна и кричит на всю улицу что-то своей соседке, которая стоит у подъезда. А та ей отвечает – криком же. Так и разговаривают.

Но непонятнее всего было другое. Женщины выносили на улицу поднос или тарелку с едой –

пирогам, хлебом, сыром. И кормили всех детей без разбора – своих, чужих, всех, кто был во дворе. Те подбегали, хватали по куску и бежали играть дальше.

Подъезды женщины намывали тоже каждый день. Причем без графика дежурства. Еще и дорожку на улице веничком выметут. Таня вообще подъезд ни разу не помыла, а ей никто ничего не сказал. «Вам надо, вы и мойте, – думала она, – все равно я здесь не останусь».

Из своей квартиры Тане нужно было выбираться быстро. Из колонии вернулся Костя. Побывка между тем первым сроком и вторым была недолгой. Во второй раз Таниного брата поймали на квартирной краже. Костя опять стоял на стреме – старшие друзья попросили. Взяли всех – в квартире сработала сигнализация.

Тане был не нужен такой брат – со злыми, хитроватыми глазами, с замашками и жаргоном уголовника. Ей нужна была другая жизнь, с другими родственниками. Она даже никому из новых знакомых не говорила, что у нее есть брат. Но больше всего она боялась, что Костя втянет ее в свои дела. Чтобы отомстить. Она чувствовала, что Костя так и не простил ее – она ни разу его не навестила, не написала ни одного письма, не послала ни одной посылки.

С возвращением Кости возвращался и детский кошмар Тани – к ним опять приходил участковый, задавал ей вопросы: где брат, куда пошел, что делает? Она не знала, где он, куда пошел, но что делает – догадывалась. Что-то связанное с наркотиками. С воровством после второй «ходки» он решил завязать, о чем торжественно заявил Тане. Ей было наплевать, колется, нюхает или глотает сам Костя, но в том, что сбывается, была уверена.

Однажды участковый пришел, когда Костя был дома. Брат заметно дергался. Уставший участковый бубнил, что Костя рано или поздно нарвется и загремит по полной. Таня вышла в коридор, где лежала ее сумочка – она всегда пересчитывала деньги, которые были в кошельке. Боялась, что Костя вытащит. Рядом с кошельком Таня обнаружила сверток.

Когда участковый ушел, Таня спросила брата:

– Что за дрянь ты положил в мою сумку?

– Да ладно, не парься. Самое надежное место. Ты же у нас хорошая. Щас заберу, – ответил Костя. Он уже расслабился.

– Я его выбросила, – сказала Таня.

– Сука, а ну отдай. – Костя от злости и страха стал шипеть. Воздух прорывался сквозь сжатые гнилые зубы.

– Сказала же, что выбросила. Больше не принесешь в дом это дерьмо.

Костя неожиданно подскочил к Тане, заломил ей руку за спину. Она почувствовала, как под грудью что-то кольнуло.

– Отдай – или убью, – прошипел Костя.

Она посмотрела вниз, туда, где кольнуло, и увидела нож. Обычный складной нож.

– В сумке, – ответила Таня.

Костя толкнул ее и выбежал в коридор. Она слышала, как хлопнула входная дверь.

После этого случая она решила искать себе новое место жительства. Хотя бы до того момента, пока Костю опять не посадят. В том, что он рано или поздно нарвется, Таня не сомневалась.

Самым лучшим вариантом было бы продать или разменять квартиру. Но Таня еще раньше, когда Костя был в колонии, навела справки – ни продать, ни разменять без согласия брата она не могла и выписать его не имела права. А первый и последний разговор с ним – Таня предложила отдать его долю деньгами – закончился быстро.

– На хрена мне деньги? Мне хата нужна. Тебе надо, ты и вали отсюда, – сказал Костя.

Пока Вета шла с Таней до травмпункта, рассказала про Юрика. Когда шли назад – Таня рассказала про брата.

– Спасибо тебе, – сказала Вета, когда они дошли до ее подъезда.

– Да ладно. Если что, звони, – ответила Таня.

– Ты тоже не пропадай.

Матери Вета сказала, что упала на лестнице в метро и вывихнула палец. Сообщила, что переезжает к Лизке. Мать не смогла скрыть радость. Даже и не пыталась.

Вета доковыляла до дороги и поймала машину. Помнила, что приехала к Лизке и зашла в коридор. Потом все – потеряла сознание. В квартире был странный запах. Вета вдохнула и грохнулась. Она лежала, не могла пошевелиться и слышала разговор где-то сверху.

– Чего это с ней? – спросил мужской голос.

– Да насрать. Опять приперлась, – ответил женский, Лизин.

– Надо «Скорую» вызвать, – сказал мужской.

– С ума сошел? Хочешь, чтобы у нас проблемы были? – сказала Лиза.

- Но надо же что-то сделать, вдруг она не дышит? – настаивал мужской голос.
- Давай на нее холодной воды выльем? – предложила Лиза.
- Лучше полотенце мокрое принеси.
- Неохота. Сам неси, если тебе так хочется.
- Слушай, у нее с ногой что-то.

Лизка не ответила.

Вету привел в чувство незнакомый парень. Обтер мокрым полотенцем, дал воды попить. Вета встала и зашла на кухню – Лиза сидела за столом и курила. Станный запах щекотал ноздри, было душно.

- Лиз, я тогда поеду, – сказала она.
- Вали, – ответила Лиза.
- Вета вернулась в коридор. Там стоял парень.
- Может, машину поймаешь? – спросил он.
- У меня денег нет, – ответила Вета.
- Лизка, дай своей подруге денег на машину, – крикнул он, – я все на траву потратил!
- У меня нет, – ответила Лиза.

Вета развернулась и ушла. Она знала, что у Лизы деньги есть – родители всегда ей давали. Только она их не тратила. Даже на подарки жалела.

Вета помнила, как Лизка собиралась на день рождения к однокласснице. Бегала по дому и искала подарок. В тумбочке родителей нашла пакет, который они привезли откуда-то из-за границы, – гостиничные тапочки и набор с одноразовыми флаконами – мыло, гель для душа, расческа. Лизка собрала это все, завернула в оберточную бумагу и пошла на день рождения.

Вета вернулась домой. Закрылась в комнате. На следующий день Юрий с матерью уехали на дачу. Юрий нашел умельца и решил ставить в летнем домишке печку. Дрова уже привезли. Ольга была счастлива.

- Вета, выйди, скажи «до свидания»! – кричала мать. Вета так и не вышла из комнаты.

Они уехали, и Вета прощлась по дому, который уже давно не считала своим. В рамках стояли новые фотографии вместо старых. Сначала пропало ее детское фото – Вете было четыре года, и мама отвела в фотоателье. Вета на фотографии сидела, подперев кулачком пухлую щеку. Потом исчезло и их с матерью совместное фото. Первоклассница Вета с белыми бантами и мать в новой белой блузке. Теперь из рамок скалился Юрий-дурик. Мать склонила голову ему на плечо и замерла с неестественной улыбкой. На другой фотографии Юрий стоял по пояс голый на их даче, раскинув руки, как бы показывая свое хозяйство. Вета перевернула рамки стеклом вниз.

Вета некоторое время жила спокойно. И чем дольше длилось затишье, тем больше она нервничала – должно что-то случиться. Что-то плохое. В один из вечеров с дачи позвонила мать.

Ольга была убеждена, что их с Юриком отношения вошли в решающую стадию. Для полного семейного счастья нужно было только сблизить Юру с Ветой. Ольга позвонила дочери и предложила приехать на дачу. Вета испугалась.

- Мам, где мы там жить будем? Места мало, – пыталась отговориться Вета.
- Ты будешь спать в маленькой комнате. Да какая разница? Все равно целый день на улице. Тебе нужен свежий воздух. – Ольга была настроена решительно.
- А Юрий-дурик что по этому поводу думает?
- Не смей так его называть. Для тебя он Юрий, и будь любезна говорить ему «вы». Что еще за панибратство?
- Так что он думает?
- Он очень хочет, чтобы ты приехала.
- Это он сам тебе сказал?
- Нет. Но я уверена, что он будет только рад. Это мне нужно. Я редко тебя о чем-то прошу. Ради меня ты можешь приехать?
- Хорошо, я приеду.

Вета решила приехать дня на два. Лишь бы отвязаться от матери. А потом, после какого-нибудь скандала, а в том, что он случится, она не сомневалась, вернуться в Москву.

Вета приехала на электричке. За то время, что она не была на даче, поселок изменился. Появились новые дома. Отремонтировали дорогу.

Мать кинулась показывать Вете новый колодец, выросший куст сирени и пересаженные на новое место Юрикины бегонии. Юрий улыбался и предлагал Вете опробовать новый летний душ. Вета встала на доски, сложенные на земле, долго задвигала занавеску, открыла кран и задохнулась от потока хлынувшей из бочки ледяной воды. Услышала, как захохотал Юрий,

– Ничего, привыкнешь! – крикнул он.

– Вода уже остыла. А днем она теплая, – оправдывалась мать.

Ужинали во дворе. Мать наварила щей, Юрик с Ветой молчали. Ольга говорила без умолку. Юрик планирует веранду к дому пристроить, дом покрасить...

– Я пойду погуляю, – сказала Вета. Сидеть рядом с Юриком и слушать мать она больше не могла.

Вета дошла до края поселка и свернула на тропинку в лес. На поляне горел костер, стояла машина, из которой орала музыка. На поваленном бревне сидели ребята. Курили, пили вино.

– Здравсьте, – поздоровалась Вета.

– Привет, – ответила одна из девушек. – Ты откуда?

– Из поселка, – сказала Вета.

– А какой дом?

– С зеленой крышей.

– Напротив Ненашевых, что ли?

– Да.

– Так ты Лизкина подружка? Тебя Вета зовут?

– Да, а откуда вы знаете?

– От Лизки. Она с нами в прошлом году тусовала. А где она?

– Не знаю, Давно не видела.

– Вина хочешь?

– Хочу.

Вете передали бутылку вина и угостили сигаретой.

Она сидела и смотрела на костер. Ребята обсуждали, кто из друзей уже приехал, а кто собирается. Договаривались поехать завтра на плотину купаться.

– Ты поедешь с нами? – спросила девушка.

– Не знаю, – сказала Вета.

– Поехали.

Вета просидела с ребятами у костра до четырех утра, чему была только рада. Правда, очень хотелось спать. Спать в одном доме с Юриком Вета не собиралась. Она зашла в сарай, в котором стояла старая раскладушка и лежало ватное отсыревшее одеяло. Вета легла на раскладушку и тут же уснула. Проснулась от пинка. Открыла глаза – над ней стоял Юрик.

– Прошлялась всю ночь, шалава? А перед матерью целку из себя строишь, – ухмылялся Юрик.

– Отвали, – огрызнулась Вета.

– Чё неласковая такая? Повеселее с будущим папкой. – Юрик подошел ближе и наклонился к Вете. – Ты это, кончай выкаблучиваться. Если мать хочет, чтобы мы с тобой подружились, так делай вид, что я тебе нравлюсь. А то я с тобой еще раз поговорю. По-другому.

Вета лихорадочно соображала, что делать. В сарае лежали доски – Юрик привез для строительства веранды. Доски были плохие – неровные, в некоторых торчали гвозди. Кривые и ржавые. Вета встала с раскладушки, собираясь выйти из сарая. Юрик шутливо преградил ей выход.

– Пусти, – сказала она.

– Не пущу.

Вета со всей силы толкнула его прямо на доски. Юрик от неожиданности не удержался и упал всем телом.

– Твою мать, – заорал он, – сука!

Вета стояла и смотрела, как Юрик пытается подняться. Он упал прямо на торчащий из доски гвоздь. Распорол руку. Глубоко.

На крики прибежала Ольга.

– Что случилось? – кинулась она к любовнику.

– Он оступился и упал. Сам виноват. Надо было доски нормальные покупать, а эти вон, все с гвоздями, – сказала Вета матери. – Ничего, до свадьбы заживет. Правда, Юрик?

Юрик зажимал рукой рану и скрипел зубами.

Вета вышла из сарая и пошла в дом – переодеться и поесть.

На дороге сигналила машина. Вета вышла за ворота. Оказалось, что гудели ей. Ребята ехали на плотину.

– А это кто? – спросила Вета свою вчерашнюю знакомую. Она кивнула в сторону одного из парней.

– Сашка, что ли? – ответила та. – Он с Ленкой-Скутером.

– А почему она Скутер? – спросила Вета.

– Не помню уже. Их дом стоит там, где раньше хутор был. Была Ленка с хутора, потом стала Ленкой-Скутер.

– Смешно. А у них роман?

– Да какой там роман? Трахнул ее здесь на плотине. Но она на него запала. Как напьется, лезет к нему. А до этого он спал с Риткой-Панадолом. Вон та, с жопой, перетянутой стрингами.

– А почему она Панадол?

– Потому что в аптеке работает. Провизором. Но у Ритки хахаль есть. Сашка голый по поселку убегал, когда тот неожиданно нагрянул.

– А тут у всех прозвища?

– Да нет, не у всех.

– А кого еще как зовут?

– Лизку прозвали Плотвой.

– Почему Плотвой?

– А на том участке, который Ненашевы купили, раньше девка жила. Ее Плотвой звали. Блядь местная. Ну, не блядь, но давала всем. Ну и Лизке ее прозвище перешло вместе с домом.

Вечером они опять собрались у костра. Часа в три утра решили расходиться. Сашка пошел провожать Вету. Им было по пути. Вета ежилась от холода, и Сашка отдал ей свой свитер. Свитер пах костром.

– Не хочу домой идти, – сказала Вета.

– Не проблема, пошли ко мне, – предложил Сашка,

– Неудобно как-то.

– Да ладно. Через веранду пройдем, мои не проснутся.

– Ладно.

Они дошли до Сашкиного дома. Пробрались в его комнату. Сашка светил зажигалкой. Легли вместе на широкую кровать. И сразу же уснули. Утром Вета проснулась одна. Джинсы натерли живот. Сашки не было. Со двора доносились голоса. Вета лежала и думала, как выйти, чтобы не заметили его родители. Вспомнила, как они пробирались через открытое окно. Она встала, открыла окно и спрыгнула на траву. От Сашкиного до своего дома она бежала. Почему бежала? Никто не гнался.

Дома никого не было. «Наверное, на станцию за продуктами поехали», – подумала Вета и пошла в душ. Только успела надеть чистую футболку, как со стороны ворот кто-то начал сигналить. Вета вышла посмотреть. За воротами на мотоцикле сидел Сашка.

– Привет, ты куда испарилась? – спросил он.

– Вылезла через окно, – сказала Вета.

– А чего через дверь не вышла?

– Не знаю.

– Ладно, поехали.

– Куда?

– Увидишь.

Вета села на мотоцикл. Они доехали до берега реки.

– Пойдем купаться? – предложил Сашка.

– У меня купальника нет.

– Ну и что?

Речка, тишина, песок, ощущение спокойствия – было хорошо.

– Поехали ко мне, – предложил Сашка.

– Поехали, – согласилась Вета.

При дневном свете она рассмотрела их участок. Большой, заросший крапивой и старыми кустами малины. За пластмассовым столом сидела женщина необъятных размеров и резала огурцы. Дорезала и потянулась к помидорам. Потом ей понадобилась бутылка масла, стоявшая здесь же на прикрытой клеенкой тумбочке. Женщина не дотянулась и стала тяжело вылезать из пластмассового стула. Она вытаскивала себя по частям, как будто снимая с себя этот стул. Взяла масло и тяжело плюхнулась назад. На земле остались глубокие следы – ямки, продавленные ножками.

– Мам, это Вета, – сказал Сашка и ушел в дом.

– Здравьете, – сказала Вета женщине.

– Здравствуй, ты дочь Ольги? – спросила женщина.

– Да, – ответила Вета.

– Скажи Юрке, чтобы больше водку Генке не привозил, – сказала Сашкина мама, намазала себе хлеб маслом и стала с удовольствием есть только что нарезанный салат.

– Хорошо, скажу, – ответила Вета. Кто такой Генка, она не знала.

Откуда-то из кустов вышла старушка в купальнике. Маленькая, поджарая, шустрая. Старушка на ходу растиралась полотенцем.

– Все жрешь? – спросила старушка, проходя мимо Сашкиной матери. Старушка сунула нос в чашку с салатом. – Я же просила не лить столько масла.

Сашкина мать даже жевать не перестала. Старушка скрылась в доме. С другой стороны участка появился мужчина.

– Раюша, а Сашка вернулся? – спросил мужчина.
– Да, а что? – Сашкина мать доедала салат.
– Надо бы на станцию съездить, – сказал мужчина.
– Обойдешься.
– Заказик бы обмыть.
– Сделай сначала, потом обмывать будешь.
– Раюш, а поесть есть что?
– Уже нет. – Толстая женщина запихнула в рот последнюю ложку салата.
– О, здравствуйте, а вы кто? – Мужчина увидел Вету.
– Это Вета, Ольгина дочь, – сказала Сашкина мать.
– Светочка, а Юра дома? – оживился мужчина. Вета поняла, что он и есть Генка.
– Не знаю, – сказала Вета. – Я Вета.
– Да, да, Светочка. Пойду к нему схожу, – доложил мужчина и пошел к калитке. По дороге ткнулся в старую яблоню.

Старушка – Ариадна, именно так она просила себя называть, – оказалась Сашкиной бабушкой, матерью его отца, некогда известной в профессиональных кругах скульпторшей. Ариадна всю жизнь лепила лошадей. То ли по стечению обстоятельств, то ли усилиями Ариадны, жили они в доме напротив ипподрома, в четырехкомнатной квартире, не считая двух кладовок, с маленькими комнатками и узкими темными коридорами. Одну комнату занимала огромная кровать, на которой спала Рая – Сашкина мать. Другая комната была Сашкиной. Третья – окнами на ипподром – Ариадны. Четвертая была приспособлена под мастерскую. Гена – Сашкин отец – спал в кладовке.

Хозяйкой квартиры и главой семьи была Ариадна. Невестку она ненавидела. Внука любила, как любят не очень способных, но очаровательных бездельников. Сына считала талантливым, но безвольным.

Гена пошел по стопам матери – стал скульптором. Но лепил не лошадей, а собак. Пока существовал Советский Союз, у Гены были выставки и деньги. Гену сломал рынок. Он умел лепить собак, но не умел их продавать. В отличие от Ариадны, которая лошадиные морды и крупы поставила на поток. За клиентами Ариадне не нужно было далеко ходить – только перейти через дорогу и зайти на ипподром. Там она находила не только работу, но и страсть. Ариадна еще с молодости пристрастилась к бегам – делала ставки, выигрывала, спускала гонорары. Играла и в старости. На ипподроме ее знала не только каждая лошадь, но и весь персонал. Поговаривали, что Ариадна могла позволить себе не только крупную ставку, но и молодого конюха. Никто не знал, сколько точно ей лет. Шутили, что она ровесница ипподрома.

Гена и раньше пил, когда творил. Но это было оправданно. Потом он пил во время творческого кризиса, потом – во время развода с первой женой, бросившей его ради еврея из Хайфы. Кстати, та первая жена, принявшая в Хайфе гиюр, до сих пор дружила с Ариадной. Та считала первую невестку девушкой разумной, потому что только разумная девушка может бросить ее сына и выйти замуж за еврея, и лично провожала ее в Израиль. Новая невестка – Рая – Ариадне активно не нравилась. Но у них с сыном давно была отдельная жизнь – в разных комнатах, пусть и в одной квартире. Ариадна водила в свою комнату конюхов, Гена в свою – девушек, не чуждых искусству.

Рая была молодой и мягкой. Она была мягкой не только снаружи, но и внутри. Так показалось Гене.

Сын Сашка тяжело дался Рае. Что-то случилось с гормонами, и пухленькую Раю понесло во все стороны. Впрочем, Рая и не пыталась бороться с весом – от еды она получала больше удовольствия, чем от семейной жизни. Больше всего Рая любила бутерброды – свежий белый хлеб, масло и докторская колбаса. А еще вафли. Гена пил, Рая ела. Свекровь она ненавидела на физиологическом уровне. У Ариадны было роскошное, несмотря на возраст, тело – ни целлюлита, ни варикоза. У Раи же голубая сеточка вен на ногах перетекала в синие борозды, тянущиеся к отеку лодыжек. Рая ревновала Ариадну к первой жене Гены. Та звонила иногда из Хайфы и подолгу болтала с Ариадной. Рае поговорить со свекровью было не о чем. У них были разные представления о том, что хорошо, а что плохо.

Например, когда Сашка в первый раз привел домой девушку, Рая не спала всю ночь, прислушиваясь к звукам, доносившимся из комнаты сына. Утром она устроила скандал. Но на сторону внука встала Ариадна, и Рае пришлось замолчать. А через некоторое время к ней пришла та самая девушка. Она плакала и говорила, что не знает, что делать. Девушка забеременела. Рая мысленно готовилась к скоропалительной свадьбе сына и перспективе стать бабушкой, когда на кухне появилась Ариадна. Посмотрела на заплаканную девицу и вышла. Вернулась и положила на стол сто долларов. Девушка цапнула со стола деньги и убежала. Рая так и осталась сидеть за столом с надкусанным бутербродом в

руке.

А что она могла сделать? Рая пыталась работать – на домашнем телефоне. Единственный доступный ей вид деятельности. Но это были копейки. Деньги в семье зарабатывала свекровь.

Вета понравилась Ариадне. Она это чувствовала. С ее подачи она и стала жить в их квартире. Вета хотела понравиться. Вытирала пыль с лошадиных грив и собачьих морд – этими фигурками были заставлены все полки. Жарила окорочка тете Рае, обильно поливая их кетчупом, сидела в каморке дяди Гены, слушая про его прошлую, счастливую жизнь, в которой была работа. Вету в семье Сашки считали девочкой разумной. Тетя Рая просила ее поговорить с Сашкой о будущем. Вета обещала.

Сашка, устроенный бывшим любовником Ариадны в институт, вылетел, завалив два экзамена и три пересдачи в летнюю сессию. Бывший любовник договорился об академке. Сашка обещал, что будет учиться. Пока же проводил время с дачными друзьями.

В очередные выходные Сашка решил поехать на дачу. Вета отказывалась – не хотела встречаться с матерью и Юриком.

– Да ты их и не увидишь. Будем жить у меня, – сказал Сашка. Вета согласилась. Тетя Рая тоже уговаривала ее поехать – присмотреть за Сашкой, чтобы тот не напился.

На даче пошли в дом Сашкиного друга. Друг обещал сауну. Народу собралось много. Выпивки тоже хватало. У Веты были месячные, и она сидела в комнате отдыха, завернувшись в простыню. Париться и купаться в маленьком бассейне не хотелось. Вета никак не могла решить – заходить к матери или нет. Через некоторое время она пошла искать Сашку. Нашла его в бассейне. Вместе с Лизкой. Лизка, голая, лежала на воде, держась локтями за бортик. Сашка сидел на бортике рядом и что-то ей говорил. Вета вышла. Они ее не увидели.

Она оделась и пошла к себе. Вета не сомневалась, что, если Лизке будет надо, она переспит с Сашкой. А тот не откажется.

* * *

Дома она застала мать и тетю Наташу. Юрика не было. Мать с теткой, как всегда, ругались. Вета услышала их крики, когда только вошла в калитку. Она хотела развернуться и уйти. Но уходить было некуда.

– Привет, что случилось? – спросила Вета.

– Ты откуда? Когда приехала? – засуетилась мать.

– Я с Сашкой. Решила зайти к вам, – ответила Вета.

– Ты хоть о Ветке подумай! – заорала, набрав воздуха в легкие, тетя Наташа.

– А кто обо мне подумает? Она, что ли? Вильнула хвостом и живет с кем придется. Где она, что она? Ей наплевать, что с матерью! – кричала Ольга.

– Потому и ушла, что дома жить не может. С этим козлом. Ты последние мозги растеряла? Да наверняка он уже и к Ветке приставал.

– Не смей так о нем говорить. Ты его не знаешь. У тебя грязь внутри, так ты всякую гадость и о других думаешь.

– Что случилось-то? – спросила Вета.

– Твоя мать сошла с ума. Они, видите ли, подали заявление в ЗАГС, – ответила Наташа.

– Понятно. Поздравляю, – сказала Вета.

– Я же не против, дело твое, – продолжала тетя Наташа, обращаясь к сестре, – прописывай его, только без права на имущество.

– А что, просто так нельзя жить? Обязательно штамп ставить? – спросила Вета мать.

– Почему никто не может понять, что я хочу семью? Обычную, нормальную семью. – Ольга заплакала.

– Найди себе мужика нормального и строй с ним семью, – перестала орать Наташа.

– Мам, он правда ко мне приставал, – вдруг сказала Вета. Специально сказала. Она тоже хотела семью. Обычную, нормальную семью. И дом. Свой дом. Где ее ждут.

– Этого не может быть. – У Ольги в момент высохли слезы, и она опять заорала: – Ты такая же, как она! – Ольга ткнула пальцем в Наташу. – Или вы сговорились? Как вы можете? Что вы вообще понимаете?

– Мам, а ты у Юрика спроси.

– А что у него спрашивать? – сказала Наташа. – Он скажет, что ты все выдумала, лишь бы матери все испортить. Так он тебе и признался. Козел, увижу – убью.

– Ладно, я пойду, – сказала Вета. – Мам, вы еще здесь будете? Я тогда в квартире поживу.

– А что твой Сашка? Уже выставил тебя? И правильно сделал. Ничего, у тебя не задержится, так и будешь по койкам скакать. Это она на тебя насмотрелась! – заорала Ольга. Последняя фраза была

адресована сестре.

- Я тоже поеду, не могу больше это слушать, – сказала Наташа. – Тебя подвезти?
- Да, только вещи из Сашкиного дома заберу, – обрадовалась Вета.
- Они ехали в Москву. Наташа срывала зло на дороге. Подрезала, гнала, не уступала.
- А Юрик правда к тебе приставал? – спросила она племянницу.
- Правда. Он меня изнасиловал, – сказала Вета. – И угрожал, что мать покалечит.
- Что же ты молчала?
- А что говорить? Мать все равно не поверит. Ты же сама сказала, что он отрицать все будет.
- Мне бы позвонила. Или в милицию бы заявила.
- Боялась.
- Ладно, по-хорошему, видимо, с ним не получится.
- А дядя Петя ничего не может сделать?
- Он слышать ничего про Юрика не хочет. Говорит, что я во всем виновата и заварила эту кашу.

Кто ж знал, что Ольга с ним свяжется? Вот дура. Как не было мозгов, так и нет. Ты тоже хороша. Сидела и молчала.

Остаток дороги ехали в тишине. Наташа довезла Вету до дома.

- Ладно, пока, если что – звони.
- Если что – что?
- Не знаю. Звони.

* * *

Вета села на лавочку перед подъездом, домой подниматься не хотелось. Хотя очень хотелось позвонить Сашке. Узнать, где он и с кем. Наверное, еще на даче. С Лизкой.

- Вета, ты? Чего тут сидишь? – услышала Вета. К ней шла одноклассница Танька.
- Привет. Воздухом дышу.
- Что-то случилось?
- Мать собралась замуж. За Юрика. Помнишь, я тебе рассказывала?

Таня села рядом. Достала сигарету, закурила.

- А твои как дела? – спросила Вета.
- Работаю.

- В парикмахерской?
- Нет, уже в салоне. Слушай, а может, нам на двоих квартиру снять? Или комнату?
- У меня денег нет. Я же учусь.
- Понятно. А занять не у кого?

– Не знаю, может, тетя Наташа даст? Давай я спрошу и тебе позвоню в ближайшие дни. Ты пока подыщи что-нибудь.

- Договорились.

Вета позвонила тетке. Внутренне она была готова к тому, что та денег не даст. Но Наташа даже обрадовалась, что Вета хочет жить отдельно. Дала пятьсот долларов. Вета позвонила Тане – та уже перебралась в новую квартиру.

- Приезжай хоть сейчас, – сказала Таня.

Вета собралась и переехала.

Они сидели на диване и смотрели сериал. Беседовали. Сначала осторожно, а потом ничего – разговорились. Таня рассказала, почему ей нужно было отдельное жилье – дома брат. Вета рассказала про мать и Юрика-дурика.

- У тебя деньги есть? – спросила Таня.
- Пятьсот долларов, тетя дала на квартиру. Больше нет, – ответила Вета. – А что?
- А давай я брату скажу, он с этим Юриком разберется. За дозу он что угодно сделает.
- Не знаю, страшно как-то.

– А когда Юрик тебя насиловал, не страшно было? Да не волнуйся, он ему ничего не сделает. Просто поговорит. Вдруг получится? Ты говоришь, он от твоей тетки отстал, когда его припугнули? Вот и сейчас припугнут,

С Таней было легко жить. Вета из училища возвращалась раньше и ждала Таню с работы. Все время хотела спросить: «Ну что? Поговорил?» – но как-то не решалась. Таня молчала. Зато позвонила тетя Наташа и в крике сообщила, что Ольга ездит и ищет свадебное платье и новый костюм. Ветина мать захотела настоящую свадьбу, по всем правилам – с фатой, платьем, куклой на капоте машины и рестораном. Таковую, какая была у сестры. Наташа почти визжала от возмущения.

- Что случилось? – спросила Таня, когда Вета положила трубку.

– Мать покупает платье. Хочет настоящую свадьбу.

– Понятно, – сказала Таня.

Ольга тоже позвонила дочери. Ветин переезд она не заметила. Во всяком случае, так показалось Вете. Мать даже не спросила, на какие деньги и с кем Вета живет.

– Веточка, может, ты съездишь со мной в магазин? Я никак не могу выбрать. Там есть два платья. Оба красивые. Посмотришь, какое мне больше идет, – сказала Ольга.

– Нет, мам, я не могу. У меня занятия. Пусть Юрик скажет.

– Нет, я не хочу, чтобы он меня видел в свадебном платье. Это плохая примета.

– Мам, тебе сколько лет? Какие приметы? Я не поеду с тобой. И кстати, в ресторан я тоже не пойду. Не хочу. Я лучше тебя отдельно поздравлю.

– Как ты можешь? Ладно Наташка. Но ты – моя дочь. – Ольга начала плакать. – Я что, о многом прошу? Придут Юрины родственники – брат с женой, а с моей стороны никого? Это же просто неприлично.

Вета догадалась, что тетя Наташа тоже отказалась идти за платьем и в ресторан.

Мать позвонила через неделю. Плакала.

– Мама, почему ты плачешь? – спросила Вета.

– Это ты во всем виновата. Я же видела, как ты на него смотришь, – рыдала Ольга.

– В чем я виновата?

– Юра пропал. И вещи забрал. Я с работы пришла, а его нет. И вещей нет. Он меня бросил.

– А я тут при чем?

– Ты эгоистка. Я же для тебя старалась, чтобы у тебя семья нормальная была. А ты только хамила ему. Вот он и ушел.

– Мам, прекрати. Ты говоришь ерунду.

– Или ты, или Наташка – больше некому. Что вы ему сказали? Что вы сделали?

Вета положила трубку. Не могла больше слышать истерику матери.

Вечером с работы пришла Таня.

– Юрик бросил маму, – доложила Вета.

– Ну и слава богу, – спокойно сказала Таня. В дверь стучали. Не звонили, а стучали. Ногой.

– Я открою, – сказала Таня. – Сиди в комнате.

Вета из комнаты слышала, как Таня открыла дверь и с кем-то разговаривает. С мужчиной.

Вета вышла посмотреть, кто пришел.

В коридоре стоял молодой парень. Станный. Глаза странные.

– Я же тебе сказала – потом, – говорила Таня. – Зачем ты сюда приперся?

– Танька, мне сейчас нужно. Давай неси, – говорил парень. Он ежился, как будто замерз.

– Уйди отсюда.

– Не-а, пока не дашь, не уйду. Давай, как договаривались. Меня там это – ждут.

Парень плюхнулся на пол прихожей.

– Ты же его наверняка обобрал.

– Не твое дело.

– Ладно, сейчас, – сказала Таня и потащила Вету назад в комнату.

– Деньги есть? – спросила Таня.

– Есть те, что на квартиру тетя дала. А это кто?

– Брат мой, Костя.

– А что он такой странный?

– Наркоман. Дай пятьдесят баксов. С него хватит. Давай скорей, пусть уже валит отсюда.

Вета достала деньги и отдала Тане. Они вышли в коридор.

– На, держи. И чтоб я тебя больше не видела, – сказала Таня Косте.

– Ой, ой. Ладно, не парься. Уже ухожу, – сказал Костя, поднимаясь с пола. – А это твой мужик-то? – спросил он у Веты.

– Нет, не мой, а что? – Вета уже поняла, что речь идет о Юрике.

– Да мне по х... чей.

– А вы его что, убили? – Вета испугалась.

– Не-а, а что, надо было?

– Нет, не надо.

Вета окончила училище, но в консерваторию поступать не стала. Понимала, что не потянет. Да и жить на что-то нужно. Устроилась в музыкальную школу. Взяли сразу, платили мало. Танька советовала набрать частных уроков. Как делали другие преподаватели. Но Вета уставала от детей и на работе. Усталость была взаимной – ученики ее не любили и еле высиживали за инструментом.

Бегство Юрика окончательно рассорило Ольгу с дочерью и сестрой. Наташа приезжала к Ольге – успокоить, но закончилось все скандалом. Вета тоже приезжала к матери. Смотрела на нее и корила себя за то, что сделала. Мать сдавала на глазах.

Ольга начала попить. Сначала по рюмке коньяку на ночь, потом с обеда. Первое время она пыталась найти Юрика. Звонила ему домой, выспрашивала у брата и невестки, где он. Но те отвечали: «Уехал», «Здесь больше не живет». Куда уехал, не говорили. Ольга прокручивала в голове их с Юриком последние дни. Гадала, может, он обиделся на что? Или она что-то сказала? Или все из-за свадьбы? Но Юрик сам предложил расписаться. Ольга так и не поняла, почему он пропал. Знала, что точно не из-за нее. Она и Пете звонила – думала, что Наташка мужа подговорила, и тот опять вмешался. Но Петя резко сказал, что про Юрика и слышать не хочет. Значит, Вета. Из-за нее он пропал. После коньяка Ольга начинала думать, что Вета тут ни при чем – она совсем еще девчонка. Что она могла такого сделать?

Вета волновалась, что мать сопьется, но Ольга нашла себе занятие поинтереснее. Она стала ходить по гадалкам и колдуньям. Снимать обет безбрачия, искать разлучницу, наказывать неверного возлюбленного, возвращать возлюбленного. Ольга верила каждой. Потому что как же не верить – гадалки говорили всю правду про прошлое: и личная трагедия была, и ребенок остался, и родственники плохого желают. Дальше гадалки расходились во мнениях – то Юрик ушел к молодой, то не ушел, а пропал в другом, чужом, месте, то он где-то рядом и скоро вернется. Ольге и раньше до зарплаты не хватало, а теперь она жила в долг – все уходило на амулеты, обереги, привороты...

Вета жалела мать. С Юриком она была более нормальной. Вета хотела помочь, но не знала как. Делала что могла – приезжала, когда матери не было дома, и оставляла деньги.

С Сашкой Вета встретилась случайно. Она приехала на дачу на выходные. Вета и раньше приезжала на дачу – с тяжелыми ногами, чувствуя, как колотится сердце. Зачем она сюда ездила? Мать не появлялась здесь с тех пор, как пропал Юрик. На даче слишком многое напоминало о нем. А Вета надеялась, что когда мать образумится, то снова будет приезжать, и нужно, чтобы дача была в приличном виде. Вета убирала, пыталась дергать сорняки на цветочных клумбах.

Поселок быстро менялся. От Сашкиного покореженного забора ничего не осталось. Там построили один забор на три участка. Но Вета вздрагивала, когда слышала гудок машины. Ей казалось, что там ее ждет Сашка на мотоцикле. На дороге стояла другая машина – автолавка. Вета шла туда, надеясь в очереди за макаронами и сосисками встретить тетю Раю или дядю Гену. Или видела чью-то обнаженную спину и дергалась всеми внутренностями – Сашка. Оказывался не Сашка, а другой, незнакомый, парень, совсем еще мальчик.

На плотине она тоже оглядывала пляж, угадывая знакомые плавки и полотенце. Она специально надевала самый красивый купальник – на всякий случай. На случай Сашки. На тот же случай красила ресницы. А потом расслабилась.

То, что Сашка женился и родил ребенка, Вета знала от Лизки. Та объявлялась периодически. Они даже встречались – раз в год. На дне рождения. Лизка свой отмечала всегда и всегда приглашала бывшую близкую подругу. Вета каждый раз идти не собиралась, но все равно шла. Лизка не менялась совершенно. Ни внешне, ни внутренне. Развлекалась, меняла мужчин. Вета думала, что и Сашка не изменился. И жена – это, как Ритка-Панадол или Ленка-Скутер, явление дачное, сезонное.

Вета увидела его на плотине и даже не сразу узнала. Она помнила молодого парня с прыщами на спине, а к ней подошел мужчина с наметившимися складками на талии.

– Вета? – спросил он.

– Да, – ответила Вета. Она давно перестала красить на пляж ресницы и была в старом, не самом удачном купальнике.

– Привет, – сказал Сашка.

– Привет.

Вета его не узнавала. Он стал взрослым. Должен был остаться тем, прежним, а не этим мужчиной с брюшком и растяжками. О том, как изменилась она за это время, Вета старалась не думать.

– Как живешь? – спросил Сашка, присаживаясь на полотенце. Вета потянулась за темными очками и поправила купальник. Она тоже села, сделав вдох, чтобы втянуть живот.

– Нормально, а ты как? Говорят, ты женился?

– Да, женился.

– А где жена?

– На своей даче. С ребенком.

– А кто у вас?

– Мальчик. Денис.

– Здорово. Поздравляю.

– А ты не вышла замуж?

– Нет. Работы много. Как твои родители?

- Нормально. Ариадна умерла. Мать сделала операцию на желудке, чтобы похудеть.
- А я не знала, что Ариадна умерла. Она же так хорошо держалась.
- Ей было восемьдесят шесть.
- Никогда бы не подумала.
- Может, встретимся как-нибудь в Москве, кофе попьем?
- Обязательно. Позвони мне.

Сашка записал номер ее мобильного. Вета думала, что он никогда не позвонит. Жена, ребенок. Но ошиблась. Сашка позвонил в понедельник. Договорились встретиться вечером, после работы. Сели в кафе. Вета рассказала, что снимает квартиру, работает. Больше ничего рассказывать не хотела. Да Сашка и не спрашивал. О себе рассказывал скуп.

- Поехали ко мне, – предложил он, когда кофе у Веты уже стоял поперек горла.
- Куда? В твою квартиру?
- Да.
- А жена?
- Она еще на даче.
- А ты ей изменяешь?
- С тобой – да. Изменяю.

Сашка ездил на старой отцовской «Ауди». Вета помнила эту машину. Ее купила Ариадна на гонорар. Даже пошла в автошколу. Ариадна отучилась, получила права и за руль так и не села – боялась. Не за себя, за машину. Наверное, она считала ее железным конем. Конь – это лошадь. А лошадь для Ариадны была священным животным. Ариадна отдала «Ауди» сыну с единственным условием – возить ее, когда ей понадобится и куда понадобится. Ариадна воспользовалась условием один раз – попросила отвезти ее в больницу. Из больницы она так и не вышла.

- А куда мы едем? – спросила Вета.
- В Бутово. Это квартира жены. Мы здесь живем.

Они припарковались перед типичной новостройкой. Свежей и голой. Посаженные вокруг дома деревца качались на ветру, держась корнями за потрескавшуюся обезвоженную землю.

- Подожди, я посмотрю на детской площадке, – сказал Сашка, воровато оглядываясь по сторонам.
- Ты же сказал, что жена на даче.
- Здесь могут гулять ее подруги со двора.

Сашка пошел вперед, оглянулся и кивнул Вете – можно идти. Вета быстро прошла к подъезду. Сашка уже держал лифт.

Квартира была территорией ребенка. В коридоре стоял маленький велосипед с длинной ручкой, на диване сидели, прижавшись друг к другу, заяц и мишка – оба размером с пятилетнего ребенка.

- Есть хочешь? – спросил Сашка.
- Хочу, – ответила Вета.

Они сидели на кухне. Сашка открыл морозилку и достал одноразовый контейнер. Переложил содержимое в тарелку и засунул в микроволновку. Через минуту Вета почувствовала запах печенки, которую ненавидела с детства. Ее даже затосило. То ли от запаха, то ли от волнения, то ли от самой ситуации. Сашкина жена, прежде чем уехать на дачу, приготовила эту печенку, уложила в пластмассовый контейнер, поставила в морозилку – чтобы муж не умер с голоду. Хорошая жена. Заботливая. Вета пошла в ванную. Там стоял детский горшок в форме собачки. Лежала открытая упаковка женских прокладок на каждый день.

- Когда Вета вышла из ванной, Сашка уже лежал на разложенном диване.
- Я тебе там печенку оставил, – сказал он.
- Спасибо, я не хочу.
- Тогда иди ко мне.
- Сейчас.

Вета присела на край дивана. На шкафу стояли рамки с фотографиями – Сашка, Сашкина жена, сын, они втроем. Улыбаются.

- А ты жену любишь? – спросила Вета.
- Люблю, – ответил Сашка. Он выбирал диск.
- А почему тогда изменяешь?
- У нас разные темпераменты.
- Сашка наконец поставил диск и потянул Вету к себе.
- Давай поговорим. Расскажи мне, как ты жил.
- Теряем время.

Вета поняла, что Сашка изменился. Совсем. Он стал умелым любовником. Внимательным, чутким, с фантазией. Он предложил ей на выбор чуть ли не весь ассортимент магазина «Интим».

- Ты и с женой такой? – спросила Вета, когда они допивали вино, а Сашка ставил третий диск.
- Нет, она этого не поймет.

Сашка стал болтлив. Вета лежала на животе, а Сашка рассказывал ей про своих любовниц. Не про всех. Только про тех, в которых влюблялся. А Сашка был влюбчивым. В Вету он тоже, оказывается, тогда влюбился. И вспоминал ее. Вета лежала, слушала и морщилась. Постельное белье было несвежее. Наволочка на подушке пахла чужим потом, простыни смяты чужими телами.

Был бы это кто-то другой, Вета бы не подошла. Но Сашка был Сашкой. Она с ним встречалась раз или два в неделю. Иногда реже. Сашка забирал ее где-нибудь у метро. Вез чаще всего домой – жена могла позвонить именно туда.

Он даже думал снять еще одну квартиру или комнату – специально для встреч, в центре, между работой Веты и своей. Но все упиралось в деньги.

Вета привыкла к чужому белью и чужим полотенцам в ванной. В квартире Сашки чувствовала себя почти как дома. Знала, где что лежит, где что стоит.

Ей не нравились чашки – она бы такие не купила. И занавески – простоватые. И вообще она бы сделала все по-другому. И детскую, и гостиную.

Сашка дарил ей подарки – бессмысленные и никчемные. Кофейный сервиз, который она передарила маме. Белье не ее размера – подошло Таньке. Дарил цветы, которые она не успевала довести до дома – они засыхали, брошенные на пол.

Если бы Сашкина жена была страшной, то Вете было бы легче. Но жена, судя по фотографиям, была красива – с длинными ногами, плоским животом, несмотря на роды, лет на пять младше Веты и Сашки.

Сашка рассказал, что они познакомились на даче. Его жена приехала в гости к подруге.

- А чья она подруга? – спросила как-то Вета.

– Лизки. Она к Лизке приехала.

Это задело Вету больше, чем то, что Сашка женился.

– А Ариадна? Ей она понравилась? – Вета всегда говорила про жену «она». А Сашка никогда не называл Вету по имени. На всякий случай, чтобы вдруг не проговориться, когда с женой будет.

- Нет, Ариадна ее не застала.

Ариадна умерла, и их семья перестала существовать. Сначала ушла мать. Сколько лет собиралась – из-за Ариадны, а когда ее не стало, ушла. И не просто, а к другому мужчине. А ведь считала, что уже не женщина. Кусок мяса с жиром. Оказалось, нет. Женщина. И худеть начала ради мужчины, и на операционный стол легла ради него же. А он говорил «не надо», что она красивая. Рая не верила, требовала сказать ей это еще раз. Он повторял. Он для нее готовил. У нее кусок в горло не лез. Он хотел на ней жениться. Рая боялась сглазить счастье.

Дядя Гена был готов к тому, что матери рано или поздно не станет. А запил вчерную после того, как пришел домой и не увидел привычной картины – Рая за кухонным столом, не вставая, готовит себе очередное блюдо. Квартиру напротив ипподрома разменяли – Рае с Сашкой и Гене. Фигурки лошадей и собак, не разбирая, сложили в две картонные коробки. Одна – Рае, другая – Гене.

Сашка тоже решил жениться после смерти бабки. В новой квартире Рая жила с новым мужчиной. Сашка уехал в квартиру жены.

Вете хотелось думать, что, если бы была жива Ариадна, она бы свадьбы не допустила.

Жена Сашке звонила часто – и на мобильный, и домой. Сашка быстро выключал музыку и говорил, что работает. Вета молчала, слушая их семейные разговоры.

Как-то они столкнулись с Сашкиным соседом. В общем тамбуре стоял детский снежок. Здоровенный. Тяжелый. Вета его случайно задела. Снежок грохнулся. Сашка в это время уже запер третий замок – Вета еще смеялась, зачем ему три замка, – и отступить было некуда. Не успел бы открыть. На грохот из соседней квартиры вышел сосед.

- Здравсьте, – сказала Вета и кинулась поднимать снежок.
- Привет, Санек, – поздоровался сосед, рассматривая Вету, – с тебя бутылка.
- Не вопрос, – пообещал Сашка.

В другой раз кто-то позвонил в дверь.

- Кто это? – спросила Вета.

– Не знаю. – Сашка был испуган.

В дверь продолжали звонить.

- Может, ты в шкаф залезешь? – спросил Сашка.

– Ты с ума сошел? В шкафах прячутся любовники, а не любовницы. Не полезу.

– А вдруг это теща? Пожалуйста, на две минуты.
– Нет, не полезу. Я еще с ума не сошла. Ты сам решил у тебя в квартире встречаться. Вот теперь и выкручивайся.

– Тогда под кровать?

– Нет.

– Ну хотя бы в ванную зайди.

Вета собрала свою одежду и пошла в ванную. Оказалось, что пришли электрики проверять счетчик. Хотели отдать бумажку.

– Ну что, продолжим? – спросил Сашка, разобравшись с электриками.

– Нет уж, на сегодня мне хватит острых ощущений.

– Да ладно тебе.

– Найди другое место для встреч. К тебе я больше не приеду.

Но Вета приехала. Сашка уговорил ее остаться до утра. Они проспали. В восемь позвонили в дверь. Сашка вскочил и посмотрел в глазок.

– Жена приехала, – шепотом сказал он.

– Что теперь делать? – спросила Вета.

– На балкон, к соседке.

– Нет. Пусть твоя жена узнает правду.

– Не надо, пожалуйста, не сейчас. Я с ней поговорю. Потом. Но сейчас нельзя.

– Почему?

– Она беременная.

– Что?

– Что слышала. На шестом месяце. Ей нельзя волноваться.

– Почему ты мне не сказал?

– Зачем?

У Веты внутри все застыло.

Сашка вытолкал ее на балкон. Балкон был на две квартиры, разделенный перегородкой.

– Перелезай, – сказал Сашка. – Там старушка живет, сумасшедшая, Дарья Петровна. Постучись, она дверь откроет.

И Вета полезла, стараясь не думать о том, что делает. Десятый этаж. Перелезая, порвала юбку. Юбку было жаль больше, чем себя. Все было настолько странным, что даже казалось нормальным – что Сашка вытолкал ее на балкон, что она дала себя вытолкать, что лезет на высоте десятого этажа.

Вета постучалась в стеклянную дверь, придерживая порванную юбку. Дарья Петровна отодвинула занавеску, увидела ее и открыла. Даже не удивилась. Как будто Вета не в балконную дверь вошла, а во входную.

– Здравствуйте, – поздоровалась Вета, соображая, как объяснить соседке свое появление.

– Входи-входи, деточка. Только дверь закрой. Сквозняк, – сказала Дарья Петровна.

«Точно, сумасшедшая», – подумала Вета.

– Чайку будешь? – спросила старушка. И, не дождавшись ответа, поставила на стол чистую чашку. Вета решила, что отказываться неудобно. – Посмотри, какая прелесть. – Дарья Петровна сунула Вете плетеное кашпо.

Вета взяла изделие и оглядела квартиру. Дарья Петровна, судя по всему, была фанаткой макраме.

– Хочешь попробовать? – спросила Дарья Петровна и, опять не дождавшись ответа, протянула Вете нитки. – Вот так, это сюда, держи здесь.

Вета плела нитки и думала, что Сашку не хочет больше ни видеть, ни слышать. То, что у него есть ребенок, ее не то чтобы не смущало, просто она старалась об этом не думать. А от того, что он изменяет беременной жене, она впала в ступор. Хотя он никогда не говорил, что бросит жену, разведется... Вета и не спрашивала. Значит, у них все хорошо, раз второй ребенок будет. А что будет у нее?

– Вы извините, я пойду, – сказала Вета.

– Приходи еще, деточка, – пригласила Дарья Петровна.

«Точно, сумасшедшая», – опять подумала Вета.

Сашка позвонил через два часа.

– Все нормально? – спросил он.

– Да, – ответила Вета. – А что ты сказал жене? – Почему ее это интересовало, Вета не могла объяснить.

– Сказал, что в душе был, не слышал звонка.

– Понятно.

– Ну ты звони, не пропадай, – сказал Саша.

– Хорошо.

В следующий раз он объявился через несколько месяцев:

- Привет, как дела?
- Нормально, а как у тебя?
- Можешь меня поздравить.
- Поздравляю, а с чем?
- У меня родился сын. Вчера. Три сто, пятьдесят два сантиметра.
- Поздравляю.
- Ну, теперь мы можем встретиться?
- А ты разве не занят? Ну, сыном...
- Нет, их через пять дней только выписывают. Жене кесарево делали. Тебя забрать с работы?
- И мы поедem к тебе?
- А почему бы и нет?
- Саш, ты правда не понимаешь или прикидываешься?
- Что опять не так? Ну не хотела ты со мной встречаться, пока моя жена была беременная. Ладно. У каждого свои принципы. А сейчас-то в чем дело? Она родила. Если ты не хочешь, то так и скажи.
- Я не хочу.

Петя исполнил мечту тети Гени – уехал к отцу в Америку – после смерти Наташи.

Наташа разбилась на машине. Умерла сразу – подушка безопасности не сработала. В машине Наташа была не одна – с ней разбился молодой человек. Судя по паспортным данным, ему было двадцать четыре года. Кто он, Петя не знал. Как он оказался в машине – догадывался.

Это была не первая авария жены – Наташа царапалась, билась, цеплялась едва ли не каждый месяц. После истории с Юриком как будто специально. За полгода до смерти Наташа разбилась сильно – швы на рассеченном лбу, штыри в сломанном запястье.

– Ты больше не сядешь за руль, – сказал Петя.

– Ты наймешь мне водителя? – спросила Наташа.

Это был запрещенный прием. Петя замолчал. Они вообще в последнее время редко разговаривали. Наташа, едва задвигались пальцы на руке, села за руль новой машины, которую купил Петя.

Наташу Петя похоронил как положено – на престижном кладбище. Лично выбирал шрифт для надписи на памятнике – никакого курсива, строгие четкие буквы. Лично же выбирал цветы для цветника – скромный вереск. Оказалось, что у Наташи, кроме Ольги, Пети и Веты, никого нет. Так бы и хоронили втроем, если бы Ольга не развила бурную деятельность – искала бывших одноклассников, случайных знакомых, Петя морщился как от боли – ему и вправду было больно. На кладбище Петя хотел побыть один, но ему пришлось знакомиться. Ольга дозвонилась до Наташиной лучшей школьной подруги – и Петя принимал соболезнования от неприятной, замученной бытом тетки в кожаной куртке. Про эту лучшую подругу Петя слышал впервые. Ольга, воспользовавшись поводом, пыталась найти и Юрика. Но не нашла. Расстроилась, поговорив по телефону с Юриковой невесткой. Та не знала, где Юрик, и знать не хотела. Ольга попросила передать, что умерла Наташа. Невестка пообещала.

Там же, на кладбище, к Пете подошла незнакомая женщина. Петя заметил ее еще на входе – она как будто ждала кого-то. Когда он возвращался к машине, женщина кинулась наперерез.

– Можно с вами поговорить? – спросила она.

– Мы знакомы? – удивился Петя.

– Нет, я мама Жени.

– Какого Жени?

– Он тоже разбился. – Женщина вытерла платком уголки глаз.

– Соболезную. Чего вы от меня хотите? – Петя чувствовал, что сейчас сорвется.

– Компенсации. Женечка же умер по вашей вине.

Пете показалось, что он разговаривает с сумасшедшей, которая приняла его за другого.

– Почему по моей? Я-то тут при чем? Всего хорошего, – сказал Петя и невольно ускорил шаг. Женщина стояла и смотрела ему вслед.

Только уже в машине до Пети дошло: Женя – тот молодой человек, который разбился вместе с Наташей. Ее любовник. А эта женщина – его мать.

На поминках, которые Петя устроил в дорогом ресторане, сидели молча, под звук разливаемой официантами водки и морса.

Вета не могла есть – она думала о Наташиной однокласснице. Они в ресторане столкнулись в туалете. Вета зашла, но единственная уборная была занята. Она слышала звук льющейся мочи, смываемой воды. Слышала, как женщина за дверью кричит, натягивая колготки, и застегивает молнию на брюках. Одноклассница Наташи вышла, но руки мыть не стала. Подтянула привычным движением

лямку лифчика, состроила рожу в зеркало, крася губы. Достала из сумки флакон с духами и побрызгала под мышками. Подняла руку, наклонила голову и понюхала. Осталась довольна результатом и вышла.

К однокласснице – тетке в куртке – приехал муж. Быстро сожрал блины с блюда, опустошил бутылку водки – наливал сам, официанты не успевали – и сказал жене: «Поехали». Одноклассница еще долго что-то говорила Пете про Наташу, пока говорила, принесли горячее, одноклассница опять уселась на место, съела филе лосося на гриле и уехала. С тяжестью в желудке и облегчением во взгляде.

Когда уехала одноклассница, Ольга не выдержала.

– Это ее Бог наказал, – сказала она.

Петины круги под глазами стали еще темнее, и он тоже не выдержал.

– Вета, у меня, кроме тебя, родственников нет, – казал Петя. – Ты поняла?

Ольгу понесло.

– Да она тебе изменяла направо и налево! – закричала Ольга. Вышколенные официанты тут же сбежали на кухню. – Ты ей был не нужен. Ей никто был не нужен. Только о себе и думала, вот и осталась одна. Даже проводить ее в последний путь по-человечески некому. И вот скажи мне, – Ольга уже завелась, – может, ты хотел от нее избавиться? Ты зачем ей новую машину купил? Знал же, что она рано или поздно разобьется.

Из ресторана Ольгу вывела под руки Вета. Мать продолжала орать. Петя, зайдя на кухню и расслапившись, уехал раньше.

По дороге домой он думал, что хуже ему уже не будет. И теперь ему все равно. Петя решил поехать к отцу в Америку и к матери в Германию.

Петя знал, что отец болен. Альцгеймер. Знал, потому что ему звонила новая жена отца – Соня. Рассказывала, что отец еще помнит, а что уже нет. Петя слушал и посылал деньги. Все удивлялся – как Соня чувствовала, когда ему стоит звонить, а когда нет. Если у Пети дела в бизнесе не шли – не было и Сониных звонков. Если удавалось заработать – Соня звонила.

Он прямо из аэропорта приехал в дом отца. Его встретила еще молодая женщина. По голосу он понял, что это и есть Соня. Энергичная, чуть полноватая. Ничем не выдающаяся внешне. В джинсах и футболке. Соня отвела его в комнату отца.

Отец Петю не узнал. Соня, стоявшая рядом, сказала, что он никого не узнает. Но Петя подумал, что и без Альцгеймера отец бы его не узнал – слишком много лет прошло. Соня говорила, что сиделка стоит дорого, что давно собиралась переводить отца в специализированную клинику, где уход, и вот уже наконец сейчас все документы будут готовы. Это «наконец» Петю резануло, но он промолчал.

– Как Наташа? – спросила Соня. Женщины разговаривали пару раз, но внутреннего интереса не было у обеих.

– Нормально, – как всегда, ответил Петя. Он замолчал, хотел рассказать, что Наташи больше нет, но не стал. Соне это было неинтересно.

– А ты в какой гостинице остановился? – поинтересовалась Соня.

– Пока ни в какой, – ответил Петя.

Соня хоть и улыбалась, но Петя почувствовал, как она напряглась.

Она ушла в магазин – купить продукты для ужина, если уж Петя приехал без предупреждения. Петя прошелся по дому в поисках туалета, не удержался и заглянул во все комнаты. Искал себя – на фотографиях, расставленных на тумбочках. Тетя Геня говорила, что отец специально отбирал из альбома снимки сына, когда уезжал. Но с фотографий ему улыбался незнакомый мужчина – подтянутый, загорелый. Петя понял, что это отец, только потому, что фотографий с мужчиной было больше. Он один, с Соней, в компании друзей. На кровати лежал совсем другой человек. Петя еще походил по комнатам, не зная толком, что ищет. Следы, напоминавшие о нем, о Пете.

Когда Соня вернулась, Пети уже не было. Он улетел назад, в Москву, не попрощавшись, поняв, что с отцом его связывает только родимое пятно – на руке, чуть ниже локтя. На столе он оставил деньги – все наличные, что были.

В Москве он пробыл несколько дней – улетел в Германию, в Мюнхен. Номер телефона матери ему еще несколько лет назад дала Соня. Петина мать звонила бывшему мужу – интересовалась судьбой квартиры тети Гени. Соня тогда перезвонила Пете и нервно продиктовала мюнхенский номер – пусть сам разбирается с матерью.

Петя поселился в гостинице и набрал номер. Волновался, хотя давно, еще в подростковом возрасте, с юношеской категоричностью решил для себя: у него нет ни отца, ни матери. Есть только тетя Геня. Ответила запыхавшаяся женщина. Петя представился. Женщина не отвечала.

– Давайте встретимся, – предложил Петя. Он обращался на вы. – Где вам удобнее?

Женщина долго не могла выбрать место. Предлагала одно, другое, сама с собой спорила. Петя листал гостиничный путеводитель. Увидел название популярного туристического кафе и предложил его. Женщина, мать, радостно согласилась.

Петя пришел заранее. Сидел и смотрел на дверь, разглядывая входящих. В кафе было многолюдно. За столиками сидели и одинокие женщины, по возрасту вполне годящиеся Пете в матери. Несколько раз он собирался встать и уйти – глупо было подходить к каждой посетительнице кафе и спрашивать: «Простите, не вы моя мать?» Прошло уже сорок минут с назначенного времени. Петя допивал вторую чашку кофе, когда к нему подошла женщина и спросила:

– Петя?

Петя рассматривал свою мать. И она ему не нравилась. Не нравилось все: бесформенное грязное пальто, берет на неухоженной голове, лицо, руки...

Мать села, взяла меню, кофта в катышках съехала, и Петя увидел ее запястья. С белыми бороздками шрамов. Она не смогла удержать в трясущихся руках папку, отложила и схватила сумку. Повернулась, повесила сумку на стул. «Нервная какая-то», – подумал Петя. И тут же себя одернул. Конечно, она нервничает – все-таки такая встреча.

Мать пришла с мальчиком лет пятнадцати.

– Это Павлик, – сказала мать, – твой брат.

Петя с неприязнью посмотрел на мальчика – тот сидел с заносчивым видом, как будто своим присутствием делал одолжение и матери, и Пете.

Павлик внимательно рассматривал меню. Петя отметил – Павлик читал не слева направо, а справа налево. Его больше интересовали колонки цифр. Паршивец, как назвал его про себя Петя, заказал самые дорогие блюда.

Мать не знала, куда деть сумочку, шейный платок, ноги... За столиком было тесно. Она без конца извинялась за опоздание, за Павлика, которого почему-то нельзя было оставлять дома одного... Вдруг она спохватилась, опять схватила сумочку, долго перебирала содержимое, вытащила расческу с намотанными на зубья черными волосами, а потом – пакетик.

– Вот, это тебе, подарок, – торжественно сказала мать.

Пете стало неудобно. Он совершенно забыл, что нужно что-то дарить. Даже цветов не купил. Он развернул пакет.

– Спасибо большое, – сказал он. Мать расцвела.

В пакете лежали одноразовые пробники с какими-то косметическими средствами – кремом после бритья, лосьоном. Такие дают в магазинах. Бесплатно.

– Ты стал таким взрослым, – сказала мать.

– Да, – ответил Петя. Он не знал, что в таких случаях – при встрече с матерью, которую не видел много лет, не узнал и уже понял, что вряд ли захочешь увидеть снова, – говорят.

Мать рассказывала про Павлика. В какой школе он учится, как дома читает по-русски Толстого.

Павлик морщился и исподлбья зыркал на мать.

Петя предложил выпить за встречу. Попросил у официанта винную карту. Мать заказала водку. Выпила. Через пять минут с просящей улыбкой заказала еще. Петя понял, что мать если не пьет, то попивает.

Мать, с пылающими щеками, рассказала, что с мужем развелась. С Павликом живут на социалку. С гордостью сообщила секрет – если отключать отопление в одной комнате, то деньги, не истраченные на тепло, возвращают.

– А почему вы на работу не устроитесь? – спросил Петя.

– Не могу, – наклонившись над столом, как о сокровенном, сказала мать. – Я не могу улыбаться, когда мне не хочется. А они улыбаются. Ты же меня знаешь...

Петя свою мать совсем не знал, но кивнул.

– И чего ты мне «выкаешь»? Я же тебе мать, – хихикнула она.

Петя опять кивнул.

– А почему с мужем развелись? – Он постарался выбрать фразу, в которой не было бы местоимений.

– Он в Москву вернулся, – пожала плечами мать. – Ему там, видите ли, лучше. А я не могу назад. Павлик уже европеец. А правда, что в Москве на вещевых рынках все дешево? – переключилась вдруг она.

– Не знаю, – ответил Петя.

Они вышли из кафе. Петя сказал, что уже улетает. Мать с Павликом пошли провожать его до гостиницы. В автобусе – Петя хотел поймать такси, но мать повела его на автобусную остановку, и Петя послушно пошел – она опять полезла в сумочку и достала еще один пакетик.

– Совсем забыла. Я думала, вы проголодаетесь. – Мать достала два банана. Лежалые, с черными точками.

Павлик демонстративно отвернулся. Он вообще за все время не проронил ни звука.

– Петечка, а ты можешь мне лекарства прислать? – спросила мать.

– Лекарства?

Мать начала объяснять, что здесь, в Мюнхене, все успокоительные лекарства, даже самые простые, только по рецептам. А в Москве, ей рассказывали знакомые, без рецепта и дешевле. И какие хочешь. Матери нужны были сильные антидепрессанты.

– Хорошо, – сказал Петя, держа в руке полусгнившие бананы.

– Вот я тебе и список написала, – опять полезла в сумку мать. – Адрес мой на листочке, внизу.

Уже около гостиницы она расплакалась и кинулась к Пете обниматься. Ему стало неловко и противно – от матери пахло немытым телом и водкой. Но оттолкнуть ее он не решился. Только аккуратно снимал с себя ее руки. Но мать цеплялась за его рукава. Пришлось вести ее в бар гостиницы и совать в трясущиеся руки бумажные салфетки. Мать хлюпала носом и шумно сморкалась.

– Два коньяка и сок, – заказал Петя.

Павлик взял сок и демонстративно пересел за соседний столик. Он усиленно делал вид, что не знает ни Петю, ни женщину.

Мать, глотком опустошив рюмку, теребила салфетку и со всхлипами рассказывала Пете, как она не может больше жить. Нет никаких сил.

«Сорвалась» она, как выяснилось, не тогда, когда рассталась с отцом Пети. Она его сама бросила, о чем Пете сообщила с гордостью. А когда ее бросил второй муж – отец Павлика, которого мать любила больше жизни. Она попала в больницу – «с нервами». Страдала оттого, что не знала, как дальше жить без него. Но в больнице поняла, как жить – на успокоительном в лошадиных дозах. Когда таблетки закончились, жить опять расхотелось. За новыми нужно было ходить к психологам, которых Петина мать считала шарлатанами. Она полоснула по рукам бритвой.

– Ты знаешь, как долго я искала бритву, такую, опасную, как в России? – шептала, перегнувшись через стол, мать Пете. – Здесь только одноразовые станки. Ненавижу их всех. – Мать замолчала.

Петя в этот момент решал внутренний конфликт: заказать матери еще коньяка, чтобы продолжала рассказывать – он надеялся, что она вспомнит про него, про то, как переживала, оставив его маленьким, – или не заказывать? Он не хотел слушать про жизнь матери, в которой ему не было места. Она решила проблему сама – заказав водки. Официант посмотрел на Петю. Тому пришлось кивнуть.

Мать попала в больницу. Если бы не добрая соседка Света – знакомая, не то чтобы близкая, русская, тоже из Москвы, но на самом деле из Воронежа, только недавно переехавшая в Мюнхен, – неизвестно, что было бы с Павликом. Света забрала Павлика к себе.

– Светка – молодец. – Петя отметил, что мать уже плохо артикулирует. – Молодая, но знает, чего хочет. Она сильная. Я не такая. Представляешь, бросила мужа в Москве и приехала сюда одна, с сыном. И работу нашла. В жизни не пропадет. Умеет устроиться. Она этих немцев, которые за Павликом пришли, быстро построила.

Петя слушал с ощущением, что это – про Светку, которая всех строит, – уже где-то слышал. От Ольги, что ли?

– Я ведь и травиться пыталась, – продолжала откровенничать мать, – голову в духовку, думала, засуну – и привет. Так нет же. Здесь все электрическое. Не то что в России. У вас газовые духовки, правда? – с неподдельным интересом уточнила она.

Петя лихорадочно соображал, как остановить словесный поток этой сумасшедшей, чужой женщины. Он даже подумал, что ведь могла произойти ошибка. Не тот телефон. Совпадение. И это не его мать. Его мать не может быть такой.

– А Павел? – спросил Петя, имея в виду, что матери есть ради кого жить.

– А пусть его папаша забирает. – Мать дернула рукой и опрокинула рюмку. – Пусть попробует так, как я. А то плюнул и думать забыл.

Петя подумал, что на него мать с отцом тоже плюнули и думать забыли. Еще он думал о том, что так и не знает главного – как ее зовут. Петино свидетельство о рождении потерялось. Тетя Геня придумала, что маму зовут Соня. Но Петя знал, что не Соня. Хотел узнать – после смерти тети Гени. Но все откладывал.

Соня, которая вторая жена отца, когда диктовала Пете номер телефона его матери, тоже ее имя не назвала – только фамилию. Говорила «она» или «эта».

Мать всегда была для Пети без имени, просто мамой.

Петя больше никогда не посылал деньги Соне. Матери лекарства он тоже не прислал. Никто из женщин больше так и не позвонил. Петя не задумывался о причинах.

Вернувшись в Москву, он спал трое суток. Вставал, шел в туалет, что-то ел и опять ложился. Проснулся окончательно, полез в шкаф за чистой рубашкой, и его стошнило слизью желтоватого цвета – на вешалках висели вещи Наташи. Петя умылся и позвонил Вете.

– Приезжай заberi, – сказал он.

Вета приехала с Таней – чтобы быстрее разобрать шкафы. Но разбирать ничего не пришлось.

– Дядь Петь, а куда это девать? – испуганно спросила Вета, глядя на огромные коробки, аккуратно

расставленные в коридоре.

Петя к приезду Веты подготовился – вызвал бригаду ребят, занимавшихся переездом, и попросил все упаковать. Ребята упаковали на совесть – картонные коробки были аккуратно заклеены скотчем и подписаны: «Женские вещи», «Фотографии», «Разное».

– Куда хочешь, скажи адрес, – кивнул Петя в сторону бригадира. Ребята курили на лестничной клетке, готовые грузить коробки. Вета сначала хотела назвать свой домашний адрес, но испугалась, что у матери случится истерика. И назвала адрес съемной квартиры.

– Ты ничего себе не оставил? – спросила Вета у Пети. В квартире не осталось ни одного напоминания о Наташе. Вета специально заглянула во все комнаты, ища следы. Ничего. Наташина жизнь уместилась в три большие коробки и одну маленькую.

Петя дернулся и мотнул головой.

Вета не знала, что делать – нужно было ехать с грузчиками, но дядю Петю оставлять одного не хотелось.

– Давай я останусь, посуду хоть помою, уберу здесь, потом приеду, – предложила Таня.

– Давай, спасибо, – согласилась Вета.

Но вечером Таня не вернулась. Позвонила.

– Слушай, он какой-то странный, – сказала Таня, – я останусь здесь. Мало ли что? Вдруг с сердцем плохо будет?

– Спасибо, – обрадовалась Вета. Ей нужно было завтра рано на работу, а у Тани в салоне два выходных.

Когда Таня вернулась через два дня, Вета поняла, что что-то случилось. Таня старалась на нее не смотреть.

– Ну, как там он? – спросила Вета.

– Нормально, насколько это возможно, – ответила Таня.

– Поможешь мне с коробками? – спросила Вета. Коробки так и стояли неразобранные.

– Нет, я сегодня не вернусь, он попросил с ним побыть, – ответила Таня.

– У вас что-то было?

– Было.

– Тань, как ты можешь? Ладно, он. А ты? А тетя Наташа?

– Ее уже нет. А я ему нужна, – просто ответила Таня.

– Ой, тоже мне, нашлась святая. – Вета разозлилась. Сама от себя не ожидала. Не была готова к тому, что Танька переспит с дядей Петей. И то, что наговорила потом, было от злости. Говорила больно, о запрещенном. Про то, что Танька – дочка пьяницы, что ей захотелось из грязи в князи. Что где она, Танька, а где дядя Петя. Что дяде Пете все равно с кем спать сейчас, а Таньке только того и надо. Воспользовалась. Быстренько сориентировалась.

Таня молчала. Ничего не говорила. Уже уходя, сказала:

– Не сердись. Так получилось.

Вета заорала:

– Что значит «так получилось»? Да на тебе пробы негде ставить. Ты не забудь ему про брата – уголовника и наркомана – рассказать. А то чистенькая больно.

Таня, выходя из квартиры, хлопнула дверью.

Вета, вытирая слезы и проговаривая про себя все, что недосказала Таньке, разрезала скотч на первой коробке. Вещи. Хорошие. Некоторые еще с бирками. Она позвонила матери:

– Мам, куда девать вещи тети Наташи?

– Выброси, – ответила мать.

– Жалко. Хорошие.

– А ты что предлагаешь?

– Может, тебе привезу?

– Ты хочешь, чтобы я носила шмотки покойницы? Большого я, по-твоему, не заслуживаю? – У матери, как и предполагала Вета, началась истерика.

– Ладно, пока. – Вета положила трубку.

Вета обновила свой гардероб вещами тетки. В музыкалке ловила на себе придирчивые взгляды коллег...

Вета не пошла встречать Таньку из роддома, когда она родила Пете дочку Генриетту с родимым пятнышком на ручке, чуть выше локтя. Не пошла в ЗАГС и на их свадьбу, хотя дядя Петя сам звонил и звал. После звонков впадала в ступор от ощущения несправедливости – почему дядя Петя так быстро забыл тетю Наташу? Почему он выбрал именно Таньку, а не кого получше? Почему тетя Наташа не могла забеременеть, а Танька – сразу? Почему, наконец, у Таньки есть теперь семья, а у нее, Веты, нет? Не поехала Вета и в аэропорт, когда Танька с дядей Петей и маленькой Геней уезжали на ПМЖ в Канаду.

Юрик так и не связал тех наркоманов, которые вечером подошли к нему на улице, с Ольгой и уж тем более с Ветой.

Ольга давно стала ему не нужна – ни с квартирой, ни с дачей, вообще никак. Он уже видеть ее не мог, особенно когда она чуть наклоняла голову, пытаясь поймать его взгляд. Он возненавидел все: как Ольга пытается ему угодить, как подсовывает ему деньги. Спать с ней он тоже больше не мог. Говорил, что устал. Ольга неумелыми, хоть и музыкальными руками пыталась сделать ему расслабляющий массаж. У Юрика от ее прикосновений к плечам по позвоночнику шла дрожь. Иногда он себя уговаривал – вот Ольга для него надела прозрачный пеньюар. Но видел под пеньюаром тело и ничего не мог. Сквозь сон замечал, как Ольга вставала раньше, красила ресницы и опять ложилась. Чтобы быть красивой всегда – для него. Но совсем плохо Юрику стало после того, как он понял, что не хочет Ольгу. В прямом смысле слова. Не может хотеть. Юрик испугался всерьез – такого с ним еще не было. Уж кем-кем, а любовником он был безотказным. От Ольгиных попыток ему помочь становилось только хуже. А уж когда дело дошло до финала – заявления в ЗАГС и Ольгиных хлопот по поводу свадьбы, – Юрик испугался за себя всерьез. Каждый день он собирался сказать Ольге, что у них ничего не получится. Но срабатывал внутренний ступор. Да и Ольга не давала ему слова вставить – то про врача рассказывала какого-то уникального, к которому нужно непременно сходить, то сама изводила разговорами про то, что «это» на нервной почве. Но когда Ольга стала подкладывать ему в чай мед с маральим корнем – Юрик на банке прочел, что корень – народное средство от импотенции, – пришел к выводу, что пора спасаться бегством. Хотя бы ради того, чтобы проверить – не может он только с Ольгой или уже все, совсем не может.

В общем, в тот день Юрик сказал Ольге, что нужно поехать к своим – племянника провести, с братом поговорить. Ольга согласно кивнула, лишний раз убеждаясь, что Юрик, так беспокоящийся о своей семье, будет не муж, а золото. Ольга сунула ему деньги. «Купишь племяннику что-нибудь», – сказала она.

Юрик не знал, куда пойдет, – решил зайти в бильярдную, поиграть, попить пива. На улице, едва он завернул за угол дома, к нему подошли два парня.

– Чё надо? – спросил Юрик.

– Щас узнаешь, – сказал один парень.

– Денег? На. – Он вытащил из кармана куртки деньги, которые ему засунула Ольга.

Ребята цапнули деньги и побежали.

Юрик ухмыльнулся и решил поехать на дачу. Ключ у него был. Он шел мимо дома Ненашевых. Лизка сидела в шезлонге и курила. Дверь на их участок была открыта.

– Привет, – поздоровался Юрик.

– Привет, – ответила Лизка.

– Чего ворота настежь? Ждешь кого?

– Тебя.

Юрик вошел и сел рядом с Лизкой. Она протянула ему сигарету. Юрик понял, что Лизка курила траву. Он взял сигарету и затянулся.

– А родители дома? – спросил он.

– Нет, – ответила Лизка.

До «своего» дома, то есть дома Ольги, Юрик так и не дошел. Лизка легко отдалась. У Юрика все получилось. Они лежали и курили.

– А что тебе надо? – спросила Лизка. – Ну, по жизни?

– Где жить, с кем спать, – ответил Юрик. – А тебе?

Лизка лежала пожала плечами. Ничего.

– Хочешь, оставайся, – предложила она.

– Я изнасиловал твою подругу, – зачем-то сказал Юрик.

– Прикольно, – ответила Лизка. – Хочешь, сыграем в изнасилование?

Так бы отреагировала Наташа.

И в этот момент для Юрика, что называется, «звезды сошлись». Лизкины родители – Тамара Павловна и Евгений Петрович – решили продавать дачу – они присмотрели себе другую. По другому направлению, в поселке, в котором провел детство Евгений Петрович. Юрик оказался незаменим – он все взял на себя. Стройматериалы, прораба... Тамара Павловна про него говорила: «Тупой, но рукастый».

Юрик занимался чужими куплей-продажей-строительством, как своими. Сделал все быстро. За труды пошел на повышение – стал персональным водителем Евгения Петровича. Доставив шефа домой, трахал Лизку на пленэре.

Вета про Юрика узнала от Лизки. Та сама позвонила и рассказала, что Юрик теперь водитель ее отца.

Вета сказала, чтобы Лизка ей больше не звонила. Никогда. Лизка и не звонила.

* * *

Вете казалось, что мать сходит с ума. Медленно, но верно. Ольга бросила работу и поселилась на даче. Вета после того, как Танька переехала к дяде Пете, вернулась домой, в их с матерью квартиру. Пошла работать в ту же музыкальную школу, в которой работала мать.

Вете казалось, что у матери шизофрения, или как там это называется. Ольга придумала себе прошлую жизнь и поверила в нее.

Они сидели на даче – Вета приехала проведать мать. Не потому, что так надо. Потому что никого, кроме матери, у Веты не было. И она решила найти еще одного близкого человека – отца. Про своего отца Вета знала от тети Наташи, которая рассказывала, как было дело. Поэтому могла предположить все, что угодно, но только не то, что рассказала мать.

– Мам, а у тебя есть адрес моего отца? – спросила осторожно Вета.

– Нет. Он погиб. В авиакатастрофе. Тебе было три месяца. Он был чиновником, из очень высокопоставленной семьи. Мы жили в их квартире. На улице Веснина. Ты и родилась там, в центре. Он работал в МИДе. Работал за границей. Самолет разбился. Его родители считали меня неровней их сыну. И отказались и от меня, и от тебя, когда узнали, что сын умер. Выставили меня за дверь.

– А его родители, они еще живы?

– Нет, умерли давно. И родственников других нет. Он был единственным сыном. Мне пришлось вернуться к матери.

– А почему фотографий никаких нет? – Вета пыталась вернуть матери разум.

– Я не забрала. Хотя надо было. Для тебя. Но так получилось. А потом уже поздно было. Ты знаешь, у меня было очень красивое свадебное платье. Цвета чайной розы. Сшили в спецателье. По заказу. Твой отец был похож на молодого актера Костомарова. Очень красивый.

Вета хмыкнула. Ее при всем желании нельзя было назвать красивой.

– Я хотела, чтобы у моего ребенка были хорошие гены, – продолжала мать, – но не всегда получается то, что задумываешь. Я в твоём возрасте не знала отбоя от поклонников. Однажды меня на концерте – а я была красива, в длинном вечернем платье, играла Шопена – увидел очень известный спортсмен. И влюбился с первого взгляда. Он и тебя любил, как родную дочь. Но ты его вряд ли помнишь.

Вета сидела, онемев от страха. Спортсмен был одним из любовников тети Наташи. И Вета его хорошо помнила.

– Смотри, что я нашла на чердаке. Это мои стихи.

Ольга протянула дочери черную папку.

Вета открыла и прочитала первый лист. Это были стихи тети Наташи.

– А может, это не твои, а тети-Наташины? – осторожно спросила Вета.

– Ну что ты. Наташа, пусть земля ей будет пухом, кроме любовь-морковь, никакой рифмы придумать не могла. Кстати, и Петя на ней женился, потому что я ему отказала.

– А о Юрике ты вспоминаешь? – Вета опять пыталась вывести мать в реальность.

– Юрика я сама бросила. Нехорошо, конечно, получилось. Он так к свадьбе готовился. Хотел, чтобы и платье, и машины, и ресторан – как положено. Но не могла я с ним жить. Мы с ним разного круга люди. Даже поговорить было не о чем. Не о Чайковском же. Кстати, как дела на работе?

– Нормально. Тебя до сих пор там вспоминают, – соврала Вета.

Ей было тяжело работать в своей старой музыкальной школе. Кириллову Ольгу Михайловну там хорошо помнили. Как учителя, посредственного в музыкальном и педагогическом таланте, душившего чужой талант в зародыше. Впрочем, фотография Ольги Михайловны, как лучшего педагога, висела в холле школы – рядом с фото ее знаменитой ученицы. Ольге действительно удалось стать первым учителем известной в будущем пианистки Веры Петровой. Вера в многочисленных интервью поминала Ольгу Михайловну. Говорила, что именно в музыкальной школе решила доказать всем, а главное Ольге Михайловне, что она лучшая. И доказала. И была благодарна своей первой учительнице, которая вышвыривала ее ноты в коридор, била по пальцам и смотрела, отстраняясь от ученицы, в окно, когда Вера сдавала экзамены. Вера говорила, что, если бы не было в ее жизни такой Ольги Михайловны, она бы никогда не узнала, что такое профессиональная злость и внутренний стержень, который держит всю сущность.

Вера, когда выступала в Москве, всегда звонила и оставляла в кассе концертного зала билеты для Ольги Михайловны. Ольга никогда не ходила – не могла слушать ученицу. На уровне рвотных позывов. Однако когда было нужно – при распределении часов, премий, в разбирательствах жалоб родителей, – пользовалась громким именем ученицы.

Вета на работе была Кирилловой номер два – дочерью «той самой» Кирилловой. И когда заходила в учительскую, особенно в первое время, слышала обрывки разговоров: «Вся в мать. Дети ее панически боятся, родители недовольны...»

Но Вета делала вид, что ничего не слышит. Она считала, что поступает умнее матери – ставит ученикам тройки и говорит родителям, что нужны дополнительные частные занятия. Многие, кто под напором, кто из амбиций, соглашались. Вета ходила по ученикам. Возвращалась домой уставшая. Не от уроков. От злости. В домах стояли хорошие, дорогие инструменты, ей предлагали попить чай из хорошего, дорогого сервиза. Дарили конфеты, духи, косметику... Вета брала, как будто делала одолжение. Давая понять, что именно от нее зависит будущее ребенка.

Вета сломалась после того, как ее в коридоре подловила родительница. Был октябрь, учебный год в разгаре, расписание составлено, ученики распределены. Но Вета, и это знали все в музыкалке, готова была брать дополнительные часы. За отдельную плату. По договоренности с родителями или если ученик подавал надежды.

– Виолетта Ивановна, здравствуйте, – кинулась к ней в коридоре родительница – толстая, хоть и молодая женщина. – Мне сказали, что вы можете послушать и взять.

– Нет, уже поздно, – отрезала Вета, она мельком взглянула на женщину, и ее лицо показалось ей знакомым.

– Ну пожалуйста, мы можем помочь, в смысле, музыкальной школе. Или догнать на частных уроках. Уже и инструмент купили. Дочка очень хочет заниматься. Она талантливая, мне так кажется, у нее слух есть. Мать моего мужа, ее бабушка, играла и пела. Прослушайте ее, я вас очень прошу, – лепетала женщина, семена по коридору за Ветой.

– Ладно, приводите, – бросила Вета, лишь бы отделаться от родительницы, уверенной в гениальности своего ребенка. «Послушаю и отправлю», – решила она для себя, все еще гадая, где она видела лицо этой женщины. Может, в магазине?

Родительница тоже на нее смотрела как-то странно вдумчиво, видимо, с теми же мыслями.

– В четверг, в два, – сказала Вета и зашла в учительскую.

В четверг в два часа дня она увидела в коридоре одноклассницу Маринку – только маленькую. Пухленькую, с туманными, ослепевшими от плотного обеда глазами.

– Виолетта Ивановна, здравствуйте, – встрепенулась Маринка-большая, – это наша Томочка.

Маринка подпихнула девочку к Вете. Девочка зажалась и смотрела исподлобья.

– Пойдемте, – сказала Вета и завела их в класс. Она решила не говорить Маринке, что узнала ее, пусть сама вспоминает. Вета уже с утра разозлилась. Она считала, что не изменилась за это время. Во всяком случае, не настолько, чтобы ее не узнать. Не то что Маринка. Разжирела еще больше.

Томочка не смогла повторить ритм, который Вета отстукала карандашом по крышке пианино. А уж тем более найти по слуху нужную нотку.

– Но ведь рядом, совсем рядом, – бурно радовалась Маринка, когда Томочка ткнула пухлым пальчиком в клавишу на октаву выше нужной.

– Давайте поговорим, – сказала Вета бывшей однокласснице.

– Томочка, подожди маму в коридоре, – вскочила со стула Маринка, впихивая в руки дочери яблоко. Томочка вышла.

– Я готова заниматься с вашей дочерью, но потребуются дополнительные занятия, – начала Вета, хотя было понятно – пианистка из Томочки, как из Маринки гимнастка или пловчиха.

– Да-да, я понимаю, скажите, сколько это будет стоить, мы готовы... – залепетала Маринка.

– Марин, ты меня не узнаешь? – не выдержала Вета.

Маринка застыла, забыв закрыть рот.

– Я – Вета, твоя одноклассница. Я ушла после восьмого класса. Помнишь?

По Маринкиным глазам Вета догадалась, что та ее наконец узнала.

– Вета? Боже мой, а я все думаю, почему мне твое... ваше лицо знакомо... Что же ты... вы сразу не сказали? Я не знала, что ты здесь, в этой школе работаешь...

– Не знаю. Ладно, возьму я твою Томочку, но ничего не обещаю. Могу сказать не как учитель родителю, а как подруга подруге: слуха у нее нет. Будет средненькой ученицей, и то если заниматься захочет. Помногу. Подумай, нужно ли ей это?

– Да-да, хорошо, – кивнула Маринка. Она уже поглядывала на дверь, переживая, как там Томочка одна, в коридоре. Съела ли яблоко?

Вета видела, что Маринка обиделась и ей, Вете, не поверила.

– Хорошо, мы подумаем, спасибо. Была рада тебя видеть, – сказала Маринка и почти выскочила за дверь.

Вета сидела в пустом классе и смотрела в окно. Убеждала себя, что правильно сделала, сказав Маринке правду. Но не очень получалось – зря она так. Ведь ничего не стоило сказать, что Томочка – вундеркинд, и всем было бы хорошо. Кроме Томочки, конечно.

Маринку Вета видела мельком еще один раз – та, воровато озираясь, прошмыгнула по коридору школы. В класс другой преподавательницы, которую Вета презирала и считала недалекой. Коллега сюсюкала с учениками, всех считала одинаково талантливыми и проводила занятия в форме игры. Дети ее обожали. Томочку водила на занятия бабушка, точнее, прабабушка, которая когда-то возила Маринку на художественную гимнастику. Вета однажды не удержалась и из приоткрытой двери своего класса подглядывала, как бабушка после занятий в коридоре кормит Томочку половинкой курицы, завернутой в фольгу. У Маринки есть Томочка, у Томочки – бабушка, у бабушки – курица. Все правильно. Так и должно быть.

Вета в тот день поехала на дачу к матери.

– Мам, поехали домой. Хватит здесь сидеть, – предложила Вета.

– А ты что, переезжаешь? – удивилась мать.

– Нет, мы будем жить вместе.

– Ты же никогда не хотела со мной жить. Я тебе всегда мешала. Что вдруг? – Вета уже по тону поняла, что мать рада вернуться, но хочет, чтобы Вета ее поуготоваривала.

– Мам, ну что ты такое говоришь? Я все равно целыми днями на работе. И скоро будет совсем холодно. А ты тут одна.

– Я не одна. Если что, к соседке тете Шуре схожу. Уж хлеба она мне всегда даст.

– Мам, поехали. Давай я тебе помогу собраться?

– Ладно, если тебе вдруг мать понадобилась, тогда понятно. Я уж думала, не дождусь от тебя благодарности. Я свой материнский долг выполнила.

– Конечно, мам.

Теперь они жили втроем – две женщины и старое пианино «Ласточка». Тоже вроде как женского пола.

– Знаешь, когда мы с Наташей были маленькими, – сказала как-то вечером Вете Ольга – она сидела в кресле и смотрела на пианино, – наша мать, твоя бабка, пела на ночь Наташе колыбельную. Она начинала: «Моя рыбонь...», а Наташа подхватывала: «Ка». «Моя детонь...» – «Ка». Я лежала на соседней кровати и тоже придумывала себе ласковые слова на «ка». Хотела, чтобы у меня было больше. «Ласточка», понимаешь. «Ласточ...ка» тоже на «ка».